

МНХ
Московское
наследие

2

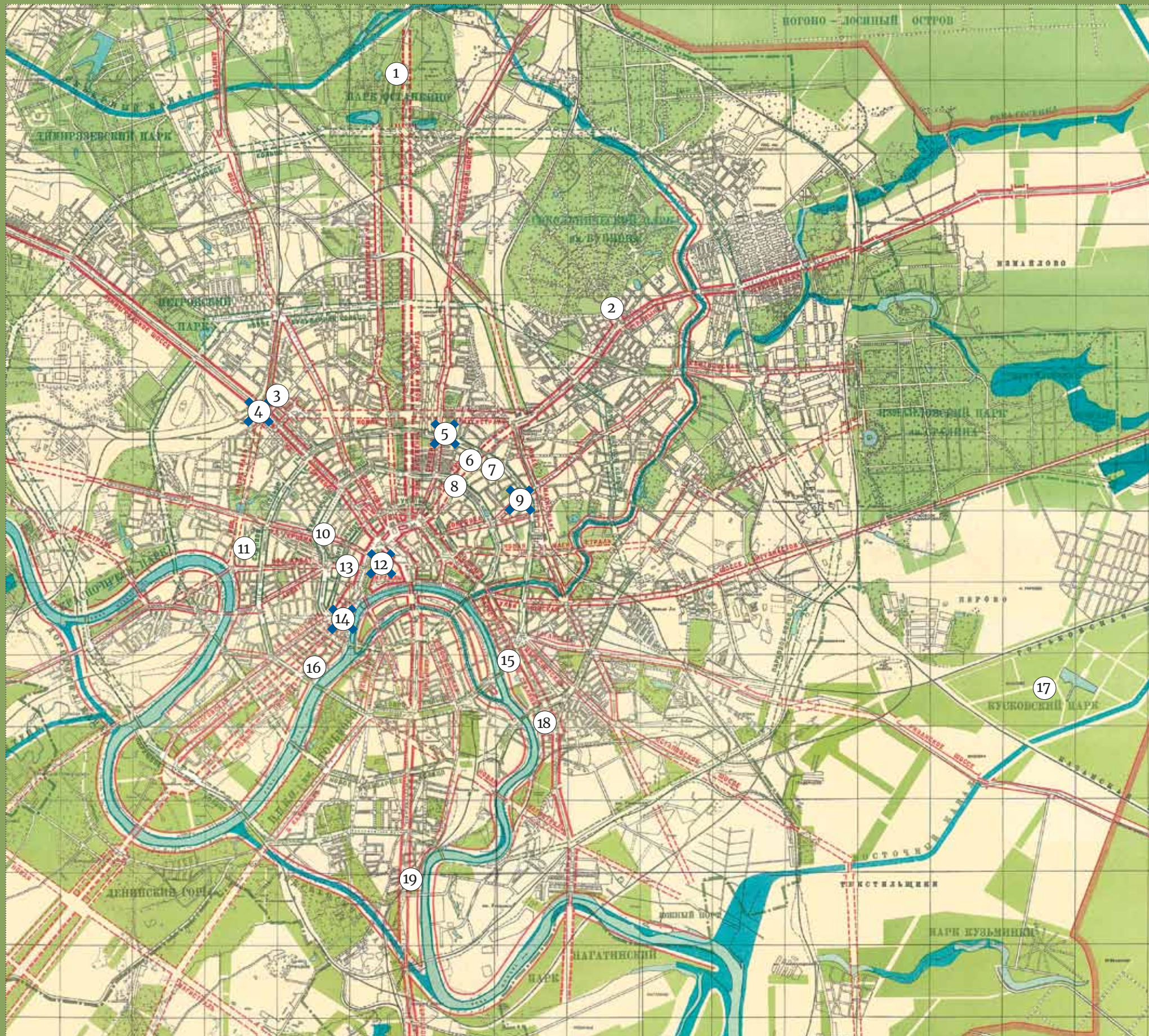

журнал · № 2 (56) · 2018

Департамент культурного наследия города Москвы

тема номера 1927–1947 **история вопроса** «московский метро – лучший в мире!» **вопросы реставрации** цвет в архитектуре **документ** охрана и реставрация «Кусково»

Памятники истории и культуры на карте «Схема основных магистралей, обводнения и озеленения г. Москвы» 1935 года

- 1 — Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (ВСХВ) (сейчас – ВДНХ). Построена в 1935–1954 годы
- 2 — Станция метро «Сокольники» – конечная 1-й линии. Открылась в 1935 году
- 3 — Дом культуры имени Зуева. Строился в 1927–1929 годы
- 4 — Триумфальные ворота. Разобраны в 1936 году
- 5 — Сухаревская башня. Снесена в 1934 году
- 6 — Дом Центросоюза. Строился в 1928–1937 годах
- 7 — Станция метро «Красные ворота». Открылась в 1935 году
- 8 — Станция метро «Чистые пруды». Открылась в 1935 году
- 9 — Церковь Успения на Покровке. Разрушена в 1936 году
- 10 — Здание «Известий». Строилось в 1925–1927 годы
- 11 — Дом Наркомфина. Строился в 1928–1930 годах
- 12 — Чудов монастырь. Разрушен в 1929–1932 годах
- 13 — Библиотека им. В.И. Ленина. Строилась в 1928–1940 годах
- 14 — Храм Христа Спасителя. Разрушен в 1931 году
- 15 — «Гончарная слобода». Археологические изыскания начаты в 1938 году
- 16 — Станция метро «Парк культуры» – конечная 1-й линии. Открылась в 1935 году
- 17 — Музей-усадьба Кусково. В 1938 году объединен с Музеем керамики
- 18 — Крутицкое подворье. Реставрационные работы начаты в 1947 году
- 19 — Первое здание Южного речного вокзала. Построено в 1932 году

Филипп Смирнов,
главный редактор журнала
«Московское Наследие»

От редактора

Второй номер журнала «Московское наследие» в 2018 году посвящен периоду с 1927 по 1947 год. В области сохранения культурного наследия этот период – один из самых сложных. Из-за идеологических нестыковок, из-за страха, который сковывал многих, из-за отсутствия понимания на разных уровнях, собственно, ценности культурного наследия. А в 1930–е годы обозначился и вовсе жесточайший перелом: начали реализовывать Генеральный план реконструкции столицы, в котором была и такая вот задача – «сохранение основ исторически сложившегося города с коренной перепланировкой его путем решительного упорядочения сети городских улиц и площадей». Попробуй такое выполнить. Ведь выглядит нонсенсом. Строилось метро, пробивались новые магистрали, под снос попадали выдающиеся памятники архитектуры XVII–XVIII веков. Коренная ломка традиционно сложившейся застройки продолжалась до 1937 года, когда на первый план вышла новая идеологическая доминанта. Суть этой идеи в том, что цари это очень плохо, но большевики унаследовали от царизма Великую державу, простирающуюся до Камчатки. И в моду вошел историцизм

и национальное многообразие. Как следствие, появился новый выразительный язык развитого социализма, были созданы выдающиеся ансамбли 1930–х–1940–х годов. В период Великой Отечественной войны вопросы разрушения архитектурного наследия страны использовались и в деле пропаганды, как повод для пробуждения патриотизма. Как будто не было сносов и отъема культурных ценностей в 1930–е. Однако это же привело к коренному реформированию отрасли – в 1944 году был создан отдел по охране памятников архитектуры в составе Управления по делам архитектуры, который начал формировать основные принципы нового подхода к памятникам истории и старины. Период относительного «межвременья» – в фокусе нашего интереса в этом номере. Мы не стали посвящать статьи журнала многожды сказанному, а попытались продемонстрировать (через документы и свидетельства) как шло «сохранение вопреки». Для меня же особенно ценно, что на страницах журнала появились документы и фотосвидетельства, ранее не публиковавшиеся. Таким образом нам удалось ввести в научный оборот еще несколько страниц, которые помогут нам понять предыдущие эпохи.

МН

Учредитель
Департамент культурного наследия города
Москвы

Руководитель проекта
Алексей Емельянов

Координаторы проекта
Екатерина Чуракова, Наталья Калинкина,
Дарья Яковлева

Научный редакционный совет
Андрей Баталов, Леонид Вайнтрауб

Консультанты журнала
Станислав Величко, Игорь Гурович,
Алексей Дедушкин, Светлана Шитова

Научный руководитель журнала, председатель
научно-редакционного совета, профессор,
доктор искусствоведения, заслуженный
деятель искусств РФ, заместитель
генерального директора Музеев Московского
Кремля по научной работе
Андрей Баталов

Редакция журнала «Московское Наследие»

Главный редактор
Филипп Смирнов

Административный директор
Мария Ксенжик

Дизайн-макет
Филипп Смирнов

Верстка, пре-пресс и корректура
Бюро «Sm'art»

Фотографии (если не указано особо)
Сергей Пушков, Вадим Разумов,
Филипп Смирнов

Издатель ООО «Солид-Пресс»,
генеральный директор – Галина Лемельман

Телефон горячей линии Департамента
+7 (916) 146-53-27
Горячая линия Департамента культурного
наследия города Москвы открыта для сбора
информации о случаях, угрожающих
историческому облику Москвы.

По вопросам издательских проектов
Департамента культурного наследия города
Москвы – телефон: +7 (495) 950-38-39

Перепечатка материалов журнала невозможна
без письменного разрешения Департамента
культурного наследия города Москвы.
© Департамент культурного наследия города
Москвы, 2018

В номере 2(50) за 2017 год журнала «Московское наследие» на 43 странице издания в материале О. Фочкина «Укротители воды» было опубликовано фото-изображение водонапорной башни на Вокзальной площади города Подольска, снесенной в 2004 году. Права на фотоизображение принадлежат Михайлушкину П.А. (сайт watertowers.ru)

№ 2 (56) 2018

Триумфальные ворота на площади Тверская застава. Фотография 1931 года. На обложке второго номера помещена фотография капители Триумфальных ворот в момент перемещения разобранного памятника в находившийся поблизости собор Александра Невского. Целесообразность разборки Триумфальных ворот горячо обсуждалась архитектурным сообществом в 1930–е годы. Этот памятник на месте входа в Белокаменную русских войск, вернувшихся из Заграничного похода, был нужен в деле патриотического подъема, но противоречил Генеральному плану реконструкции столицы. Тверская должна была стать главной магистралью города, соединяющей столицу СССР с Ленинградом, колыбелью мировой революции. Пролежав почти 30 лет в разобранном состоянии, памятник истории и культуры был заново собран (с докомпоновкой утраченных элементов) на Поклонной горе в Москве, составив значимую часть экспозиции, посвященной войне с Наполеоном. Правда, почти на том самом месте, где узурпатор всей Европы ожидал, когда покоренные москвичи принесут ему ключи от города, чего, как мы знаем, так и не случилось.

Интервью

4

Алексей Емельянов
«Люди ценят только то, что понимают»

Тема номера

10

Елена Овсянникова
А.В. Щусев и его соратники
в борьбе за охрану наследия
в 1940-е годы.
По материалам Н.Д. Виноградова

История вопроса

26

Андрей Потапенко
«МОСКОВСКИЙ МЕТРО – ЛУЧШИЙ
В МИРЕ!»
«Чудо света» сталинской России

Вопросы реставрации

44

Дарья Сорокина
Цвет в архитектуре: идеи
Баухауза, примененные на
практике в Москве

Новости

50

Новости Департамента
культурного наследия города
Москвы

Археология

56

Светлана Баранова
Подлинное открытие Гончарной
слободы в Москве

Документ

64

Главное архивное управление города
Москвы
Из истории охраны и реставрации
памятников музея-усадьбы
«Кусково» (по документам
Центрального государственного
архива города Москвы)

80

От редакции
24 вида раковин моллюсков:
как океанологи помогают
восстанавливать старинный Грот

Паспорт объекта

88

«Архитектор Григорий Бархин».
Репринт избранных страниц

Прогулка

98

Светлана Баранова
Керамическая установка:
московские адреса Алексея
Васильевича Филиппова

Персона

114

Елена Пугачева
Реставрация без страховки

Окраина

120

Вадим Разумов
Три частных случая

Алексей Емельянов

«Люди ценят только то, что понимают»

Здание Наркомзема на Большой Садовой. Архитектор Алексей Шусев. 1928–1933 годы

Журнал «Московское наследие» продолжает серию бесед по проблемам сохранения объектов истории и культуры в городе Москва с руководителем Департамента культурного наследия города Москвы **Алексеем Александровичем Емельяновым**. Вопросы задает главный редактор журнала **Филипп Игоревич Смирнов**.

Журнал за номером 2 посвящен довольно сложному периоду в истории СССР – с 1927 по 1947 год. Тут и война, и запуск реализации Генерального плана реконструкции Москвы в 1930-е годы, и знаменитая череда сносов.

Ф. С.: Алексей Александрович! Что вы можете сказать по поводу охраны памятников в сложный период конца 20-х – конца 40-х годов, как вы оцениваете действия ваших предшественников, чем в первую очередь характеризуется этот период?

А. Е.: В задаваемом вами вопросе, Филипп, есть и ответ – период очень сложный, переломный. Прошли первые годы советской власти, утихло эхо Гражданской войны, от берегов Советской России отчалил знаменитый «философский пароход», сменилось руководство страны и упрочились идеологические акспекты. На первый план вышла деятельность по планированию народного хозяйства. В Москве довольно большое число бывших сотрудников ВЧК и специалистов из РККА получили мирные профессии (закончив МИНХ – теперь РЭУ имени Г.В. Плеханова) и заступили на работу в разные комиссии и ведомства. И не случайно (а об этом мы писали в книге «Москва. Охраняется государством») многие объединения реставраторов и людей, неравнодушных к наследию, обвиняли в моральном разложении, говорили об их религиозной ориентированности и всячески препятствовали их деятельности, перераспределяя обязанности между новыми комиссиями и подведомственными учреждениями. Мне кажется, что поговорка «у семи нянек дитя без глаза» намеренно воплощалась в жизнь через разделение, раздробление этого профессионального сообщества. Вместо книг по истории архитектуры им надо было иметь на полках бесчисленные тома классиков марксизма-ленинизма,

а желание сохранить уникальное приравнилось к вредительству. Сложно было охранять наследие. Период непростой, беспримерно запутанный, и тем ценнее вклад подвижников, сохранивших для нас огромные пласты культуры. Иногда, при чтении документов той эпохи, понимаешь, что все могло бы быть значительно хуже. Так что в моем понимании – этот период это время эзопова языка, поиска нишевых областей применения и подвижничество.

Ф. С.: В этом году Департамент культурного наследия города Москвы впервые проводил Дни исторического и культурного наследия с 18 апреля по 31 мая. Какие результаты? И много ли было рассказано о времени, про которое мы сегодня с вами говорим?

А. Е.: Я неоднократно подчеркивал в разных интервью, что мы живем в городе с богатейшей историей, в живом городе, который постоянно меняется. Правительство Москвы в последние восемь лет реализует несколько городских программ, направленных на изменение качества жизни в нашем городе. В части деятельности других Департаментов города Москвы в жизнь воплощаются идеи связности городских кварталов, мобильности горожанина, социального обеспечения. В наши же задачи входит выявить и подчеркнуть многообразие культурных компонент исторического города, расширить понимание москвичом и гостем столицы (будь он иностранцем или внутренним туристом) города как совокупности исторических эпох. В особенности нам способствует популяризация объектов культурного наследия. Люди ценят только то, что понимают и то, что знают. Дни культурного наследия в этом году можно оценить как крайне успешные – лекции, экскурсии, мастер-классы, новые городские маршруты, информационные события, – все это работает на город, на повышение его статуса, на выявление городских доминант и косвенно повлияет на кадровую политику в нашем городе, на внутреннюю миграцию в нем. Пусть и не в краткосрочной, а в среднесрочной перспективе. Еще одним немаловажным фактором программы стали охват и вовлеченность, и значительное омоложение потребителей программы. Все больше молодых лиц, которые могут в перспективе связать свою жизнь с охраной культурного наследия, потому что про город рассказывали увлеченные энтузиасты, которые умеют «зажигать» других. А в программе показа были не только объекты этого периода. Мы старались дать наибольший охват.

Ф. С.: И все-таки, много ли среди посещаемых объектов, ОКН, построенных с 1927 по 1947 год?

А. Е.: Точной цифры у меня нет. Поэтому сказать, много это или мало, я не готов. Полагаю, что достаточно для понимания перехода в архитектуре от конструктивизма к советскому ампиру, понимания Генерального плана реконструкции Москвы, военных лет и первого послевоенного строительства.

Ф. С.: На какие из объектов культурного наследия этого периода вы бы пригласили москвичей?

А. Е.: Ну как вы себе это представляете?! А пойдемте смотреть на ДК Зуева: он был построен в период с 1926 года по 1930-й... Люди и сами могут сходить на спектакль в театр, который квартирует в этом ДК. А по дороге взглянут на дома по Лесной

Покровка. Церковь Успения ещё стоит (разрушена в 1936 году). Колокольню и купол церкви св. Троицы начали ломать в 1933 году. Фото 1933–1936 годов

Дни культурного наследия в этом году можно оценить как крайне успешные – лекции, экскурсии, мастер-классы, новые городские маршруты, информационные события, – все это работает на город, на повышение его статуса, на выявление городских доминант, на внутреннюю миграцию

Работы по восстановлению павильонов ВДНХ начались в 2014 году. До конца 2018 года в Центральном павильоне будут полностью отреставрированы исторические интерьеры, а также внешние фасады. Павильон «Космос» превратится в крупнейший отечественный центр, где будет показано прошлое, настоящее и будущее российской космической и авиационной науки и техники. Фото 2017 года

улице, которые были построены в 1930-е, а, может, после спектакля пройдут в сторону Садового кольца и взглянут на улицу Фадеева, где располагаются дома МГБ с уникальным лепным декором и штукатурными панно, а перед тем взглянут на кварталы у Пыхова-Церковного переулка. Или прогуляются по 1-й Тверской-Ямской и собственнo Тверской улицам, застройка которых сложилась преимущественно в эти же годы. Я всегда с радостью зову всех изучать Москву. Можно десять раз пройти по одной улице и всякий раз узнавать что-то новое.

Ф. С.: Один из самых известных объектов этого периода – ВСХВ–ВДНХ–ВВЦ. Как идет реставрация на ВДНХ, много ли объектов возвращается в этом году для обзора? Много ли осталось от ВСХВ первых лет, ведь наиболее масштабные работы по переделке знаменитой выставки были в 1950-е годы?

А. Е.: Комплексная реставрация ВДНХ – одна из приоритетных городских задач в текущем году. Почти еженедельно я бываю на территории ВДНХ. И это обусловлено не просто моим интересом к этому историческому ансамблю, но и тем, что за более чем 60 лет, город впервые занят реставрацией крупнейшего архитектурного заповедника – на территории ВДНХ есть планировка 1938 года, павильоны, построенные в 1930-е, переделанные в 1950-е. Реставраторы в повседневном ритме со-

вершают открытия, применяют новые реставрационные технологии. Времени на рефлекссию пока нет, идет сбор информации. Утверждать, много или мало осталось от 1930-х еще пока, на мой взгляд, преждевременно. К тому же задача сейчас – отреставрировать, выявить достоинства подлинного, сохраненного. Думаю, что когда наступит время, мы с вами сможем детально остановиться на том, что нам удалось сохранить. Пока же давайте дадим работать реставраторам.

Ф. С.: Многие слышали про Генеральный план 1935 года, про сносы 1930-х годов. Что тогда уцелело, что считается по-прежнему памятником истории и культуры, что удалось сохранить вашим предшественникам?

А. Е.: Я не знаю ни одного периодического издания за последние несколько лет, которое бы по многу раз не рассказало бы историю сносов того времени. Красные ворота, церковь Успения на Покровке, Сухарева башня, храм Христа Спасителя, Триумфальная арка и прочее. Бережности в отношении культурного наследия тогда не было. Но это не более чем констатация. Которая за собой не может повлечь изменений. Наличники Сухаревой башни, горельефы и барельефы храма Христа Спасителя, капитель Триумфальной арки, лепной декор Красных ворот, фрагменты белокаменной галереи церкви Успения – подлинное фрагментарно осталось. Находится в Донском монастыре, Музее архитектуры имени Щусева, на Кутузовском проспекте, в Государственном историческом музее и на Покровке, в интерьерах одного сетевого кафе. Конечно, это – крупницы прошлого. И обмерные чертежи, и фотофиксация не могут восполнить утраты. Но это именно то, чем были заняты наши предшественники. Они искали способа в любом случае сохранить. Пусть и не в физическом состоянии, но хотя бы так. И даже снесенное ничто из этого не перестает быть памятником истории и культуры. Генеральный план 1935 года – тоже уже памятник. И трасса Комсомольского проспекта, и памятник Рабочий и колхозница, и общежитие Университета национальных меньшинств Запада, и Северный речной вокзал, и Сыромятнический гидроузел и многое другое.

Ф. С.: На Мясницкой, 39, стоит шедевр мирового уровня – Дом Центросоюза, который построил Ле Корбюзье, с участием своего брата и русского архитектора Колли, в каком состоянии объект?

А. Е.: Я оцениваю состояние памятника как удовлетворительное. Совсем недавно были произведены реставрационные работы, выявившие многие из ар-

Дом Центросоюза (Наркомлегпрома) на Мясницкой. Проект Ле Корбюзье. 1928–1936 годы. Фото 2017 года

хитектурных прорывных находок архитектора, – использование древесины для внутренней обрешетки, вентиляция, полированный бетон на колоннах. Все эти элементы законсервированы, приведены в надлежащий вид. На объект в рамках программы Департамента культурного наследия города Москвы по доступу граждан на объекты культурного наследия проводились организованные ознакомительные туры.

Ф. С.: Вот вы упомянули ДК имени Зуева... Расскажите немного о ДК периода конструктивизма – какими вы видите их перспективы? Периодически возникают разные разговоры о сносах, переоборудовании, приспособлении к новым условиям и так далее... Какова ваша позиция?

А. Е.: Позиция моя до предела проста: любой объект культурного наследия, стоящий на охране государства, должен быть сохранен. Он, конечно, должен использоваться, ведь, в противном случае, довольно быстро он обветшает и утратит свой первоначальный вид. Сносы невозможны, реконструкция, приспособление и переоборудование – только по проекту в строгом соответствии с паспортом объекта и предметом охраны. Мы постепенно наводим порядок, ведем работу с собственниками и арендаторами, мониторим состояние объектов, в случае необходимости (когда переговоры не помогают) – обращаемся в судебные инстанции. Но, в целом, с дворцами культуры периода конструктивизма ситуация удовлетворительная. Этот класс объектов культурного наследия находится на особом контроле. Ведь ни для

кого не секрет, что объекты конструктивизма и авангарда – очень привлекательны в качестве объектов туристического показа. Конструктивизм – крайне самобытное явление, на которое едут смотреть со всего мира любители архитектуры и истории.

Ф. С.: Самые масштабные работы на памятнике конструктивизма сейчас идут на доме Наркомфина. Давно вы были на объекте? Как продвигается реставрация? Какие открытия нам приготовлены?

А. Е.: Реставрация сейчас идет полным ходом. Но в отношении открытий вы опять забегаете вперед – когда идет работа, сложно одновременно с этим осуществлять анализ полученных фактов. Перед нами – шедевр мирового значения, здание, не имеющее себе равных, дом, который вдохновил целые поколе-

Любой объект культурного наследия, стоящий на охране государства, должен быть сохранен. Он, конечно, должен использоваться, ведь, в противном случае, довольно быстро он обветшает и утратит свой первоначальный вид. Сносы невозможны, реконструкция, приспособление и переоборудование – только по проекту в строгом соответствии с паспортом объекта и предметом охраны

Реставрационные работы на станции «Киевская» Филёвской линии. Фото 2015 года

ния архитекторов, задал мировые тренды, показал возможности новых материалов и так далее. Конечно, нам уготовано много интересного и нового к узнаванию. Но – чуть погодя. Работа с собственниками и реставраторами идет очень продуктивная, я бываю на объекте регулярно. Во многом и потому, что мне самому, как любителю истории, очень интересно смотреть, как буквально на глазах дом преобразуется. Из почти руины возвращается к нам. Ведь его около 80 лет не касалась рука реставратора. Освобожден первый этаж – дом будет «на ножках», каким его и задумали архитекторы, восстанавливаются подлинники элементы. Все идет по плану.

Ф. С.: В 1930-е годы весь мир восхищался монументом Веры Мухиной «Рабочий и колхозница». Это – тоже мировой шедевр, символ страны, первый в мире памятник из авиационного металла. Я знаю, что была завершена реставрация здания, где располагалась ее мастерская. В каком состоянии работы скульптора, ведь их немало в Москве?

А. Е.: В Пречистенском переулке, 5а, Вера Мухина жила и работала последние 6 лет своей жизни. Здание очень интересно

своей архитектурой. Оно очень эклектичное. Так, в нем, к примеру, присутствуют элементы позднего конструктивизма. Зал мастерской украшает витражное окно во всю стену дома, а также световой фонарь треугольной формы – остекленная конструкция на крыше, предназначенная для верхнего освещения. При этом фасады дома украшены и классическими элементами – карнизами, сандриками над окнами, фронтоном и круглыми медальонами. Масштабная реставрация продолжалась порядка двух лет и затронула как жилую, так и рабочую части дома. По необходимости в доме проводили локальные восстановительные работы. Например, несколько лет назад полностью заменили крышу. Однако с момента постройки прошло уже более 70 лет, зданию требовалась реставрация, инженерные сети пришли в негодность. Штукатурный и красочный слой фасада растрескались, фундамент начал разрушаться, ограда вокруг дома покосилась. Сейчас реставрация завершена. А памятники Веры Мухиной в городе так же отреставрированы. Например, на площадь Тверской Заставы мы вернули из «Музеона» памятник Максиму Горькому. В Лужниках отреставрированы еще несколько лет назад скульптурные композиции из шпильки «Земля», «Вода». В парке «Дружба», неподалеку от метро «Речной вокзал», – «Хлеб» и «Плодородие». Памятник Максиму Горькому у Института мировой литературы РАН так же приведен в порядок. А монумент «Рабочий и колхозница» торжественно открыт по-

Памятник Максиму Горькому отреставрировали и вернули на историческое место

сле масштабной реставрации в 2009 году и состояние его постоянно мониторится Департаментом, потому что на нем были применены новые технологии консервации, и в нашу задачу входит также понять, насколько эти новые технологии пригодны к использованию. Пока качество реставрации – выше всяких похвал.

Ф. С.: В 1930-е годы ударными темпами строилось московское метро. Концепция строительства предполагала возведение «дворцов для народа». Это наследие также находится под охраной государства. Какие работы сейчас ведутся на объектах Московского метрополитена?

А. Е.: Работы на объектах Московского метрополитена ведутся постоянно – эти памятники испытывают на себе повышенную нагрузку. И рассказать обо всем объеме реставрации на объектах Московского метрополитена не хватило бы всех страниц нашего журнала за год. Сейчас заканчиваем ремонтно-реставрационные работы на первых павильонах – станции метро «Красные ворота», «Сокольники», «Чистые пруды» и другие. Речь об уличных павильонах.

Ф. С.: Благодарю вас за возможность беседы (у вас очень плотный график) и позволю себе традиционно задать вопрос личный. Вы говорили об изменении качества жизни в городе. Расскажите, где участие Мосгорнаследия в этом вопросе наиболее наглядно для вас.

А. Е.: В Москве есть площадь Красные ворота. Она соединяется с Лермонтовской площадью. Михаил Юрьевич Лермонтов и герои его поэмы «Мцыри» расположены в уютном сквере. Там же стоит скульптура работы Ивана Шадра «Рабочий-сезонник». Административно-жилое здание на Красных воротах (одна из семи московских высоток) являет собой памятник инженерной мысли – ее строили под наклоном. По мысли благоустроителей в сквере перед павильоном метро «Красные ворота» (который сейчас реставрируется) разбит сквер и посажены деревья. Тротуары Садового кольца расширены – можно осмотреть ограду старинного особняка фон Дервиза (здание с интерьерами высокой сохранности авторства Ф. Шехтеля). А нашими усилиями отреставрированы фасады конструктивистского дома – «дома парвоза», построенного для Наркомата путей сообщения. Чуть ниже, в сторону Сухаревской площади, закончены работы на фасадах Наркомзема. Мне кажется, что именно эти комфортные широкие тротуары и приведенные в порядок фасады памятников истории и культуры, зеленые насаждения как раз и повествуют о создании комфортной исторической среды нашего города.

МН

Елена Овсянникова

А.В. Щусев и его соратники в борьбе за охрану наследия в 1940-е годы

По материалам Н.Д. Виноградова

Н.Д. Виноградов на разборе Триумфальных ворот. Фотография: archnadzor.ru

С 1930-х годов для поборников охраны наследия начался нелегкий период. Государственные органы подвергались многим реорганизациям, их роль снизилась до чисто номинальной¹. Но судя по архивным материалам архитектора Н.Д. Виноградова, которые частично публиковались в предыдущем номере данного журнала, зодчие и историки архитектуры не сдавались, в частности, они продолжали действовать как члены Союза архитекторов, где

в 1941 году была создана секция охраны памятников. В 1934 году по их инициативе был создан ведомственный музей при Академии архитектуры и строительства СССР. В нем, во главе с В.Н. Ивановым, и работали Виноградов и другие специалисты своего дела при поддержке А.В. Щусева. В Донском монастыре они собрали многие фрагменты сломанных старинных зданий Москвы и добились возможности обмерить, сфотогра-

Члены комиссии в Загорске. Слева направо: реставратор П.И. Юкин, архитекторы Н.Н. Соболев и И.В. Жолтовский. Фото 1939 года

фировать и зарисовать уничтожаемые здания. В архиве Виноградова даже сохранился проект ворот с вмонтированными в их опоры этими обломками. Трагическая судьба постигла Московский Кремль, внутри стен которого были разобраны монастыри, церковь Спаса на Бору, Красное крыльцо Грановитой палаты. Однако, не прекращалась реставрация стен и башен Кремля, тогда закрытого для публики. Ее вел Виноградов вплоть до конца 1940-х годов, приглашенный после проведенной им реставрации Китайгородской стены². Он установил первоначальные формы Благовещенского собора, консультировал также реставрацию Покровского собора на Красной площади, реконструировал его древнейший план, а также – работал в Институте истории искусств, во главе которого стоял И.Э. Грабарь. Там был архитектурный отдел, занимавшийся наследием в академическом аспекте. Так, даже исходя из биографии только одного из

специалистов, отстраненных от деятельности в органах охраны наследия, можно судить о том, что они продолжали работать внутри профессионального цеха. Малоизвестно, что в феврале 1941 года Виноградов при активной поддержке Щусева начал создавать музей Московского архитектурного института для хранения обмеров, чертежей и архитектурных деталей уничтоженных сооружений. Он предлагал использовать для этого двор института, превращенный в музей под открытым небом. Но как директор будущего учреждения, Виноградов смог составить лишь словесное описание экспозиции³. Началась война, институт был эвакуирован, а после нее Виноградов стал заведующим Кабинетом русской архитектуры института, но о музее, учитывая общие трудности тех лет, продолжал только мечтать. Об активном участии Щусева в организации такого кабинета в феврале 1947 года сказано в стенограмме заседания на его открытии⁴.

² См.: Овсянникова Е.Б. Китайгородская стена. Реставрация перед сносом. По материалам Н.Д. Виноградова. – М.: Москва, которой нет, 2015.

³ См.: Овсянникова Е.Б. Н.Д. Виноградов – организатор музея Московского архитектурного института в 1943–1945 гг. // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ: Тезисы докладов научно-практической конференции. – М.: МАРХИ, 2012. – С. 373.

⁴ Эту стенограмму цитировал К.Н. Афанасьев. Речь шла о выступлении А.В. Щусева на открытии Научно-исследовательского кабинета русской архитектуры института Московского архитектурного института 19 февраля 1947 года. См.: Афанасьев К.Н. А.В. Щусев. – М.: Стройиздат, 1978. – С.28, 183.

¹ Главнаука была упразднена, Межведомственный комитет, а далее Управление по делам искусств были поставлены в условия чисто номинальной деятельности, далее ситуация долго была катастрофической. См.: Доброновская М., Вайн-труб Л. Москва. Охраняется государством. К 100-летию образования органов охраны памятников. Документы и свидетельства. – М.: Департамент культурного наследия, 2017.

Дом князя Н.С. Гагарина
на Новинском бульваре,
уничтоженный бомбой
в 1941 году. Фото 1921 года

Во время войны многие архитекторы занимались маскировкой самых ценных объектов Москвы. В дневнике же Виноградова сказано, что к нему, как создателю секции регистрации памятников гражданской архитектуры при комиссии «Старая Москва», упрядненной в 1930 году, пришли представители НКВД и забрали последний экземпляр журнала «Московский краевед», где был дан список древнейших сводчатых палат, подходящих для бомбоубежищ⁵. Далеко не все знают, что, когда начались бомбардировки и во время них погиб замечательный дом Гагарина на Новинском бульваре О.И. Бове, фанатичные москвоведы П.Н. Миллер и Виноградов ходили по городу и составляли список подобных разрушений. Поразительно, что в перерывах между воздушными тревогами архитекторы собирались в Академии архитектуры не только для сушки сухарей, но и чтобы прослушать доклады коллег на исторические темы, например, С.А. Торопова о водных пространствах в подмосковных усадьбах (21 ноября 1941 года), а 25 февраля

1942 года Л.А. Давид выступал с докладом о церкви Трифона в Напрудной, которую он впоследствии реставрировал. Знаменитый искусствовед Н.И. Брунов читал публичные лекции в Доме ученых, на которые было трудно достать билеты из-за огромного числа желающих (в частности, 8 февраля 1942 года он рассказывал о старой Москве). То есть, во время войны шла очень интенсивная работа по частной инициативе специалистов, положенная в основу дальнейшей деятельности официальной охраны наследия.

Малоизвестно также, что во время войны не прекращались реставрационные работы в Троице-Сергиевой лавре, которыми Виноградов пригласили руководить, сменив И.В. Трофимова, призванного в армию (фактически, на строительство жилого дома для генералитета под руководством И.В. Жолтовского). Вместе с А.В. Щусевым, историком лавры В.П. Зубовым, искусствоведом Н.И. Бруновым, инженером П.В. Щусевым (младшим братом архитектора Щусева) и др., Виноградов был с 1938 года членом специальной комиссии по реставрации этого архитектурного ансамбля. Тогда он наметил план первоочередных работ и предложил концепции реставрации древнейших Троицкого собора, церкви Св. Духа, а также – Трапезной и Чертогов.

Примечательно, что в его дневнике записано со слов более информированных людей (быть может, Щусева), что под давлением дипломатов США правительство СССР стремилось показать всему миру свою заботу о наследии. Поэтому эти

Троицкий собор. Перед ним
стоят архитекторы (слева
направо):
И.В. Трофимов,
Н.Н. Виноградов,
Н.Д. Виноградов. Фото:
А.В. Хлебников,
1941 год

работы шли в наравне со строительством московского метро, откуда Виноградов приглашал каменщиков. Тогда же речь шла и о восстановлении взорванного Воскресенского собора в Ново-Иерусалимском монастыре. Неслучайно Щусев не только руководил крупномасштабным проектом малоэтажной застройки вокруг этого ансамбля, но и рассчитывал жить в Истре постоянно. В дневнике Виноградов описал, как в декабре 1941 года, когда советская армия освободила Калинин (Тверь), он выезжал в командировку от Союза архитекторов на обследование разрушенных памятников архитектуры, прежде всего, знаменитого екатерининского путевого дворца (вместе

с И.Е. Бондаренко и В.Н. Подключниковым). Записал Виноградов и о паспортизации памятников архитектуры, развернувшейся во время войны по заказу Комитета по делам искусств. Сам он составил многие «паспорта» на объекты Москвы, Коломны, Твери, и др. городов (как говорили знатоки, несколько тысяч наименований), а также редактировал материалы, составленные по Кремлю Н.Я. Тихомировым. В 1945 году, сразу же после победы, Щусев предпринял беспримерные для своего времени шаги. На волне подъема патриотизма, использованной правительством в целях пропаганды советской политической системы, он добился ор-

⁵ О маскировке Москвы и об аналогичном использовании старинных зданий сказано в книге, указанной в прим. 1.

Первые сотрудники
Музея русской архитек-
туры. Н.Д. Виноградов
сидит за столом в цен-
тре. Фото: Н.А. Самойло-
ва, 1947 год

ганизации государственного Музея русской архитектуры (теперь ГНИМА им. А.В. Щусева) и был назначен его директором. В 1947 году Виноградов был приглашен Щусевым в число его организаторов, а затем и возглавил их коллектив. Из его дневника можно узнать многие детали из этой, до сих пор не раскрытой, истории:

7 февраля 1947 года. «С утра имел беседу со студентами, которые увлеклись обмером Благовещенского собора, отмечая большие неувязки с обмером, напечатанным Суловым. Указал им, что это вторая стадия работы, а сейчас чтоб они делали обмер живописи. Потом мне позвонили из Музея архитектуры, русской, Щусева <...>. Пошел туда <...>. Все они просят меня взять на себя руководство древнерусским отделом. Боюсь, что не хватит времени. Я не успеваю дойти до Архитектурного института».

11 февраля 1947 года: «<...> я направился в музей Щусева, где нашел весь штат, сидящий около Щусева. Когда я вошел, меня пригласили в компанию к столу. Здесь произошел короткий диалог. Щусев задал мне ряд вопросов <...>. Я указал ему, что сначала надо составить план архитектурного отдела древ-

него зодчества, и тогда можно говорить о работе и приобретениях. Он стал жаловаться, что нет заведующего отделом древн[ерусской] архитек[туры]. И спросил меня, не смогу ли я взять на себя эту роль. Я сказал, что после сегодняшнего дня я готов это сделать. Сотрудники встретили мое заявление аплодисментами, в т. ч. Щусев <...>».

18 февраля 1947 года. «После заседания я прошел в Музей русской архитектуры, где подал заявление на замещение должности зам. директора по научной части без финансовых вопросов».

После смерти Щусева, наступившей в 1949 году, Виноградов стал исполнять обязанности директора, и в дальнейшем был одним из самых авторитетных сотрудников музея, много лет (официально вплоть до 1971 года) работал в нем как заместитель директора по научной работе и консультант. Однако занимать руководящие посты он не имел права, так как в 1921 году был исключен из партии, чем и объясняется его постоянное перемещение в музей, то на должность главного хранителя, то на положение и.о. директора или замдиректора по научной работе, о чем он писал сам.

Основатели
Музея русской
архитектуры
(слева на-
право): А.Г. Га-
бричевский,
Н.Д. Виногра-
дов, А.В. Щусев.
Фото конца
1940-х годов

22 февраля: «Из Ленинской библиотеки прошел в музей Щусева, где имел разговор относительно устройства передвижных выставок. Потом ждал переписки плана выставки, что вчера дал Иванов В.Н. В это время меня вызвали в Управление по делам архитектуры РСФСР с оформлением моей работы в музее».

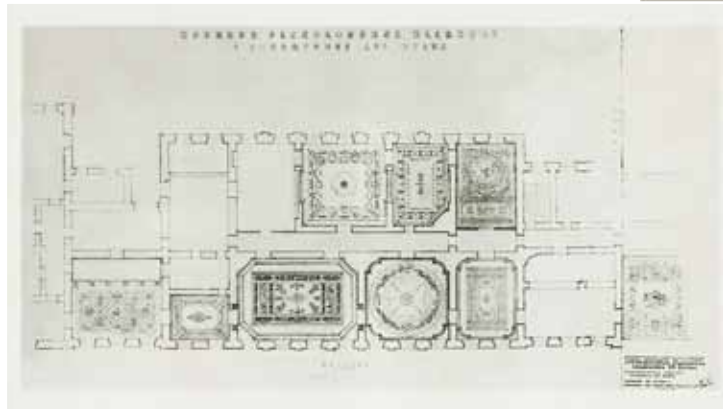
26 февраля: «С ним [Новиковым Н.И.] мы направились в музей, где я с Минкиным составил проект приказа о моем назначении <...>: Зачислить (меня) на должность главного хранителя музея с функциями начальника стройгруппы. В обязанности Николая/Виноградова входит: 1) научное руководство всей музейной работой; 2) – покупкой, регистрацией и хранением фондов музея; 3) руководством стройгруппой. Меня смущает, что главным хранителем является Соколов, так, чтоб осуществить этот приказ, Соколова надо куда-то спихнуть, а это в мои планы не входит. И второе, – сомнительные функции нач. стройгруппы <...>». Речь шла о реставрационных работах в доме Талызиных,

который Щусев получил под музей, поручив детализацию проекта этих работ своей организации Академпроект. Но труднее всего было вывести общежитие НКВД из этого здания, чем пришлось заниматься Виноградову, а не только координацией реставрации⁶.

3 марта: «После обеда проехал в музей Щусева, где нашел заседание в полном составе. Не было только [И.В.] Трофимова, который прибыл после всех. Обсуждалась работа научных сотрудников. Отчитывался В.П. Зубов <...>. Щусев уезжает в отпуск. Хочет ехать в четверг. Оставил по музею меня. <...>

Далее Виноградов так и остался в роли «правой руки» Щусева в музее, записав следующее: **5 марта:** «К 12 ч. Я пошел в музей Щусева, где меня засадили писать ответ РКИ [Российскому комитету по делам искусств], с тем, чтоб Щусев мог сегодня его подписать, поскольку он уезжает в отпуск завтра. В то же время ко мне приставили сотрудники по самым разнообразным вопросам».

⁶ В доме Талызиных (Казенная палата) были до того не только общежитие, но и приемная М.И. Калинина и самого Сталина.

Проект реставрации
плафонов дома Талызи-
на (2 этаж). Мастерская
А.В. Щусева. А.Ю. Забо-
лотная. Конец
1940-х годов

Дом Талызина. Музей-
русской архитектуры.
Фото конца 1950-х годов

10 марта: «Вернулся в музей, где знакомился с документами возникновения музея. Я не знал, что музей возник по постановлению Совнаркома СССР, мне почему-то казалось, что это постановление [Совнаркома] РСФСР».

11 марта: «С утра был в музее, где распределял роли работы сотрудников по выставке 800 лет Москвы».

24 марта: «Весь день пробыл в музее, только уходил обедать. После обеда вернулся в музей, где было очередное совещание сотрудников. Обсуждали программу музея».

31 марта: «С утра переписывал статью для журнала «Архитектура и строительство» – «Государственный музей русской архитектуры»».

7 апреля: «С утра в музее. В конце дня было обычное совещание, на котором были просмотрены и утверждены формы заполнения регистрационных карточек. (...) При уходе бухгалтер таинственно сообщил, что финансовое м-во сняло полностью все кредиты по формированию музея».

13 апреля: «<...> когда я вернулся в музей, здесь все сотрудники музея были в сборе. Они плотным кольцом окружили

Ал[ексея]Викт[оровича] Щусе-ва]. Как всегда, А.В. каламбурил, проверявая сложные вопросы. Кардинальным вопросом было дальнейшее существование музея – его финансы и помещения. Минкин доложил о финансах, которые, как выходит, в неплохом состоянии, т. к., в отличие от прошлого года, когда было отпущено 1.400.000 р., в этом году дано 1.300.000, а в то же время на покупку денег нет?»

5 мая: «Покончив с официальной частью, совещание продолжилось в тесном кругу. Щусев упрекал нас в том, что мы слабо действуем с выселением [жильцов] из [здания] музея».

29 мая: «Вскоре прибыл А.В. [Щусев], он сообщил, что они только что от министра госбезопасности <...>, который дал распоряжение в месячный срок освободить помещения общежития». И далее Виноградов сделал запись о перспективе размещения музея «в самых парадных покоях».

24 октября: «В музей вернулся [из Загорска, где вел реставрацию] к 3 часам. Только в 5 ч. Прибыл Ал[ександр] Викт[орович]. И мы просидели до 1/2 8-го, пропустив массу дел. По реставрации зала с колоннами дого-

ворились, что Минкин завтра выставит ему смету и договор, которые он и подпишет. Целую уйму дел – по приобретениям. Просмотрели работы Тамонькина – рисунки с московских церквей, сделанные в текущем году в количестве 100 листов, оцененных в 25.000 рублей?».

1 марта: С утра в музее. Продолжал работать над макетом отчета. После обеда ждали А.В. [Щусева], он приехал только в 6 ч., к этому времени [А.Г.] Габричевский уже ушел. Я показал ему макет отчета. Он удивился его объему, в то же время предложил включить в него проект реставрации [дома Талызиных]».

Из дневника ясно, что и в сентябре 1948 года далеко не все жильцы были выселены, так, 22 декабря записано о намечавшейся к 1 мая выставке в трех отреставрированных залах музея. И так, шаг за

шагом, не прекращая работу и после смерти Щусева, произошедшей 24 мая 1949 года.

26 мая: «Сегодня по радио сообщили еще утром постановление об увековечении [памяти] академика Щусева: 1) присвоить имя Щусева А.В. Музею русской архитектуры и 4) переименовать Гранатный переулок в г. Москве в улицу Щусева, 5) установить мемориальные доски на главных зданиях и сооружениях, построенных по проектам академика А.В. Щусева и т. д. Первый пункт внес некоторую ясность в судьбу нашего музея, именно, – он должен существовать».

Виноградов стал первым после Щусева директором Музея русской архитектуры, но только 7 марта 1957 года смог провести официальную церемонию окончательного его открытия в помещениях отреставрированного здания на проспекте Калинина (Воздвиженке).

Список литературы

Овсянникова Е.Б. Работа была весьма интересная. Николай Дмитриевич Виноградов (1885–1980) // Краеведы Москвы / Сост. Иванова Л.В., Шмидт С.О. – М.: Московский рабочий, 1991. – Вып. 1. – С. 200–215.

Овсянникова Е.Б. Творчество Щусева с исторической дистанции // Алексей Щусев / Щусев П.В. Страницы из жизни академика А. В. Щусева / сост. М.В. Евстратова. – М.: С.Э. Гордеев, 2011. – С. 270–314.

Овсянникова Е.Б. Виноградов Николай Дмитриевич // Энциклопедия русского авангарда. – М.: Глобал Эксперт энд Сервис Тим, 2013. – Т. 1. – С. 158–159.

Овсянникова Е.Б. Китайгородская стена. Реставрация перед сносом. По материалам Н.Д. Виноградова. – М.: Москва, которой нет, 2015.

Дневник Виноградова 1941, 1942

В своем дневнике Виноградов отмечал многие аспекты культурной жизни. Так, в 1941 году он записал, как наблюдал вывоз художественных сокровищ Лавры. Отметил также, что в ее музее сменили всех сотрудников, также, как и сотрудников других организаций, от работы которых зависела сохранность ее сооружений. Примечательна его запись о том, что желание советского правительства поддержать свой престиж в глазах мировой общности и, в частности, американцев, особенно живо интересовавшихся проблемами сохранения и восстановления таких всемирно известных культовых памятников, обусловило продолжение реставрации здесь даже в самые тяжелые дни боев за Москву. Из дневника ясно, что первые годы войны стали решающими в разработке основных концепций рестав-

рации важнейших памятников Лавры – Троицкого собора и церкви Святого Духа. Дневник Виноградова интересен, если его читать почти без сокращений, так как он хорошо показывает жизнь людей культуры и реальную атмосферу тех трудных лет. 20 ноября 1941 года архитектор отметил, что А.В. Щусев продолжает работать вместе со своим братом-инженером П.В. Щусевым над проектом вертикальной планировки Лавры.

1941 год

20 ноября. «... узнал, что Щусев А.В. в Москве. Он назначен зав. мастерскими президента Академии наук вместо эвакуировавшегося Шмидта О.Ю. Так что он теперь персоне грата. П.В. Щусев также никуда не поехал».

⁷ Щусев помогал многим коллегам и их семьям, одновременно стремясь сохранить их творческое наследие в музее. Так были куплены зарисовки снесенных церквей Н.Я. Тамонькин, бывшего многолетнего сотрудника мастерской Щусева.

Н.Д. Виноградов и И.В. Трофимов у церкви Зосимы и Савватия в Троицкой лавре. 22 мая 1941 года

21 ноября: (...) дошел [до] Пушкинской ул., где свернул в Академию архитектуры, чтоб предупредить С.А. Торопова подготовить деньги для картофельной компании... По пути встретился с А[...].киным Д.Н., который нес сухари, что ему сушат на кухне Академии. От него узнал, что сегодня Торопов делает доклад в Комиссии по охране [Комитета по делам искусств РСФСР]. В Академии я встретился с Ш., который назвал тему доклада С.А., который был начат в прошлую пятницу и не был закончен из-за воздушных тревог. Как всегда, доклад С.А. был густо иллюстрирован диапозитивами. Касался он водных пространств <...> в русской усадьбе. Причем рассматривал, главным образом, подмосковные. В своем предисловии он сказал, что т. к. он пишет большой труд о русской усадьбе, одной из глав которого и является тема сегодняшнего доклада. Доклад, начатый в начале 3-го, был окончен в 4 часа. Слушателей было 6 человек. Все свои. На следующую пятницу был Д.П. [Сухов], объявил доклад Макси-

мова П.Н., тема которого цветные фасады XVIII-го века. Кроме того, он просил и меня сделать свое сообщение. Я принципиально не возражал.

<...> После обеда зашел ко мне Шехтель Л.Ф. (Жегин). По его словам, два дня покоя от налетов объясняются тем, что через Москву шли отступающие с фронта войска... Вот это номер? Думаю, что это досужие ОГГ¹.

24 ноября. С утра я на службе, где возил-ся до 12 часов с электропроводкой. Пришел С.А. Торопов – спец по физике, я переложил на него всю эту музыку, которую он и расхлебал в несколько минут². <...> Когда С.А. закончил возню с электропроводкой, то мы <...> направились из Управления (по охране памятников). <...> С.А. уговорил зайти пообедать в столовую Академии архитектуры, куда я и зашел, но т. к. все бескарточные блюда уже были съедены, то мне ничего не оставалось, как продвинуться к дому³. <...> я нашел у себя В.П. Зубова, который пришел узнать, как проехать в Загорск. Сговорились ехать завтра, имея заднюю мысль возвратиться с кой-какими приобретениями продуктов. <...>

25 ноября. <...> Дорогу я дремал. Когда поезд подходил к ст. Загорск, я встал вместе с публикой. Здесь я увидел, что почти рядом сидел В.П. С ним мы дошли до Лавры. Он хотел попить чайку в «ресторане», но у дверей была очередь, ждать нам не хотелось и мы направились на толчок посмотреть, что там есть. Там продавали замороженный лук, да меняли хлеб на молоко. С базара мы прошли в корпуса, где живет З.П. Набатова. <...> После обеда прошли в Лавру, где имели длительную беседу с Швагер (директором музея), которая считает, что работа продолжается. Дала ряд поручений: составить план работ на 1942 год. Потом составить отчет за 1941 год. Осмотреть и дать заключение по ряду мест крепостных стен, в которых живут, но дать такие заключения, что жить там нельзя. Это ей (нужно для) выселения жильцов. <...> В покоях найти такое место, чтобы в (печурах?) <...> можно было замуровать ящики с иконами. Стены мы успели осмотреть засветло, а (печуры) не успели. Ушли к З.П., где и заноче-

¹ Речь идет о художнике, сыне архитектора Ф.О. Шехтеля.

² Архитектор С.А. Торопов окончил УЖВЗ в 1910 году, а в 1911-м – физико-математический факультет МГУ.

³ Виноградов жил жил в Гранатном переулке, д. 11, рядом с Союзом архитекторов, перестроенном им самим из конюшни в 1925 году.

Из архива Н.Д. Виноградова. Дом Челнокова (Станицких-Лопухиных) на Пречистенке. Фото: Н. Ушаков, 1913 год

вали. Спать нас положили в комнате И.В. Трофимова, который сам устраивал для нас постели. Отопление у них заводское, жарит до 25 гр. После домашнего мороза было очень приятно отогреться. Вечером, когда мы формулировали план работ, в это время их соседка Наташа, одна из служащих музея, пришла договориться относительно завтрашней покупки на базаре баранины.

28 ноября. <...> ко мне заходил Кулагин С.Ф. Он принес на редакцию программу деятельности секции по охране памятников искусства при Союзе архитекторов, что предложил [...] Мержанов Константинову-Волкову, а последний предложил ему. Кроме того, он рассказал о последних днях в Москве Наркомпроса, который сжег все архивы по охране памятников. Вот идиоты-то. Да, когда я был в Академии архитектуры, то библиотекарь Миронов при встрече бросил: Храм Воскресения в Новом Иерусалиме разрушен совершенно... Если это так – то ужасно...

29 ноября. Последний день работы в Управлении уполномоченного по делам искусств, куда я прибыл в 10 час. Здесь я застал Г.А. Он мне поведал, какие манипуляции он сделал. <...> поведал, что необходимо сохранить аппарат в трех лицах. <...> Теперь представители Управления [по делам] искусств требуют от Г.А. скорейшего представления соображений. Соображения эти мы с ним выработали. <...>

<...> я сходил в Дом архитекторов, где перерегистрировали. Видимо, Союз хочет знать, сколько осталось членов Союза в Москве. <...>

6 декабря. После обеда заходил к Константинову-Волкову А.И., который <...> раздает работу. <...> Меня он просил принять участие в завтрашнем первом выходе – в осмотре толстовского музея⁴. Я дал свое согласие. Посмотрим, что из этого выйдет. Когда я был у него комнате, туда вошел как-бы Жуков Н.К., который также желает принять участие в этом деле, но видимо с Константиновым-Волковым иметь дело не хочет. Похоже дело безнадежное.

7 декабря. В 1/2 1-го направились на здания Толстовского музея. На улице встретился с М.Ив. Александровским, который был на докладе Максимова, но отзывался не особенно важно. Долго не было трамвая. Пришел, меня ждали. Народу было – человек 10. Это походило на экскурсионные секции <...>. Прошлись по дому и решили – это относится к Константинову-Волкову и отчасти к Кулагину, отчасти к [Д.В.] Разову и Гридину, – составить акт завтра в Доме архитектора. Осмотр показал: во-первых, дом пострадал от воздушной бомбы в ночь 28–29 октября. Бомба упала во дворе, попав в дерево и, как говорят служащие музея, взорвалась в воздухе. Судя по силе разрушения, снаряд был небольшой. Результат таков, что с заднего фасада вся штукатурка сбита. Некоторые простенки

⁴ Речь идет о доме Станицких-Лопухиных (музее Л.Н. Толстого) на Пречистенке.

Деталь интерьера дома
Челнокова (Станиц-
ких-Лопухиных. Музей
Л.Н. Толстого), как его
характеризовал Вино-
градов. Фото: Н. Ушаков,
1913 год

вдавлены внутрь здания настолько, что косяки в окнах раскололись. Штукатурка внутри здания, в особенности, помещений [выходящих] в сторону двора – тоже пострадала. Пристройка <...> разнесена полностью. К счастью, во двор выходили мелкие жилые покои. Что касается парадных комнат, имеющих богатую роспись потолков, то они сравнительно пострадали мало. Лишь в одном из больших зал осыпалась штукатурка в том месте, где в свое время она реставрировалась <...>. Что касается состояния здания, то, бесспорно, требуются большие работы по его восстановлению. Работы этуведутся очень медленно, но ведутся. <...> Кроме прекрасных плафонов, испорченных реставрацией, я отметил ряд лепных карнизов тех же рисунков, что мною отмечены в доме б. градоначальника – Кологривовых на Тверском бульваре, в доме Лапиных, что был на Софийской набережной на месте улицы-моста, в доме Губина – Петровка, 25 и т. д., что говорит о ее стандартности, которая совершенно незаметна, так хорошо выполнена. Из дверей и дверных проемов и оконных приборов, то они очень просты. Аполлонов даже заметил, что они очень похожи на двери Сухановского дома отдыха. На что я ему сказал, что источник был один, хотя там я их проектировал⁵. Очень приятный баяльник на лестнице в антресоли – он выточен в виде тонкой

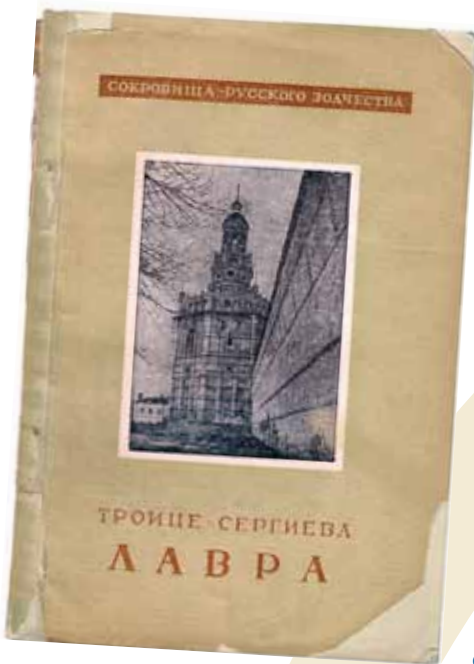
вазочки. После осмотра толстовского музея перешли через дорогу осмотреть музей Маяковского. Какая громадная разница в отношении подхода к архитектуре здания. В первом любование прекрасной отделкой здания, здесь же наоборот полное пренебрежение, в результате, все росписи, все колонны, карнизы и т. д. закрыты безобразных пропорций изделиями из фанеры. Причем при полной потери чувства пропорций. Да и цветное оформление не менее скверное. Во всяком случае академик А.А. Веснин не [заслужил] лавры этой работой, что было отмечено всеми присутствовавшими. <...> Придя домой, я узнал, что В.П. Зубов не был, я направился к нему. <...> Без труда нашел я квартиру В. П. <...> Я нашел его семью сидящей за столом. Маленькая дочка Маша перелистывала книжки, смотрела картинки, а сын сидел с ногами на диване. Он произвел на меня (впечатление) своим видом, точно соскочил с портретов Боровиковского или Левицкого. Его синяя куртка и белые штаны лыжного костюма с белым воротником очень напоминали персонажи старинных портретов. Над диваном висели портреты родителей и дедов В.П. В шкафу-книжном стояли толстые фолианты в золотых переплетах. Обстановка говорила о серьезных занятиях владельца. Когда пришел В. П., мы с ним договорились, что завтра встречаемся на

вокзале и по возможности будем стараться уехать с поездом во втором часу дня. <...> На базар попробуем заскочить. **8 декабря.** В Загорске на вокзале с В.П. не встретился. <...> У станции обменял буханку хлеба на 4 кружки молока. <...> При входе в помещение, занимаемое З.П. (Набатовой) я встретился в В.П., он ехал в другом конце поезда. С ним и З.П. мы зачитали отчет о работе 1941 года. Потом пошли к директорше, у которой выслушали ее стратегические соображения. <...> Любопытно, что она сообщила З.П., что в ст[анции] «Правда» был десант – уничтоженный, но он уничтожил и станцию, и разрушен путь. В силу чего поезда в Загорск не ходили два дня. Когда мы возвращались, то пассажиры со станции Правда рассеяли ее сообщение. Никакого десанта не было и никаких разрушений. Была бомбежка, но других станций: «Клязьмы», «Пушкина» и др. дня три назад. Был воздушный бой. Думаю, что это все вранье. **9 декабря.** В 2 часа пошел в Дом архитектора, где чинуши из архфонда проверяли обеденные книжки <...>. Любопытно, что это касалось только архитекторов, а всех прихлебателей это мероприятие не касалось. <...> Константинова-Волкова со штабом – Разов и др., долго не было, они ходили в ТАСС, относительно возможности получения заказов на трафаретные работы «Окна ТАСС»⁶. Когда мы пришли обедать и пообедали, то явился [В.М.] Войнов и сообщил, что А.В. Щусев изъявил свое согласие побеседовать с нами завтра в 1/2 3-го по вопросу их работы. Просили быть. За столом я слушал разговор Коршунова [Б.М.] с другими относительно эвакуации Архитектурного института в Ташкент, которая должна произойти на днях. Эти разговоры сильно снизили мое настроение – видимо Москве несдобровать. **10 декабря.** После обеда состоялась беседа с А.В. Щусевым, который начал с того, что хоть и немцы враги, но у них надо взять то, что полезно. Они обязательно требуют от своих граждан знать какое-то ремесло и уметь рисовать. Даже <...> не сдавший рисования не получит диплома... Так, в настоящее время необходимо архитектору переключиться на изучение ремес-

ла – шофера, монтера, плотника, штукатура и т. п., надо чем-то работать... **1942 год**
3 января 1942
После обеда заходил в комнату № 18 (Дома архитектора), где В.Д. Кокорину сообщил то, что мне сказала вчера Швагер, т. е. ее разговор с Храпченко, пред[седателем] Комитета по делам искусств при Совнарком СССР, который обещал использовать силы безработных архитекторов на командировки по обследованию музеев, театров, памятников архитектуры и др. в районах, где побывали немцы. Это его очень захватило, и он передал дело Разову, а последний уже договорился с президиумом Архфонда <...>. **18 января.** Весь день просидел дома <...>. Ко мне явился П.Н. Киселев с предложением совместной работы по альбому «Китай-городская стена». <...> Я его разочаровал, указав на несвоевременность подобной затеи <...>, предложив ему лучше сделать по современному восстановлению городов. Он ухватился за эту идею, опять-таки меня приглашая в компанию. <...> Из Академии (архитектуры) я направился к пл. Свердлова, чтоб посмотреть, сколько времени, а там решить о своем дальнейшем пути. На улице повстречался с А.Ф. Кротовым, с которым мы учились на 1 курсе [Училища живописи, ваяния и зодчества]. Он напомнил мне троих, это Сальников, Головкин и Николаев, о которых я совсем забыл. Когда мы с ним говорили, подошли Торопов с Семеновым, которые направились на Пресню в Студенец, т. к. Семенов предлагает делать красочную гравюру. Торопов приглашал меня придти на доклад Максимова П.Н. об Андронниковом монастыре в среду. <...> После обеда слушал доклады о скоростном строительстве по восстановлению разрушенных городов и особенно, сел. Докладчик был Корчагин. **21 января.** День провел дома, ходил обедать в Дом архитектора. Потом в Академию архитектуры, где слушал доклад Максимова П.Н. о соборе Андронникова монастыря. Это уже третий раз. В отличие от прежних докладов, П.Н. показал ряд фото для со-

⁵ Речь идет о работе Виноградова по проектированию в 1934 году Дома отдыха ВЦИК (далее переданного Союзу архитекторов) в усадьбе Суханово после ряда чудовищных разрушений, сделанным там прорабом из желания выслужиться перед правительственными чиновниками.

⁶ Виноградов с 1918 года трафаретил «Окна РОСТА» по приглашению их создателя-художника М.М. Черемных, мужа его сестры Р.Д. Виноградовой, продолжавшего работать над подобными заказами.

поставления его соображений по реставрации собора с церквями Сербии. Похоже, но не убедительно. <...> Вечером заходил П.Н. Киселев относительно составления альбома по строительству возрождающихся городов и сел. Дал ему некоторые указания.

28 января. После обеда ходил в Академию архитекту-

ры на доклад [реставратора] Юкина П.Н. о новгородских фресках. Сказать он ничего путного не сказал, а показал очень много интересного, т. к. касался всяких памятников и вне Новгорода – московские, кремлевские, загорские и т. д. Но слушать было тяжело, т. к. температура в помещении была – 12 градусов.

1 февраля. Дома занимался разбором фотографий по деревянной Москве⁷.

3 февраля. Сегодняшнее радио и газеты принесли печальное известие: несколько дней назад наши войска оставили Феодосию.

7 февраля. В столовой [Дома архитектора] встретился с Тихомировым Н.Я., он все справлялся о Кулагине С.Ф., которого я уже давно не вижу здесь. По словам Тихомирова он написал на имя зам. [председателя] Наркомпроса письмо с предложением организовать дело охраны памятников и в ответ на это, якобы, организована комиссия из сотрудников Исторического музея, где, видимо, Кулагин.

8 февраля. <...> ходили в кино, взяли билет и мне. Смотрели «Морской ястреб», изготовленный ташкентцами, что ясно и видно, что все море разыграно было в ванне, либо в тарелке. Киножурнал с фронта более интересен. Показали кадры с г. Верей, где соборная площадь еще цела. Вообще же жуткие картины – горы трупов немцев и расстрелянных мирных жителей.

После кино я проехал в Дом ученых на Кропоткинскую ул., предполагая послу-

шать лекцию Н.И. Брунова об архитектуре старой Москвы, но все билеты были проданы и попасть на нее мне не удалось, о чем весьма сожалел.

Вернувшись домой, я нашел у себя Ерша [художника К.П. Ершова] и Лиду. В большой компании сели обедать. Мамаша осталась без обеда. Ерш скулит, что голодает. Вид его не внушает уверенности в прочности. Видимо, кандидат (отправиться) за [художником Михаилом] Варфоломеичем-Лебланом [умершем в 1940 году].

<...> проехал к Красноцветову, которого нашел на месте, в Управлении (по делам искусств). Он в (угнетенном) состоянии от приближающегося голода. По его «о-ге-ге» дела на южном фронте очень плохи – сдана Керчь, Ростов и т. д.

Во 2-м часу возвратился к Беспалову, который у себя в кабинете. Из разговора с ним я понял, что работы в Загорске под вопросом. Даст ли денег СНК? <...> Пока ему поручено ремонтировать помещения Управления по делам искусств РСФСР. Он ездил в Калинин и видел все разрушения, учиненные немцами. Они сожгли Путевой дворец постройки Казакова. Театр Юного зрителя взорвали. Вообще на Советской улице <...> сохранились: Дом Красной Армии, где был организован офицерский клуб с домом терпимости (первоначально Дворянское собрание), да гостиница «Селигер», в которой помещался штаб фронта. Музей, помещавшийся в бывшей церкви, был выброшен, а в самом здании организована церковь, т. ч. здание уцелело. Уцелели Речной вокзал, кино в два зала⁸. Он отметил любопытное явление: водопровод и канализация бездействовали, так как немцы, поселившись в доме, живя на 2-м этаже, прорубали в полу отверстия и в них испражнялись. Такого следствия трудно было ожидать от этого «культурного» народа. Это характеризует их как «культуртрегеров»... <...> Да! Когда я шел в библиотеку Ленина, то встретился с Кулагиным, который сообщил, что Комиссия по охране памятников [Союза архитекторов] ведет работу по обследованию городов, где были немцы, и в число обследователей включены мы – т. е. я и Тихомиров. <...>

Из Дома архитектора в обществе Травина я проехал в Академию архитектуры, где

Часть советского раздела экспозиции Музея архитектуры. Фото 1957 года

слушал доклад Филиппова А.В. о марках кирпичича. Доклад дал очень мало нового. Филиппов так ставил вопрос, будто только он этим интересуется. И <...> перед докладом Торопов сказал мне, что Д.П. Сухов просил его съездить ко мне и захватить несколько кирпичей с марками, но он не смог этого сделать. В это же время он просил ему как-нибудь захватить такой кирпичик для его слушателей, которым он (намерен их) показать.

12 февраля. Заходил Бобин С.Н., этот – с гриппом <...>, заходил узнать, как дела <...>. По его словам, у Щусева П.В. в квартире + 3–4 градуса. Он предполагает перебраться к брату, т. е. к Алексею Викторовичу, который в свою очередь сбежал из своей квартиры в мастерскую Академпроекта, где ютятся в одной комнате. Сам он живет в «теплом» доме, у них + 13 градусов. Он работает контрольным техником по проверке состояния зданий <...>. На днях он был в доме Шаляпина, где познакомился с первой женой Шаляпина – итальянкой и с его дочерью. У них собачий холод. Одна комната занята подношениями Шаляпину, с картинами, вазами, статуями и т. п. предметами.

17 февраля. Заходил скульптор [И.М.] Рукавишников, который приходил узнать,

буду ли я согласен принять участие в работах по реставрации Большого театра в комиссии Старой Москвы, чтоб оградить себя от Комитета по делам искусств – [В.А.] Шкварикова и компании, которые продолжают грубить⁹.

20 февраля. <...> Заходил Кулагин с предложением ехать сегодня вечером в Волоколамск на предмет обследования состояния архитектурных памятников после немцев. Я должен был отказаться от этого ввиду завтрашней встречи по делу Большого театра.

21 февраля. До ½ 12-го был дома, потом пошел к Рукавишникову, где Кольцов уже был. Он решил стареть и отпустил бороду – ему через 4 месяца будет [50] лет. Поехали в театр. На станции метро Маяковская они критиковали архитектуру. (...) Особенно безграмотно сделаны уголки цветной панели, которые технически безграмотны и отскакивают. <...>

В Б. театре я познакомился с Великановым Ал. Пав., производящим прекрасное впечатление. <...> Встретился с Кориными, которые переделывают – расчищают плафон театра, который был загажен И.П. Пашковым, сделавшим его под икону иконописцами. Теперь всю эту мазню приходится счищать и под ней оказыва-

⁹ Виноградов, действительно, участвовал в реставрации Большого театра, в котором были разрушения из-за попадания бомбы.

Виноградов Н.Д. Троице-Сергиева лавра. М.: Издательство Академии архитектуры СССР, 1944. Это первая советская книга с таким названием

⁷ Речь идет о материалах, собранных Комиссией по охране памятников искусства и старины Моссовета в 1919–1921 годах, когда многие, и даже уникальные деревянные объекты разбирали на дрова.

⁸ Речь идет о прежней фабрике-кухне, спроектированной С.Н. Курабцевым, а далее реконструированной по проекту И.И. Леонидова.

ется классическая живопись, сделанная замечательно здорово, а краски точно вчера наложены. Любопытно, что все плотно, на котором написан плафон, разодралось в клочья. Эти клочья Корины склеивают. По приглашенной работе, собственно, мне там делать нечего, что и есть, так это капитель для портика. <...> Бомба, пролетев между колоннами, взорвалась у сцены театра – проломила ее. Осколки изрешетили колонны портика. (...) причем интересно отметить, что под позднейшей штукатуркой сохранилась первоначальная – от Бове – она с более мелкими рустами, а главное, – окрашена темно-серой – почти черной краской без расшивки рустов – сплошным покровом. Пилястр у Бове, видимо, не было. Статуи, т. е. вся группа с конями, после взрыва, бывшего 28 /X, обследование ее не производилось, и в каком она состоянии – неизвестно. Из театра я прошел в Архитектурный институт, где встретил Соловьёва Н.Г., который сообщил мне, что зав. кабинетом Бессонов С.П. предлагает аспирантку, чуть ли не Черногубову, которая входила в ту группу, с которой я занимался¹⁰. С его слов Архитектурный институт вливается в МИСИ на правах факультета. Будет почти самостоятелен, сохраняя помещение, библиотеку, кабинеты. Занятия предполагают начать с 23 февраля.

24 февраля. С утра направился я в Донской монастырь – в музей Академии архитектуры, где нашел Цапенко М.П. на своем посту. Он живет в комнате, где занимается бухгалтерия. У него сидел субъект, оказавшийся одним из слушателей моего курса по истории архитектуры, что я читал для инженеров и техников 1-го завода. <...> Цапенко хотел меня видеть, желая пригласить опять работать в музей, т. к. считает своевременным стянуть старых служащих музея, т. к. его вот-вот потянут в Красную Армию. Он рассказал, как они эвакуировали музейные ценности. Некоторые музеи отнеслись к этому весьма серьезно, а некоторые весьма легкомысленно. В частности, Театральный музей упаковал свои акварели с рамами и стеклом в фанерные ящики. И как раз их-то транспорт, едучи из Молотова в Соликамск, свалился в ка-

наву. Можно вообразить, что привезено на места. Живя в Молотове, он встречал и провожал все эшелоны из Москвы, все время желая поймать эшелон Академии архитектуры. По его словам, все эшелоны шли, совершенно необеспеченные продовольствием. Что же касается эшелона студентов Московского архитектурного института, то он поразил всех и вся своим обилием продуктов: студентов ехало человек 150, занимали 3 вагона, из них 2 – студенты, 3-й – с продовольствием. У них были колбаса, сало, масло, сыр, хлеб и пр. Он, Цапенко, пристал к ним и ехал с ними до Чимкента. Студенты снабжали их продовольствием, правда, брали за это деньги. Табак, который он получил, закончил курить только вчера. В Чимкенте он искал свою жену, которая эвакуирована со службой – Института литературы Академии наук. Ее он видел всего две недели, т. к. Академия наук из Чимкента переведена в Ташкент, где всегда было отделение Академии наук. Из Чимкента его Мордвинов направил в Горьковскую область как инструктора временного строительства. В Горьком он убедился, что <...> строительства там не ведется, т. к. вся область изрыта окопами и проводочными заграждениями. И, естественно, здесь не до строительства. В Чимкенте Академия архитектуры превратилась из научного в производственное учреждение. Чимкент, большой областной город, будучи перенаселен беженцами, требует увеличения коммунальных устройств. Этими проектами занята Академия. Она расширяет хлебозавод, проектирует новую баню и т. д. Между собою все перегрызлись. <...>

По своему делу я спрашивал его относительно оконных переплетов. Он не возражает их передать в Загорск, но по-прежнему просит соблюдать секреты Архитектурного музея [Академии архитектуры]. Я обещал ему подобрать ряд фрагментов и др. материалов в обмен на переплеты. (...) Он просит соответствующую бумагу и дело будет в шляпе.

Потом я прошел в фототеку, где просмотрел все негативы по Б[ольшому] театру. Из них только один негатив с натуры, правда, великолепный, размером 24 x 30.

Техническое фото детали портала Троицкого собора. Фото 1940 года

Снимок сделан до пожара магазина Мюри Мерилиз, бывшего в 1903 году, а может и раньше. Остальные негативы – с чертёжей Кавоса. По этому поводу <...> Алабян дал распоряжение никому негативы не давать. Спросил Цапенко, который сказал, что он подумает. <...>

Потом был у Сухова Д.П., который брюзжит и очень недоволен Шквариковым, который, по его мнению, ничто иное как вредитель. Он предложил Сухову составить смету на обследование памятников, разрушенных немцами. Когда тот ее подал, тот нашел, что очень дорого – Сухов наметил что-то около 2000 руб. на район всего выходило тысяч 10. Тогда Сухов предложил урезать, как они хотят. На это они сделали скидку в 5000 руб. Причем денег не дают, а предлагают за счет бюджета комиссии, который состоит из 5000 руб. В общем, он очень недоволен и резюмирует, что правительству очень хочется, чтоб все памятники были уничтожены, но сделать это должен кто-то другой... Так что всю свою работу он считает совершенно никчемной. Меня он просит сделать доклад о Загорске. Я считаю преждевременным. Не договорившись ни до чего, я узнал от Торопова, что завтра будет доклад Давида о новых материалах по церкви Трифона в Напрудной, – ушел из Академии. <...> Вернулся к Рукавишникову, там уже сидели и писали смету: Мель-

чаков [И.Д.], Кельцев С.В. и М.С. Рукавишников. Они составили смету в 28000 руб. На капители – по 6000 руб. Что из этого выйдет – неизвестно. Там я встретился с Гончаровым В.Т., пригласил его в случае чего помочь мне в этой работе.

Идучи к Рукавишникову, встретил [В.К.] Коленду <...> – в очень жалком состоянии. Просит заработка. Сидит на пенсии в 150 руб. В квартире 2,5 градуса. Работать не может. Пока было 5 градусов, он разбил свою старую Москву.

25 февраля. После обеда прошел в Архитектурный институт. <...> [Б.А.] Кондрашев сообщил, что деканом у них Кокорин В.Д. <...>. Когда окончилось заседание, [А.А.] Сидоров, вышедший первым, спрашивал, почему я не захожу к нему? Рисунки мои у него. Когда вышел Бессонов, то сказал мне, что при утверждении штатов первым кандидатом явился я. <...>

Из института я прошел в Академию, где слушал доклад [Л.А.] Давида о церкви Трифона, которую он обследовал и обмерял. Как обследование <...> сделано неплохо, но без выводов.

2 марта. С поездом 9-53 выехал в Загорск, куда приехал 5 мин. 1-го. Электричка сегодня шла быстрее, чем раньше. В Лавре осматривал работу каменщиков по цоколю Духовской церкви. Кроме трилистника, цоколь имеет выкружку с полочкой – этой формы не сделано ни одного камня. МН

¹⁰ Далее ситуация изменилась в пользу самостоятельности АСИ-МАИ (теперь МАРХИ), а архитектурный кабинет возглавил Виноградов.

Андрей Потапенко

«МОСКОВСКИЙ* МЕТРО – ЛУЧШИЙ В МИРЕ!» «Чудо света» сталинской России

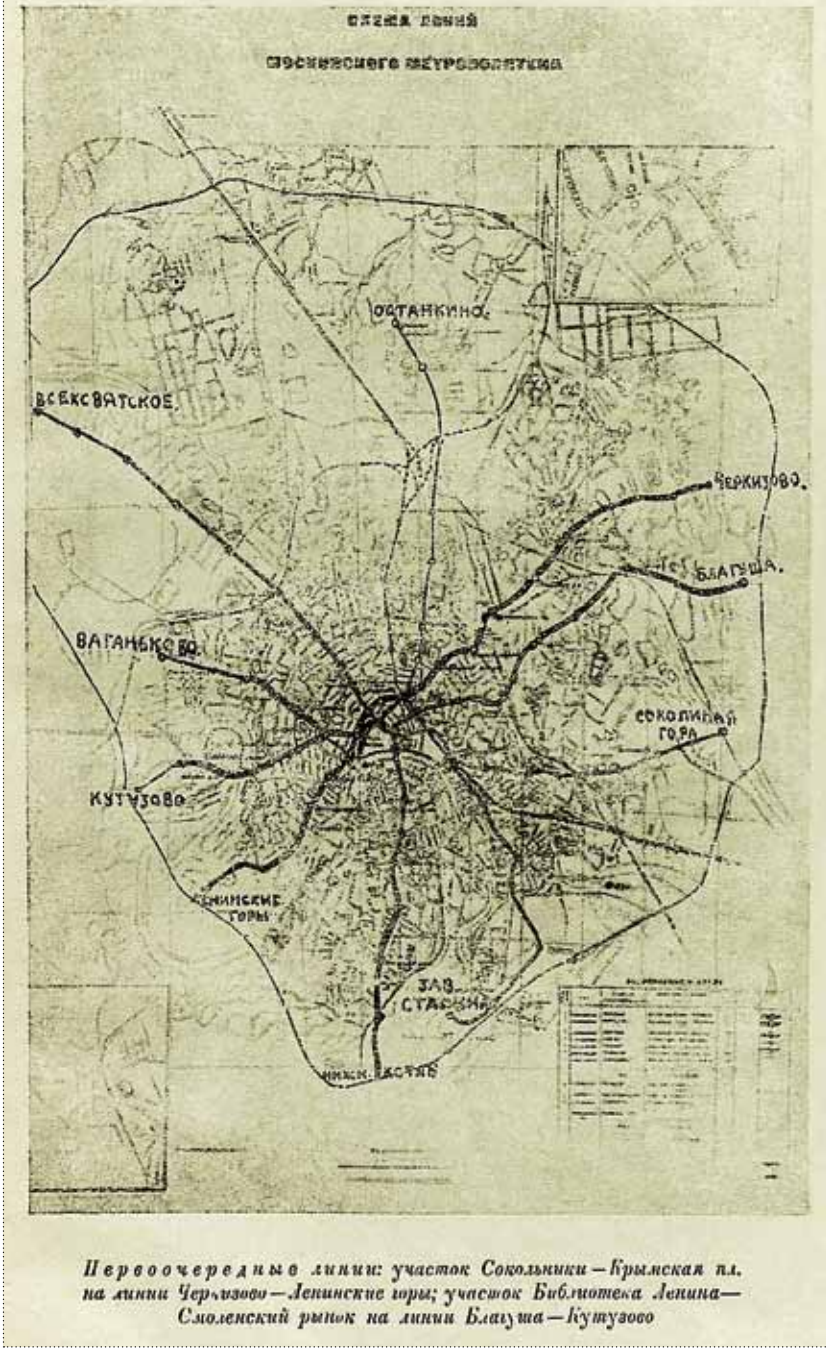
* С момента открытия и до поздних 1940-х «метрополитен», «метро» именовался в мужском роде – «наш метро». С годами эта языковая практика ушла, как и со словом «кофе», из мужского рода перешедшего почти повсеместно в средний. Однако истинные ценители знают эту историю и не сдаются, продолжая поправлять людей, предлагающих «черное кофе». А вот про метро – уже почти нет знатоков.

Эстакада на Красной площади. Иллюстрация Н.Н. Каразина к отклоненному проекту московского метрополитена Е.К. Кнорре и П.И. Балинского 1902 года

Метрополитен – одна из визитных карточек Москвы. За более чем восьмидесятилетнюю историю число станций метро перевалило за две сотни. Вся эта громадная система с самого своего появления более 80 лет назад приняла на себя основную часть пассажиропотока Москвы. Без метро город бы просто встал. Но, пробегая по станциям, мы часто не замечаем, как они оформлены, тем самым обкрадывая себя. Между тем с самого начала проектиро-

вания к новому виду столичного транспорта предъявлялись высокие художественные требования. Не случайно 46 из них признаны объектами культурного наследия. Больше-шей частью это – станции «сталинского» периода, первых двадцати лет строительства. ...К началу XX века, и особенно в 1920-е годы с притоком в города сельского населения остро стала проблема транспорта и передвижения по городу.

Сложившаяся картина хорошо известна по фото- и киносъёмкам, где улицы Москвы представляют собой сплошное броуновское движение из трамваев (основной вид транспорта в то время) и пешеходов. Проекты прокладки метро разрабатывались ещё до революции (наиболее известный – инженера Балинского), но они так и остались на бумаге по разным причинам – от несовершенства технологического обеспечения до сопротивления церковных властей, воспринимавших строительство метротоннелей как вторжение в преисподнюю. Разрабатывавшиеся проекты внутригородских железных дорог также оказались неудовлетворительными. Наконец, Пленум ЦК ВКП(б) в июне 1931 года, проанализировав сложившуюся ситуацию, пришёл к выводу: «необходимо немедленно приступить к подготовительной работе по сооружению метрополитена в Москве, как главного средства, разрешающего проблему быстрых и дешёвых людских перевозок, с тем, чтобы в 1932 году уже начать строительство метрополитена». С организацией в 1932 году института «Метрострой» фактически и началась история московского метро. Проектировщикам ставилась задача преодолеть ощущение подземелья, лёгкости и насыщенности светом помещений метрополитена с помощью архитектурных, планировочных решений и соответствующей подсветки. Метрополитен должен был стать символом новой, счастливой жизни, а потому каждая станция метро должна была выглядеть произведени-

ем искусства, совершенные формы которого помогали бы пассажирам развивать художественный вкус, и, с помощью синтеза искусств в «подземных дворцах» – гордиться своей родиной и её достижениями. Каждая станция имела свой запоминающийся облик, а над проектами работали лучшие архитекторы, имена которых и сейчас, много лет спустя, остаются символом мастерства. «Мы хотим сделать пребывание пассажира в метро не только максимально удобным, но и приятным». «Наши высокие, просторные залы ме-

Схема линий Московского метрополитена. Из книги Булганина «О социалистическом переустройстве Москвы». 1932 год

На строительстве
московского метро.
Фото: Н. Грановский,
1930-е годы

тро не дают никакого повода для ощущения подземности их расположения» – писалось в то время. В объявленном конкурсе на проекты вестибюлей метро участвовали архитекторы, чьи имена говорят сами за себя (что лишний раз подчёркивает значимость затеянного дела): академик И.Я. Фомин, Н.А. Быкова, И.Г. Таранов, Н.Я. Колли, Б.С. Виленский, И.А. Голосов, Н.А. Ладовский, Д.Н. Чечулин, А.Н. Душкин, Я.Г. Лихтенберг, А.И. Гонцкевич и другие – многие из них потом ещё не раз обратятся к теме метро. Достаточно сказать, что А.Н. Душкин спроектировал станции «Дворец Советов» («Кропоткинская», 1935 год), «Площадь Революции» (1938 год), «Автозаводская» (1943 год), «Павелецкая» (первоначальный вариант, 1943 год), «Новослободская» (1952 год); Н.А. Быкова и И.Г. Таранов – «Сокольники» (1953 год), «Новокузнецкая» (1943 год), «Белорусская» Кольцевой линии (1952 год) и целый ряд последующих (также Н.А. Быкова совместно с Н.Н. Адриканисом спроектировала и станцию «Белорусская» Горьковского радиуса (1938 год);

Б.С. Виленскому принадлежат проекты станций «Красно-сельская» (1935), «Аэропорт» (1938), «Партизанская» (1944); Н.Я. Колли – «Смоленская» (1935), «Кировская» (1935), «Павелецкая» – кольцевая (1950). А Д.Н. Чечулин, спроектировав вестибюли станций «Комсомольская» – радиальная и «Охотный Ряд» (обе 1935 год), «Киевская» Филёвской линии (1937) и «Динамо» (1938 год), позднее прославился проектами заметных по своей значимости общественных зданий, таких, как жилой дом-высотка на Котельнической набережной, гостиница «Россия», Дом Советов РСФСР («Белый Дом»), Библиотека иностранной литературы. Постановлением Совнаркома СССР от 21 марта 1933 г. была утверждена схема линий, состоящая из пяти диаметров. Каждый диаметр состоял из двух расходящихся из центра радиусов, получивших свои рабочие названия, которые стали потом составными частями названий линий: Кировско-Фрунзенской, Горьковско-Замоскворецкой, Арбатско-Покровской и др. Они были спроектированы с таким расчётом, чтобы связать меж-

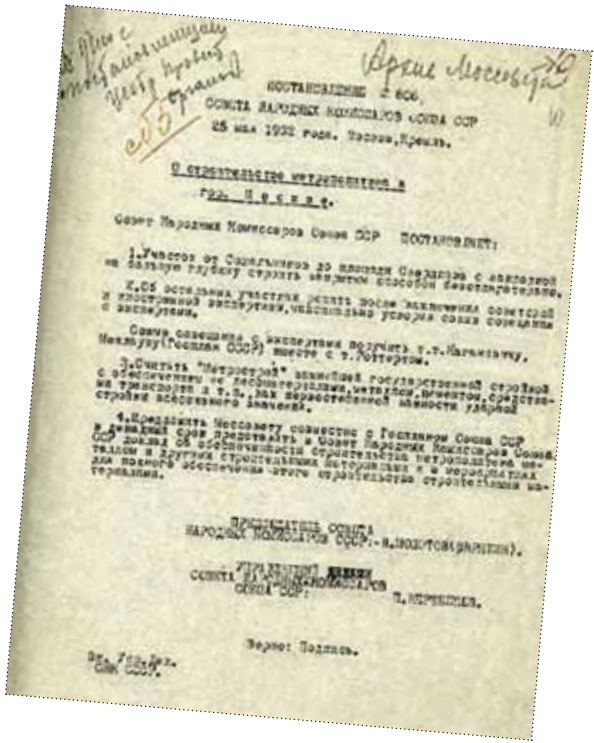
ду собой важнейшие центры столицы. Курировал строительство глава московского комитета ВКП(б) Лазарь Каганович. Это видно по многочисленным фотографиям и кадрам кинохроники, где он в сопровождении своей правой руки – второго секретаря МК Н.С. Хрущёва и первого заместителя начальника Метростроя Е. Абакумова спускался в строящиеся тоннели. Так что метрополитен первые двадцать лет, с мая 1935 по ноябрь 1955 года, по праву носил его имя. Первые два десятилетия работы метро – с середины 1930-х до середины 1950-х – стали большим историческим событием в жизни Москвы. А для горожан и гостей столицы сооружённые в то время подземные дворцы стали настоящим чудом. Для строительства были привлечены миллионы тружеников – от простых рабочих до инженеров и архитекторов. Очень выразительна спаянность сроков: проектирование очередей а затем их строи-

тельство шли последовательно друг за другом; с завершением очередного этапа работ проектировщики, а за ними и строители сразу же переключались на новые участки. Удивительно, что даже трагедия Великой Отечественной приостановила строительство всего на несколько месяцев, хотя 16 октября 1941 года было готово решение о затоплении метро. Но это был единственный день, когда оно не работало. И как только враг был отброшен от Москвы, и снята угроза занятия её гитлеровцами, уже в 1942 году строительство возобновилось; следующие, 1943-й и 1944-й годы ознаменовались сдачей новых участков. Всего очередей метро на ближайшую перспективу было спроектировано пять. Последовательность их строительства и архитектурных решений отражает всю историю страны сталинского времени – от индустриализации страны и наращивания её промышленной мощи (первая очередь, 1935 год), через

Строительство южного наземного
вестибюля станции метро «Крымская
площадь» (сейчас — «Парк культуры»)
Начало 1930-х годов

Станция «Спартак» (ныне «Бауман-
ская»). Б.М. Иофан. Проект – 1938 год,
реализация – 1944 год

Постановление Совета
Народных Комиссаров
СССР о строительстве
участка Сокольнической
линии закрытым спосо-
бом на большой глубине

Панорама Охотного Ряда. Слева строящееся здание станции метро. Фото 1935 года

победу нового строя (вторая очередь, 1938 год), военные годы (третья очередь, 1943–1944 годы) к послевоенному триумфу страны, победившей фашизм в жестокой мировой войне (четвёртая очередь, 1950–1954 годы) и наступление на «архитектурные излишества» и начало борьбы с «культуром личности» (пятая очередь, 1957–1959 годы).

Первая очередь (сдана 15 мая 1935 года) включала в себя Кировский радиус (от площади Свердлова до Сокольников), Фрунзенский (в противоположную сторону – до Крымской площади) и Арбатский (от центра до Смоленской площади – ответвление от станции «Охотный Ряд» в сторону Киевского вокзала; перегон, проходящий по метромосту, был достроен позже, одновременно с участками второй очереди). Они соединяли центр с Октябрьским (Ленинградским), Северным (Ярославским) и Московско-Казанским (Казанским) вокзалами и с двумя крупнейшими парками культуры и отдыха – Центральным

имени Горького и Сокольническим. Кроме того, одна из станций – «Дворец Советов» (ныне «Кропоткинская») должна была иметь сакральное значение, проектируясь как подземный ярус запланированного на месте снесенного храма Христа Спасителя циклопического Дворца Советов – центра политической жизни Советского Союза и символа советского строя в целом.

Первая шахта была заложена на Русаковской улице в 1931 году. После споров о глубине заложения тоннелей и способе их прокладки (тоннели мелко заложения строились бы открытым способом, то есть с раскапыванием котлованов, а глубокого – проходкой тоннелей специальным щитом непосредственно в породе) было принято решение в периферийных районах (от Сокольников до Каланчёвской площади и от Библиотеки имени Ленина до Крымской площади) прокладывать тоннели открытым способом, а центральный участок проходить с помощью английского проходческого щита. При этом на станци-

ях «Дзержинская» («Лубянка») и «Кировская» («Чистые пруды») сложные гидрогеологические условия – плывуны и т. п. – не позволили в то время построить полноценные трёхсводчатые станции. В результате центрального зала в них не было, а выходы на платформы осуществлялись непосредственно из аванзалов в торцах станции. И только накопленный опыт уже сорок лет спустя позволил провести серьёзную реконструкцию этих станций, в результате чего они только в 1970-е годы приобрели современный облик. Ещё одна станция, первоначально построенная без центрального зала, но уже по другим причинам (по временному в условиях войны проекту) – «Павелецкая» Замоскворецкого радиуса. Строительство первой очереди должно было закончиться к 17-й годовщине Октябрьской революции, 7 ноября 1934 года, но из-за отсутствия опыта в новом деле и разного рода технических накладок она была открыта для пассажиров на полгода позже, 15 мая 1935 года. С этой даты и ведёт

2 мая 1935 года: очередь на вход в метро. Станция «Сокольники» получила Гран-при на Международной всемирной выставке в Париже

свою биографию московский метрополитен. В составе первой очереди было открыто 13 станций. Поезда ходили по «вилочной» схеме – часть поездов шла от электродепо со стороны «Сокольников» через «Охотный Ряд» до «Парка культуры», а часть – до «Смоленской». Это было время, как заметили исследователи, поисков стиля. На некоторых станциях заметны отголоски конструктивизма и в целом станции выглядят достаточно лаконично, непретенциозно, как последние отголоски аскетизма 1920-х годов, неся скорее функциональную нагрузку, чем художественную. Наземные вестибюли строились без особых изысков, часто как лёгкие

парковые павильоны, которые несли вполне практические цели – служить входами и выходами из метро. Конструкция подземных частей станций первой очереди при этом была достаточно традиционной: спуск из наземного вестибюля по лестницам, подходной коридор к перронному залу, лесенки, мостики. Подходной коридор и сами станционные залы часто были оформлены рядами небольших колонн, создававшими ощущение легкости и практичности (отзвуки конструктивистских идей 1920-х годов). Самыми эффектными стали, пожалуй, «Комсомольская» и «Дворец Советов». «Комсомольская» располагалась возле трёх московских вокзалов

и потому должна была выглядеть как «визитная карточка» столицы (после войны эта же функция перешла к одноимённой станции Кольцевой линии, самой нарядной и пышной). Оформление станции было посвящено вкладу комсомольцев в строительство, как в эмблемах КИМ (Коммунистического интернационала молодёжи) на капителях колонн, так и в панно в северном торце вестибюля работы Е.Е. Лансере, установленных уже в 1950 году. «Дворец Советов» же, в архитектурном решении которого были использованы древнеегипетские мотивы, поража́л художественной выразительностью при лаконичности форм. Фактически единственный художественный приём –

Самая первая схема московского метрополитена. Из буклета «Что должен знать пассажир метрополитена». 1935 год

Общий вид вестибюля станции «Комсомольская» Кольцевой линии. Фото 1965–1966 годов

ряды белых колонн, расширяющихся кверху, напоминали ряды деревьев, а приглушённый свет создавал ощущение парения. Стоит отметить также первоначальный (работы Н.А.Ладовского) вариант станции «Дзержинская», в котором по-конструктивистски были обыграны мотивы метротоннелей (здесь профиль платформенных залов повторял профиль тоннелей, и освещались только платформы; сами же пути оставались в тени, а фары прибывающих поездов создавали интересную игру света). К сожалению,

при перестройке вестибюля под пересадку на «Кузнецкий мост» первоначальный архитектурный облик был утрачен, и сейчас это внешне уже совсем другая станция. Любопытное решение тот же Ладовский использовал в наземном вестибюле «Красных ворот» – это известная «ракушка», силуэтом также напоминающая тоннели метро, уходящие вглубь земли.

На станциях первой и частично второй и третьей очередей в облицовке полов часто использовалась керамическая плитка, с помощью сочетания

Первоначальный облик станции «Дзержинская» (ныне – «Лубянка») с 1935 по 1973 годы. Архитектор Н.А. Ладовский

Наземный вестибюль станции «Красные ворота» в дни открытия метро. 1935 год

цветов которой создавались всевозможные орнаменты. Но она оказалась легко подверженной износу и постепенно заменялась плитами гранита.

Вторая и третья очереди представляли собой две новые линии – Арбатско-Покровскую и Горьковско-Замоскворецкую.

Новый участок включал в себя:

- продление Арбатского радиуса до Киевского вокзала (отрезок «Смоленская» – «Киевская»),
 - Покровский радиус – его продолжение в противоположную сторону («от Манежа через Курский вокзал и Электрозавод до строящегося Центрального стадиона СССР в Измайлове», как тогда писали),
 - Горьковский радиус – от Сокола до площади Свердлова
 - продолжавший его Замоскворецкий радиус (до Павелецкого вокзала, продлённый затем до Автозавода имени Сталина, позднее – имени И.А. Лихачёва – ЗИЛ).
- При этом Арбатский радиус «переключался» на новую

линию, и поезда от станции «Улица Коминтерна» стали идти не на «Охотный ряд» и далее в Сокольники, а на «Площадь Революции». Тем самым ставилась задача связать между собой все главнейшие вокзалы.

В отличие от первой линии, строившейся и сданной целиком, строительство новых линий шло было разделено на два этапа, ставших второй и третьей очередями.

Сдать в эксплуатацию эти участки предполагалось 1 января 1938 года. Но из-за технических накладок вторая очередь открылась в два этапа: Покровский радиус – 13 марта 1938 года, Горьковский чуть позже – 11 сентября того же года.

К проектированию вестибюлей второй очереди были привлечены архитекторы, уже зарекомендовавшие себя: И.А. Фомин, молодые Н.Н. Андриканис, Н.А. Быкова, Б.С. Виленский, А.Н. Душкин, В.А. Ершов, Я.Г. Лихтенберг, Ю.А. Ревковский, Д.Н. Чечулин, позднее к ним

присоединились также Л.М. Поляков и Ю.Н. Яковлев. Если первую очередь можно назвать «временем исканий стиля», то начиная со второй идея «подземных дворцов» окончательно укрепляется. Мастерство архитекторов набирает силу, на станциях второй очереди формируется идея синтеза искусств. Станции начинают становиться не просто инженерными сооружениями, а настоящим сплавом архитектуры, скульптуры (достаточно вспомнить убранство станции «Площадь Революции»), а со временем – и декоративно-прикладного искусства. Применяются более выразительные художественные решения. Вестибюли приобретают более монументальный облик, чему способствовала разработка вновь обнаруженных месторождений отделочного камня в разных регионах страны: салиети, давалу и шроша

Знак ударника строительства
II очереди
Московского метрополитена имени
Л.М. Кагановича

Монтаж колонн на станции «Маяковская». Фото 1937–1938 годов

из Закавказья, Биюк-янкой из Крыма, граниты разных цветов из северных регионов. Облицовка плиткой заметно сходит на нет, заменяясь мрамором и гранитом. Для декоративного оформления вестибюлей стали активно применяться смальта, мраморная мозаика, цветное стекло, керамика. Особенно нарядно выглядела «Киевская» Филёвской линии, которой недавно был возвращён первоначальный облик. Жемчужиной второй очереди стала, конечно же, «Маяковская». Уникальность её реше-

ния в том, что вместо традиционных пилонов здесь была применена лёгкая аркада на каркасе из нержавеющей стали, созданной на дирижеблестроительном заводе в Долгопрудном и символизирующей популярное в то время развитие авиации, в том числе любительской. В вестибюлях появляются скульптурные работы М.Г. Манизера, Г.И. Мотовилова, позднее – мозаики П.Д. Корина и других мастеров. В этом смысле характерна «Площадь революции» с её знаменитыми рядами скульптур. Про-

ектное решение и «Площади революции» и «Маяковской» принадлежит одному и тому же автору – А.Н. Душкину. К тому времени он уже спроектировал и «Дворец Советов», ныне «Кропоткинскую». Все эти станции неизменно входят в пятёрку самых красивых станций московского метро.

Третья очередь занимает совершенно особое место в истории метрополитена. Она вошла в план первоочередных трасс, принятый ещё в 1932 году. Проект был утверждён в 1937 году. По плану она должна была

Каганович в метро. Руководители и кураторы строительства метро в шахте с рабочими: слева направо – заместитель начальника Метростроя Е.Т. Абакумов, второй секретарь МК ВКП(б) Н.С. Хрущёв, председатель исполкома Моссовета Н.А. Булганин, первый секретарь МК ВКП(б) Л.М. Каганович. Фото 1934–1935 годов

Станция «Сокол» открылась в 1938 году. Фото: Д. Бердени, 2015 год

быть сдана через три года, в 1940 году. После открытия Покровского и Горьковского радиусов началось строительство продолжавших их участков: линии до Измайловского парка, а также Замоскворецкого радиуса в сторону Автозавода им. Сталина. По первоначальным планам они должны были быть построены к 1940 году. Но задержка со сдачей участков второй очереди повлекла за собой смещение сроков строительства и третьей очереди. И всё это – в условиях, когда в Европе уже шла мировая война.

К июню 1941 года были пройдены тоннели: на Замоскворецком радиусе полностью, на продолжении Покровского – на 80%. С началом Великой Отечественной работы были прерваны. Но уже в 1942 году, когда опасность занятия Москвы врагом была преодолена, строительство возобновилось. Замоскворецкий радиус – первый из построенных в годы Великой Отечественной войны. В первый же день 1943 года был сдан для пассажиров продолжение Горьковского радиуса – отрезок от станции «Пло-

щадь Свердлова», связавший центр города с юго-восточными рабочими окраинами, с их промышленными гигантами – заводом ЗиС, «Динамо» и многими другими. На новый 1943 год открыли перегон до современной «Автозаводской» (тогда «Завод имени Сталина»). Промежуточные «Новокузнецкую» и «Павелецкую» сдали на уже действовавшем отрезке 20 ноября, а уже 18 января 1944 года появились три из четырёх станций Покровского радиуса: «Бауманская», «Сталинская» (ныне «Семёновская») и «Измайловский

Первоначальный вид наземного вестибюля станции «Октябрьская» (в 1950–1961 годах – «Калужская»)

Интерьер наземного вестибюля станции «Измайловский парк» (ныне «Партизанская») в момент открытия в 1944 году

парк культуры и отдыха имени Сталина» (нынешняя «Партизанская»). «Электrozаводскую» «досдали» чуть позже – 15 мая. Покровский радиус – вторая страница военной эпопеи метростроевцев, ещё одна часть памятника их подвигу. Она связала с центром через Курский вокзал восточную окраину города – Измайлово. К тому времени там располагался один из крупнейших парков культуры и отдыха, а также проектировалось строительство грандиозного стадиона. Конечная на тот момент станция «Измайловский парк»

была первой за пределами Окружной железной дороги. Война вторглась и в вестибюли станций. Оформление участков, сданных в годы Великой Отечественной, было изменено по условиям времени, и их облик до сих пор доносит до нас дыхание войны. Если по изначальным проектам оформление многих вестибюлей было посвящено мирным будням, досугу и т. п., то большая часть оформления теперь была посвящена теме подвига народа в Великой Отечественной войне, отражения агрессора. Патриотическая тема, тема защиты Родины

стала ведущей. В интерьерах появились барельефы, картуши, посвящённые военной теме, а также – впервые в истории метро – изображения Верховного Главнокомандующего, под руководством которого был сокрушён враг – И.В. Сталина. Особенно это заметно на станции «Партизанская», изначально ориентированной на крупный городской парк культуры и центральный стадион. По иронии судьбы, сменив за свою историю несколько названий, она получила нынешнее только в 2005-м году. Хотя достаточно только взглянуть на её оформление, чтобы по-

Картуш на фасадной стене вестибюля станции «Павелецкая» Замоскворецкой линии, ставший символом подвига метростроевцев в годы Великой Отечественной. Кадр из кинохроники. 1940-е годы

Станция метро «Новокузнецкая». РГАНТД. Ф. 120. Оп. 3. Д. 513. Л. 89. Рис. 129

нять выбор именно этого названия. Центром всей композиции стала грандиозная скульптура М.Г. Манизера «Народные мстители» на промежуточной площадке, расположенная так, что к ней сходятся все зрительные линии. Она дополняется фигурами двух партизан на самих платформах – Зои Космодемьянской и забытого Матвея Кузьмина. Впервые также в декоративном и архитектурном убранстве возникла тема памяти о совершённом подвиге, а интерьеры стали строиться как мемориальные залы или музеи. Характерна в этом смысле «Семёновская» (открытая первоначально как «Сталинская») – с её бронзовыми щитами с изображением советского оружия. А в торце вестибюля в особом аванзале установлено бронзо-

вое изображение ордена Победы. Уникальное обустройство двойных колоннад по обеим сторонам подземного зала, по признанию автора, С.М. Кравца, должно было напоминать о рядах воинов в строю и относится ещё к предвоенному, «ворошиловскому» времени. Проектировавшиеся ещё до войны участки стали памятником героическому труду метростроевцев в годы Великой Отечественной. На каждой из них установлены памятные таблички либо картуши с надписью «Сооружена в дни Великой Отечественной войны». Монументальный картуш был установлен на фасадной стене станции «Павелецкая» и не случайно при реконструкции вокзала в 1980-е годы, когда старый вестибюль был поглощён новым вокзальным комплексом и большей частью раз-

рушен, именно эта фасадная стена была сохранена и вписана в центр нового зала так, что стала смотреться гигантским музейным экспонатом, вокруг которого по периметру второго яруса была выстроена своего рода смотровая площадка. Именно этот картуш, ставший символическим, фигурирует и в кинохронике, и на обложке книги, посвящённой строительству третьей очереди, выпущенной уже в победном 45-м. А история мозаичных панно, установленных на «Новокузнецкой» и трагической судьбы их создателя – В.А. Фролова, умершего от голода в блокадном Ленинграде – настоящий реквием по тому времени. Особенно, практически сакральное, значение придавалось конечным станциям радиусов третьей очереди – «Завод имени Сталина» (ныне

Флорентий-
ская моза-
ика работы
В.Ф. Бордичен-
ко и Б.В. По-
кровского
при участии
Е.Е. Лансере
в наземном
вестибюле
станции «Ав-
тозаводская».
Фото 1950–
1970-х годов

«Автозаводская» и «Измайловский парк культуры имени Сталина» (сейчас «Партизанская»). Обе носили имя вождя, организатора сопротивления агрессору, и обе они должны были стать своего рода «финальными аккордами» для пассажиров, пользующихся метро, особенно ударными перед выходом в город. Поэтому и мемориальная составляющая на них должна была стать наиболее выразительной. На «Автозаводской» было установлено грандиозное панно (флорентийская мозаика) с изображением защитников Москвы. А за их спиной из-за стен Кремля несёт дозор билинный Илья Муромец...

С развитием сети радиальных линий к 1940-м годам стала очевидна перегрузка центра города, включая Центральный пересадочный узел Охот-

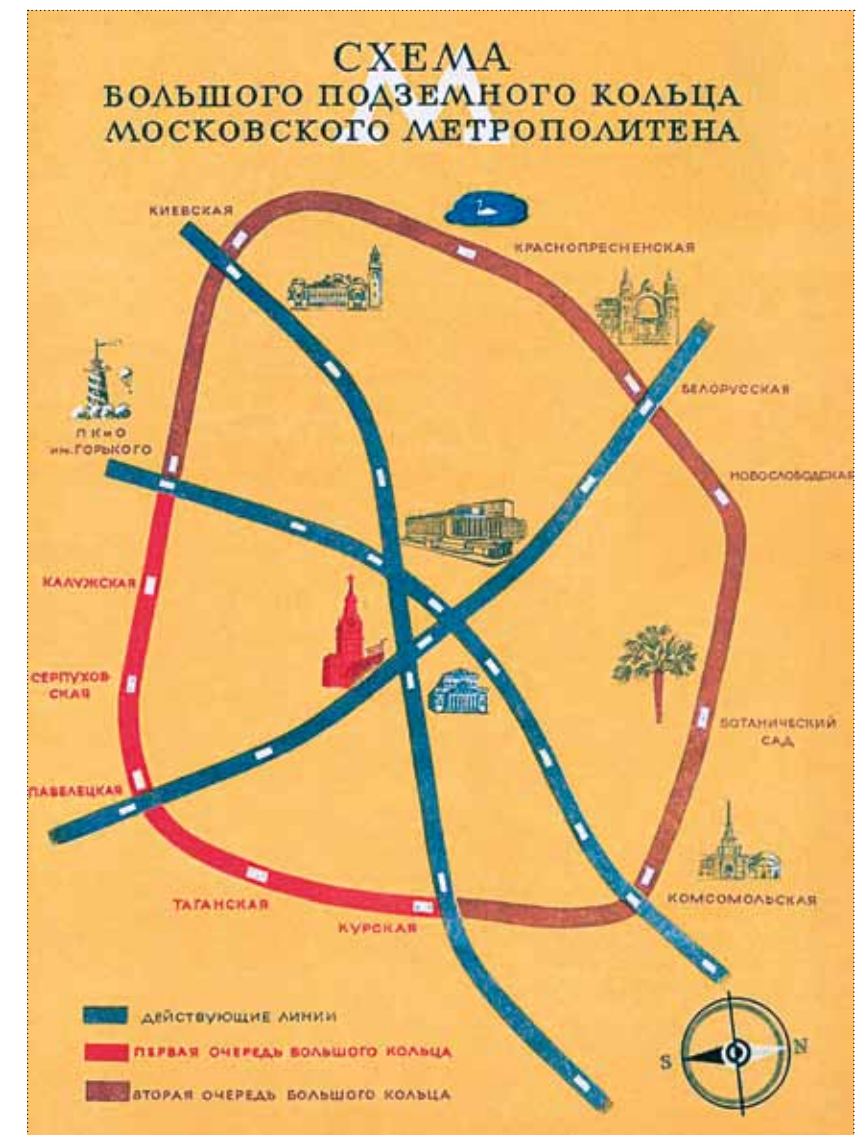
ный ряд – Площадь Свердлова – Площадь революции. Помимо строительства специальных пересадочных узлов, открытых в середине 40-х годов (когда были сконструированы специальные тоннели для переходов между этими станциями, а также обновлён выход с «Калининской» и «Библиотеки Ленина», выведенный в здание Государственной библиотеки) перед самой войной был разработан проект Кольцевой линии, которая связала бы между собой основные вокзалы (кроме Рижского и Савёловского) и отвела бы из центра пассажиропотоки с них, тем более для тех, кто следовал через Москву транзитом, с вокзала на вокзал. Новые участки стали четвёртой очередью метро, строительство которой началось ещё в конце войны.

Четвёртая очередь первоначально включала Кольцевую линию, сдававшуюся в три этапа. Она строилась от «Парка культуры» последовательно против часовой стрелки. Вначале, к 70-летию И.В.Сталина, на новый, 1950 год, появился отрезок «Парк культуры» – «Курская», затем 30 января 1952 года линия была продлена до «Белорусской». После чего в апреле 1953 года, через месяц после ухода вождя в мир иной, на схеме московского метро появился ещё один участок, который не входил в обнародованные планы и потому стал неожиданностью. В этот день поезда от станции «Площадь революции» впервые пошли не на тогдашнюю «Калининскую». Станции в сторону Киевского вокзала по-прежнему были «Арбатской», «Смоленской» и «Киевской», но это были уже совсем

Схема Большого подземного кольца
Московского метрополитена. Огонек.
№ 2. 1946 год

другие станции. Проще говоря, был открыт так называемый «Глубокий Арбат», проложенный параллельно старой, ещё в 1935–1937 годах построенной линии, но на значительной глубине. Прежняя же линия была закрыта.

По официальной версии, это было сделано из-за перепада высот между станциями «Площадь Революции» и «Калининская», с 34 до 7 метров. Но, по всей видимости, решающую роль сыграли стратегические соображения, учитывая тот факт, что в годы войны во время одного из вражеских налётов в линию мелкого заложения на перегоне между «Арбатской» и «Смоленской» в годы войны угодила авиабомба и пробила тоннель. Вероятно, из-за условий начавшейся «холодной войны» строительство этого отрезка метро, которого не было ни в каких официальных планах, было засекречено вплоть до середины 1951 года, когда уже были проложены тоннели и в печати появились первые сведения о предполагавшемся

оформлении станции, и то они шли под кодовыми номерами. Например, «Смоленская» называлась «станцией строительства № 10», «Киевская» «станцией строительства № 5».

А 14 января 1954 года кольцо, наконец, замкнулось. Тогда был сдан участок «Белорусская» – «Парк культуры». В их оформлении идея синтеза искусств была выражена наиболее ярко. В результате эти станции отличаются особо пышным декоративным убранством.

Так называемая «четвёртая очередь» – это триумф По-

беда, триумф архитектуры сталинского ампира, впоследствии нещадно битый за «архитектурные излишества». Наземные вестибюли строились как символические аналоги триумфальных арок, их архитектурное решение было пронизано темой Победы, триумфа советского народа, одолевшего врага. Особенно выразителен в этом смысле был вестибюль «Октябрьской», возвышавшийся над старой Октябрьской площадью как пантеон Победы. На образ «работали» и светильники в виде факелов, установленных на стенах, и фигуры воинов

Флорентийская мозаика работы Г.И. Опрышко в эскалаторном зале станции «Арбатская» Арбатско-Покровской линии (уничтожена в 1956 году)

реквиемом по недавно ушедшему вождю. Применённые приёмы русского классического зодчества, мотивы славянских народов (особенно на появившихся друг за другом сразу двух «Киевских» – на Арбатском радиусе и годом позже на Кольцевой линии) стали олицетворением сталинского державного курса, взятого ещё в конце 1930-х годов, «борьбы с космополитизмом и низкопоклонством перед западом», а потопатриотические темы стали ведущими. Тематика оформления новых станций стала победой в Великой Отечественной войне и последующая мирная жизнь как торжество, триумф сталинской политики. В этом смысле интересное решение было предпринято на «Павелецкой» Кольцевой линии, посвящённой сталинскому плану преобразования природы и строительству лесозащитных полос от наступления пустынь. А обрамление новой «Арбатской», с барочными завитушками, стало, пожалуй,

в плащ-палатках над фасадом, трубящих победу, в которых узнавались традиционные ангелы с церковных росписей... Сталин трактовался как олицетворение Победы, верховный полководец, под руководством которого и была одержана величайшая из битв. Станции четвёртой очереди поражают прежде всего роскошью отделки, люстр, светильников, облицовочного мрамора и гранита разных сортов, доставленных из разных районов страны – Кавказа, Урала, Алтая, Украины, Узбекистана, Карелии.... Идея «синтеза ис-

кусств» воплощалась в работах ведущих художников и скульпторов. Авторы многих станций были удостоены высшей в то время награды – Сталинской премии. В настоящий момент три станции Кольцевой линии имеют статус объекта культурного наследия регионального значения: «Комсомольская», «Киевская» и «Белорусская». Открывшиеся станции стали своего рода финальным аккордом темы «сталинского стиля» в метро, максимальным воплощением «сталинского ампира», своего рода

Станция метро «Электровозовская» открылась 15 мая 1944 года

наиболее пышным и наиболее подвергшимся критике за «архитектурные излишества». Увы, оказалось утрачено панно над эскалаторами с изображением И.В. Сталина в полный рост работы Г.И. Опрышко в технике флорентийской мозаики с использованием яшмы и порфира. При этом создавался интересный зрительный эффект: при подъёме на эскалаторе с изменением точки обзора перед пассажирами постепенно вырастала фигура самого вождя, что производило гипнотическое впечатление. Может быть, именно поэтому оно и было так безжалостно уничтожено. Если четвёртая очередь метро была триумфом сталинского ампира, то пятая очередь, строившаяся в середине 1950-х годов, уже после смерти вождя, стала переходной к новым реалиям. Проект новых станций был принят в 1953 году. Конструктивно они по понятным причинам оставались прежними, но уже по ходу строительства

из вестибюлей безжалостно удалялись многие детали художественного оформления – разного рода барельефы, мозаичные панно; облицовочные материалы заменялись на более дешёвые – так, облицовка путевых стен мрамором была заменена на кафельную плитку, как на станциях первой очереди. Новый руководитель страны – Н.С. Хрущёв – поставил во главу угла удешевление строительства, отказ от ненужных, с его точки зрения, «архитектурных излишеств», упор на внешний функционализм. Вестибюли становились чисто вспомогательными сооружениями. В отличие от первых очередей, когда в их основу клялось поэтапное строительство цельковых радиусов, в план пятой очереди включили два небольших отрезка двух разных линий, ведущих, впрочем, к важным городским объектам: продолжение самой первой линии от станции «Парк Культуры» в сторону Университета и начальный от-

резок Рижского радиуса, ко вновь открытой в 1954 году Всероссийской сельскохозяйственной выставке, вскоре переименованной в Выставку достижений народного хозяйства СССР. На этом история сталинского метро фактически заканчивается. Год спустя после открытия Рижского радиуса достраивается финальная часть Фрунзенского радиуса – станция «Университет», но одновременно в 1958–1959 годах уже

Введенный в эксплуатацию в 1946 году дополнительный переход между платформами станций «Площадь Революции» и «Площадь Свердлова». РГАНТД. Ф. 120. Оп. 3. Д. 513. Л. 92. Рис. 133 «б».

Реставрационные работы на станции «Киевская» Филевской линии завершены в 2016 году. Объект стал лауреатом премии «Московская реставрация — 2016». Фото: Пресс-служба Мэра и Правительства Москвы, 2017 год

появляется Филёвский радиус, в котором вкусы новой власти передаются с максимальной выразительностью и от прежних архитектурных решений не остаётся и следа. Надо также заметить, что первоначальный вид многих станций, каждая из которых задумывалась со своим неповторимым лицом, с массой оригинальных инженерных, архитектурных и световых решений и находок, впоследствии серьёзно изменился. Частично это было результатом проведённых необходимых реконструкций, изменивших их облик (например, станции «Дзержинская» («Лубянка»), «Кировская» («Чистые пруды»), «Павелецкая» Замоскворецкого радиуса, многие наземные вестибюли, особен-

но при строительстве пересадочных узлов с Кольцевой линией). Но большей частью неоправданные утраты были вызваны всё той же пресловутой борьбой с «архитектурными излишествами», в результате чего станции стали жертвами «унификации и стандартизации», их внешний облик подвергся нивелировке, а интерьеры понесли целый ряд утрат интересных архитектурных и декоративных элементов. В результате интересные художественные решения и находки мастеров архитектуры и декоративно-прикладного искусства были преданы забвению. А ведь над идеями декоративного убранства с помощью разного рода панно, а также подсветки станций

метро работали крупнейшие специалисты своего дела (достаточно назвать, например, Я.И. Дамского, занимавшегося разработкой принципов и способов освещения интерьеров, в том числе промышленных сооружений), создавшие массу оригинальных, если не сказать — уникальных решений, оставшихся только на старых фотографиях. Впрочем, в самые последние годы наметилась отрадная тенденция возвращения вестибюлям утраченных фрагментов и воссоздания их прежнего облика. Преобразились наземные вестибюли «Сокола», иной, в стиле прежнего времени. Стала другой «Киевская» Филёвской линии... Впрочем, это уже отдельная история. **МН**

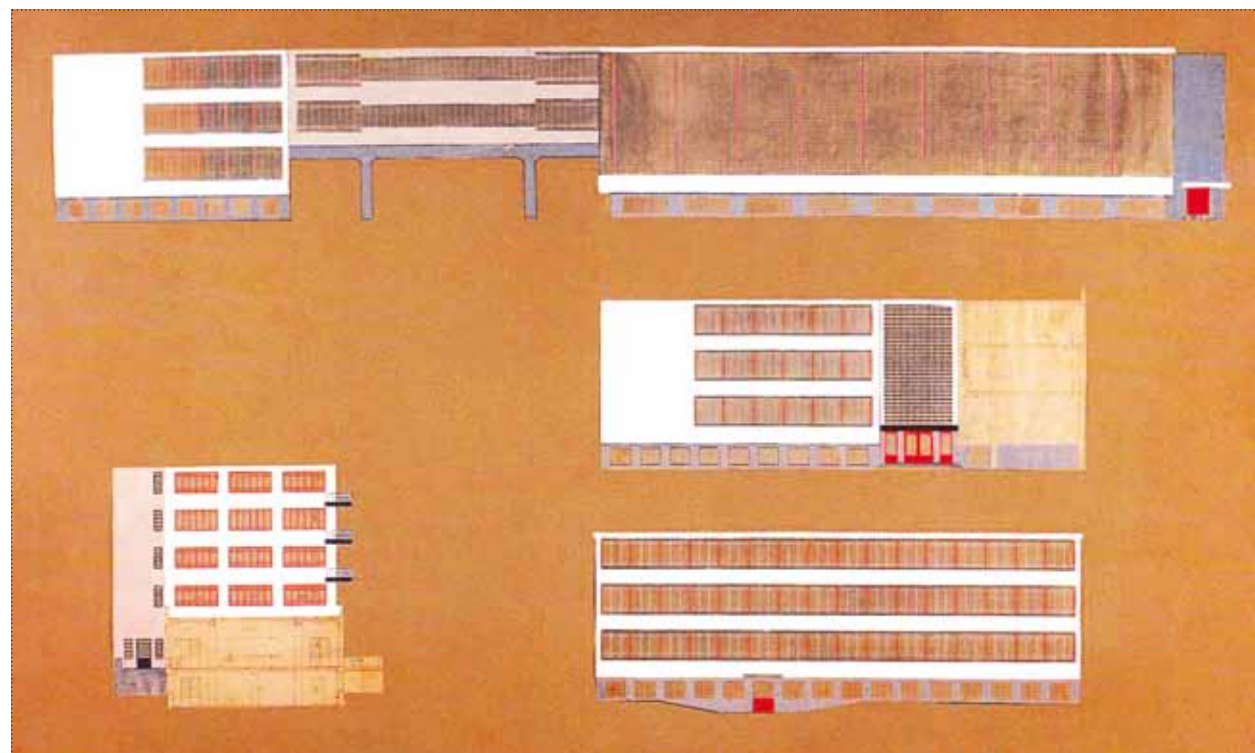

Перспектива улицы Покровка от Колпачного переулка. Фотография 1930-х годов из документального фонда Мосгорнаследия

Дарья Сорокина

Цвет в архитектуре: идеи Баухауза примененные на практике в Москве

Экспериментальный цветной план фасада здания Баухауза, автор Хиннерк Шепер, 1926 год. Баухауз-архив

«Цвет – это жизнь, и мир без красок представляется нам мертвым. Цвета являются изначальными понятиями, детьми первородного бесцветного света и его противоположности – бесцветной тьмы. Как пламя порождает свет, так свет порождает цвет. Цвет – это дитя света, и свет его мать. Свет как первый шаг в создании мира, открывает нам через цвет его живую душу»¹. Развернувшееся послереволюционное строительство у нас в стране, как индустри-

альное, так и жилищное остро нуждалось, как в новых архитектурных концепциях, так и в оформлении. «Живая агитация» за новый строй требовала новых подходов к организации проектирования, нередко была практика обращения к более опытным специалистам из других стран. В этом смысле не стал исключением, один из самых значимых памятников архитектуры авангарда – дом Наркомфина (народного комиссариата финансов), где для цветового (ко-

лористического) оформления был привлечен иностранный специалист из Баухауза – Хиннерк Шеппер. Всемирно известная школа формотворчества – государственный Баухауз совершила революцию в художественном образовании XX века в рекордные сроки – просуществовав всего 14 лет с 1919 по 1933 годы. Был задан мощный творческий импульс на десятилетия вперед, а в следующем году можно будет смело сказать и на столетия. Стоит отме-

тить, что задумывалась школа, как архитектурный вуз нового типа, но по факту архитекторов было выпущено не так уж и много, другое дело художников с нестандартным мышлением, способным проявить себя в самых различных областях, получилось не одно поколение, ведь они смогли продолжить дело Баухауза, в разных частях света, даже когда он был закрыт фашистами. Общеизвестный факт – особенность и успех Баухауза заключается в необычном подходе к образованию: постоянной практикой в ремесленных мастерских, которые были направлены не на специализацию на чем-то одном до конца жизни, а на объединении производства, искусств и ремесел. Образовалось несколько мастерских, где мастера-художники готовили студентов и реализовывали свои проекты. Одной из них была мастерская монументальной живописи (колористики), где и был начальником Хиннерк Шепер, разработавший собственную теорию цвета, а также подход к окрашиванию, основанный на психо-восприятии. Но колористическим решением одного проекта, дело не ограничилось, подобным образом теперь в идеале должны были оформляться практически все строящиеся здания, для этого была создана специальная организация (трест) с хлестким названием «Малярстрой». Из-за занятости в Баухаузе Хиннерк Шеппер вернулся в Германию через полтора года сотрудничества с «Малярстроем» и себе на замену отправил очень талантливого и перспективного выпускника того же Баухауза – Эриха Борхерта, который проработал в данной организа-

ции до ее закрытия в 1938 году. И Борхерт, как представитель передовой немецкой школы в течении нескольких лет применял теории, преподававшиеся лучшими мастерами, такими как Клее, Кандинский, Мохой-Надь, Йозеф Альберс. Из-за разрозненности архивов сведения о жизни и деятельности специалистов «Малярстроя» очень отрывочны и сейчас найти и восстановить идеи тех лет, в свете начавшейся реставрации дома Наркомфина на Новинском бульваре, актуально как никогда. Обратимся, к тем прямым свидетельствам, что дошли до наших дней. Вот что говорит Хиннерк Шепер со страниц печатного органа «Малярстроя», журнала «Малярное дело»: **«Важной функцией красочного оформления является физиологическое и психологическое влияние красок на человека: известные цвета могут радовать, другие угнетать, красками можно сделать помещение как бы обширнее, или утеснить, краски могут действовать на человека освежающим образом, или оживляющим или наоборот могут наводить тоску, утомлять»**². Для своего времени эти слова были, несомненно, революционными. Сейчас можно лишь догадываться, какое впечатление Шепер оказывал даже на самых передовых людей своего

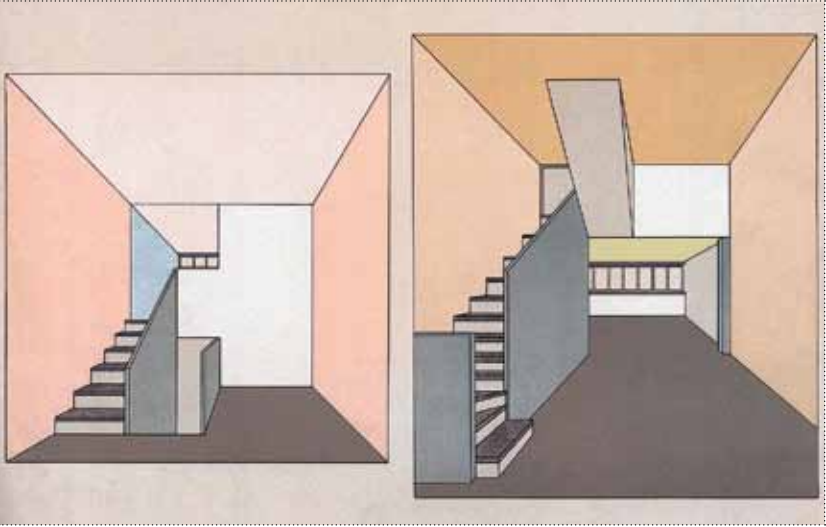

Портрет Хиннерка Шепера. Фото: Лусия Мохоли, 1927 год. Баухауз-архив, Берлин

Общеизвестный факт — особенность и успех Баухауза заключается в необычном подходе к образованию: постоянной практикой в ремесленных мастерских, которые были направлены не на специализацию на чем-то одном до конца жизни, а на объединении производства, искусств и ремесел

¹ Иттен И. Искусство цвета. М.: Издатель Дмитрий Аронов, 2007 год.

² Х. Шепер. «Малярное дело». 1-2, 1930 г.

«Холодная» и «теплая» цветовые
схемы для ячеек типа F в доме Нарком-
фина, «Малярное дело». 1930. №1-2,
цветное приложение

времени. Например, М.Я. Гинзбург, основатель ОСА (Объединение современных архитекторов), редактор СА (журнал «Современная архитектура»), автор дома Наркомфина, посетивший Германию в 1927 году, оказался под впечатлением от его подходов (это очевидно отразилось и на его архитектуре³). В 1929 году Гинзбург посвятил целый номер СА цвету⁴. Позднее он будет развивать заданный Шепером импульс со страниц «Малярного дела»: «Вполне понятно, что чрезвычайно сильную роль в выборе той или иной цветовой гаммы будет играть, с одной стороны, функциональное назначение комнаты (для отдыха, для работы, для сна и т. д.), с другой, – специфические условия освещения, имеющиеся в данном случае налицо (например юг, север или другая страна света, где находится окно, Ленинград или Крым, то есть интенсивность и количество солнечных лучей, и точно так же характеристика искусственных источников освещения ночью)», что показывает многогранность задач, которые должен был выполнять цвет в интерьере. Чтобы составить полную картину внедрения теорий цвета

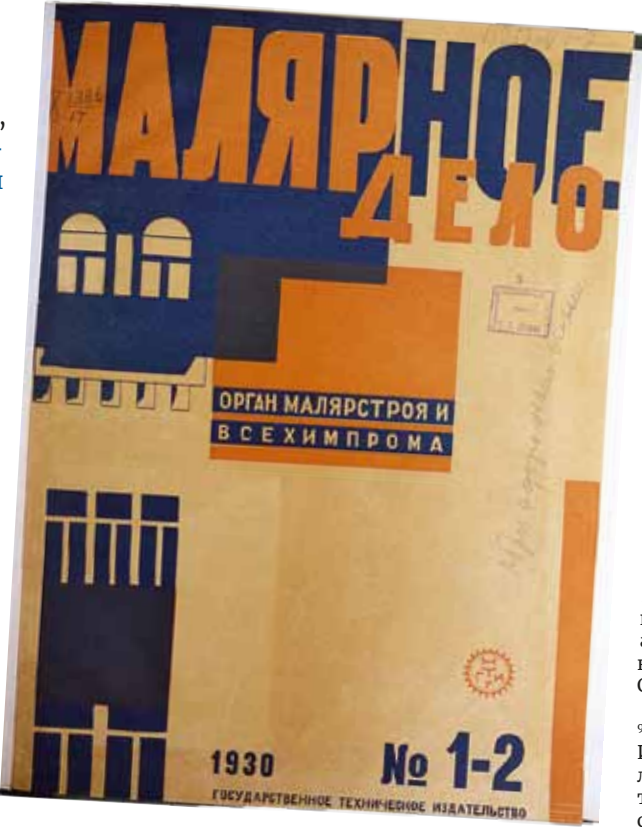
Баухауза в деятельность треста «Малярстрой» нужно понимать, что привнесены они были не просто на благодатную почву, но туда, где не менее активно велись схожие поиски. Хотя на момент прибытия Шепера в Россию, цветоведение в нашей стране еще не успело оформиться в законченный труд и не слишком активно использовалось на практике, но серьезный теоретический задел уже существовал. Две главных школы, разрабатывавшие теорию цвета в России, имели своих представителей среди работников треста. В первую очередь, это ученик и последователь Михаила Матюшина, выдающегося русского авангардиста, теоретика цвета, друга и сподвижника Малевича, – Борис Эндер, который был погружен в вопросы цветоведения с головой. Он помогал Матюшину, в качестве одного из подмастерьев, составлять его знаменитый справочник⁵ – единственную серьезную законченную теорию цвета тех лет⁶, а его сестра – Мария Эндер была редактором этого уникального издания⁷, также она была ближайшим помощником, можно сказать правой рукой, Матюшина. Борис Эндер, пере-

Михаил Васильевич Матюшин
(1861–1934). Фото 1910-х годов

ехавший в 1926 году в Москву, непосредственно в создании справочника не участвовал, но он был одним из постоянных испытуемых лаборатории и с помощью постоянной переписки поддерживал отношения с сестрами Марией и Ксенией, которые также были вовлечены в разработку теории цвета, то есть активно участвовал в их творческой жизни. Имея серьезный багаж знаний и опыт и взаимодействия с Матюшиным, Эндер отчетливо видел преимущества матюшинской системы: «В моей работе по мастерству колеров две особенности: с одной стороны, научно обосновываю свою работу над цветом (чего не делают даже немцы, например – Шепер). С другой стороны, я даю в производства колера из своих рук (этому Шепер научил)»⁸. Очевидно, что в «Малярстрое» Эндер и Шепер как бы дополняли друг друга, также стоит отметить, что у них моментально сложились дружеские отношения, и даже после возвращения Шепера в Германию они поддерживали переписку. Но творческие отношения их можно скорее характеризовать как независимые, «даже работая вместе, они всегда оставались сами собой»⁹. Помимо Бориса Эндера сотрудницей «Малярстроя» была Софья Матвеева: художница-монументалистка, выпускница ВХУТЕИНА¹⁰, также прошедшая через великую модернистскую школу – пропедевтику Ладовского, занятия Густава Клуциса, – преподававших цвет. Сложности преподавания цвета, как дисциплины, прекрасно описаны в монографическом труде С.О. Хан-Магомедова «ВХУТЕ-

МАС – ВХУТЕИН», например: «В одной мастерской учили студентов выявлять форму цветом (А. Осмеркин), в другой – изучали цвет на плоскости (И. Клюн), в третьей – цвет в пространстве (А. Экстер), в четвертой – одновременность формы и цвета (А. Древин) и т. д.». Здесь стоит обратить внимание на тот факт, что разработку программы и методики преподавания дисциплины «цвет» делали конструктивисты – Попова и Веснин, что вполне объясняет особый интерес Моисея Гинзбурга к деятельности мастерской настенной живописи Баухауза во время поездки на выставку в Штутгарте в 1927 году¹¹. Веснин и Попова совершенно по-своему объясняли смысл своей дисциплины, как это ими же именовалось – «обещехудожественного элемента»: «Композиция должна подчиняться определенной закономерности цвета, не быть намеренно случайной, как у импрессионистов.

Обложка журнала
«Малярное дело».
№1-2 за 1930 год

Разработку программы и методики преподавания дисциплины «цвет» делали конструктивисты – Попова и Веснин, что вполне объясняет особый интерес Моисея Гинзбурга к деятельности мастерской настенной живописи Баухауза во время поездки на выставку в Штутгарте в 1927 году

⁸ Жадова Л. Из истории личных и творческих связей деятелей Баухауза и советских художников (Б. Эндер и Х. Шепер в Малярстрое). Неопубликованный материал из личного архива, год неизвестен. С. 160.

⁹ Жадова Л. Из истории личных и творческих связей деятелей Баухауза и советских художников (Б. Эндер и Х. Шепер в Малярстрое). Неопубликованный материал из личного архива, год неизвестен. С. 160.

¹⁰ «Почти весь последний выпуск <1929 г. – И. К.> молодых художников-монументалистов» ВХУТЕИНа прошел стажировку в Малярстрое. По итогам этой практики была распределена Софья Матвеева. Казусь И. Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. Прогрестрадиция. М., 2009.

¹¹ Кириш К. Поселок Вайсенхоф. Выставка Веркбунда. Штутгарт 1927. С. 7.

³ Коммунальный блок дома Наркомфина является практически прямой цитатой (отсылкой) корпуса мастерских Баухауза в Дессау.

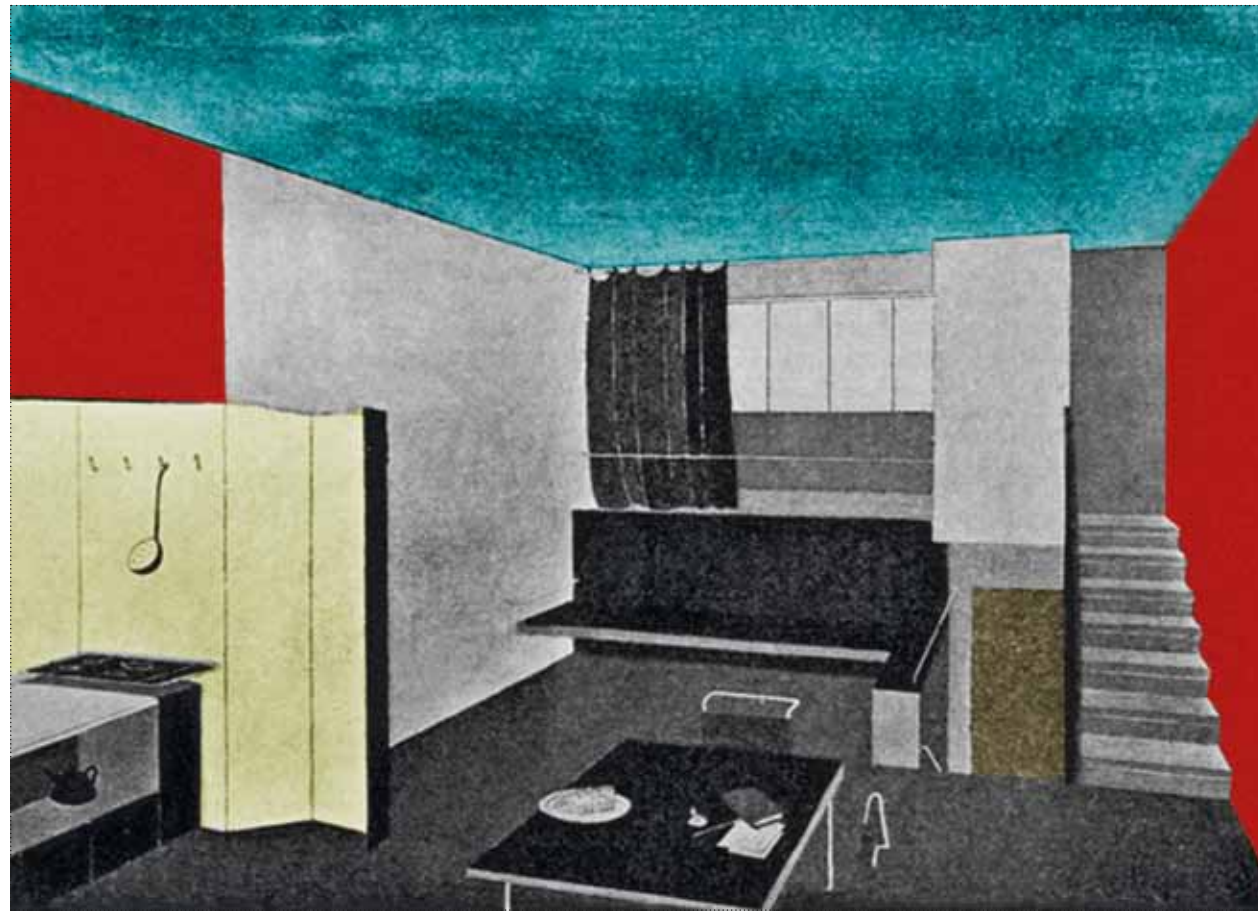
⁴ Современная архитектура. Под ред. Гинзбурга. 1929.

⁵ Матюшин М. Справочник по цвету. Закономерность изменяемости цветовых сочетаний. М.: Издатель Д. Аронов. 2007.

⁶ Ближайшей аналогией справочника можно считать книгу «Взаимодействие цвета» Йозефа Альберса, изданную в 1960-е годы.

⁷ Тильберг о том, что по факту Мария выполняла работу, но это нигде не указано.

Цветовым решением интерьеров дома Наркомфина занимался профессор Хиннерк Шепер, специально для этого на год откомандированный в Москву

Как и объем, цвет строит массу предмета, а не только окрашивает его»¹².

Многие из дошедших до нашего времени зданий, строившихся в конце 1920-х и в 1930-е годы, когда «Малярстрой» воплощал свои колористические проекты, либо не сохранились, либо находятся в плачевном состоянии, и даже те здания, что находятся в хорошем состоянии, конечно, не сохранили цвет. Цвет эфемерен и даже при первой перекраске, ставившей целью сохранить оригинальный колорит, он, как правило, довольно сильно отличается от оригинального решения. Восстановление колористических паспортов (проектов), выполнявшихся проектной бригадой «Малярстроя», является важнейшей задачей нашего времени, пока целы

(здания) памятники, и можно провести экспертизу для сравнения с тем, как это было задумано проектом и реализовано. Ведь в цветовой теории выходцев Баухауза цвет в архитектуре не был случайным – он выполнял важные функции (навигационную, например) и просто-напросто служил «кожей архитектурного тела»¹³, а не одеждой, образно выражаясь. То есть естественным покровом, без которого современное здание, стремящееся отвечать наивысшим эстетическим требованиям, просто немыслимо. Одним из таких важнейших памятников архитектуры той эпохи является дом Наркомфина, на момент написания данной статьи его полноценная реставрация идет полным ходом. Она претендует стать одной из первых реставраций

такого уровня у нас в стране (с восстановлением первоначальных материалов и даже расцветки). Такой пласт работ не мыслится без внимательного изучения и проработки всех деталей проекта, в том числе оригинального колористического решения, разработанного Хиннерком Шепером. И возможно будущие реставрации памятников архитектуры авангарда будут также проводится с использованием оригинальной расцветки. Как показывает практика, в мире наблюдается неуклонный рост интереса как к русскому авангарду, так и к Баухаузу. Многие идеи, появившиеся в то время, до сих пор находят воплощение и в современных проектах. Цветовые решения той эпохи достойны внимания и воскрешения и/или хотя бы переосмысления.

МН

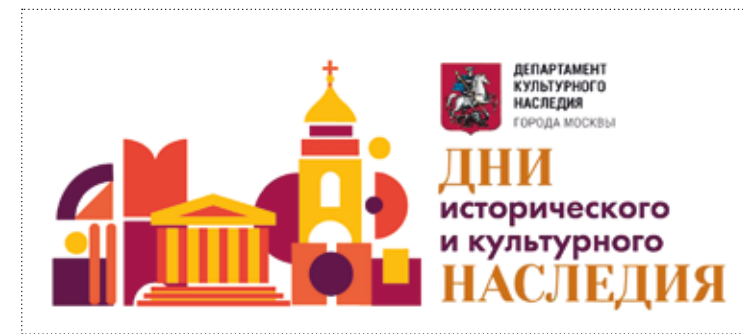

Площадь Арбатские ворота. Перспектива от Никитского бульвара. Фотография 1930-х годов из документального фонда Мосгорнаследия

¹² Хан-Магомедов С. О. ВХУТЕМАС-ВХУТЕИН. В 2 кн. М.: Издательство «Ладья», 1995. С. 155.

¹³ Шепер Х. «Малярное дело» 1930, 1.

Новости Департамента культурного наследия города Москвы

Дни исторического и культурного наследия 2018

В Москве в 18-й раз прошли Дни исторического и культурного наследия – ежегодное знаковое событие в культурной жизни столицы, приуроченное Департаментом культурного наследия города Москвы к двум датам: 18 апреля (Международный день охраны памятников и достопримечательных мест) и 18 мая (Международный день музеев). В этот раз программа была продлена до 31 мая, поскольку с каждым годом становится все больше любознательных, активных, интересующихся гражданами, любящих свой город и живо интересующихся его историей. Дни этого года впервые вышли за традиционный формат экскурсий: ор-

ганизаторы предложили участникам не просто посетить объекты с экскурсией, но и организовали несколько беговых и велопробегов. Желающие смогли пробежаться по Шаболовке в компании гидов от партнера Дней наследия – проекта «Спортивная история», а также сделать полный круг по Бульварному кольцу на двух колесах – и все

это с остановками около самых интересных объектов маршрутов. Кроме того горожане принимали участие в квестах – экскурсиях, в которых маршрут предполагает активность всех участников, предлагая им выполнить ряд творческих заданий для продвижения к следующей точке экскурсии.

Традиционно москвичи могли участвовать в экскурсиях известных москвоведов и гидов, посетить открытые лекции почетных реставраторов города Москвы, прогуляться самостоятельно по готовым маршрутам. К услугам всех желающих было более 300 мероприятий на 65 площадках столицы. Как и прежде, одними из самых востребован-

Соревнования по профессиональному мастерству в рамках Дней наследия в ГБПОУ ОКГ «Столица». Фото 2018 года

ных стали здания, доступ в которые в обычные дни ограничен: это особняки, занимаемые дипломатическими представительствами иностранных государств, научные институты, мастерские. На Арбате и около здания ТАСС на Тверском бульваре прошли две фотовыставки. Героями первой стали как раз те самые посольские особняки – красивейшие образчики вкуса своих прежних хозяев и таланта величайших московских архитекторов. На второй были представлены лучшие работы фотографов агентства ТАСС (информационного партнера Дней наследия) и Департамента культурного наследия, на которых изображена по-

вседневная Москва во всем ее очаровании. Впервые Дни наследия вышли в интерактив: на страницах Департамента в социальных сетях все желающие могли принять участие в фотоконкурсах. Первый – «Лучшее место для...» – предложил участникам поделиться своими фотографиями на заданную тему (лучшее место для признания в любви или для встреч с друзьями). Второй – «Мой любимый памятник» – также предлагал участникам рассказать и показать самые красивые по их мнению уголки столицы. В обоих случаях победители выбирались по количеству лайков. Многие из объектов – традиционные участники

В усадьбе «Остафьево». Фото 2018 года

Дней наследия, и принимают посетителей каждый год. Это дом Стахеева; дом Пашкова; памятники конструктивизма – здание Центросоюза архитектора Ле Корбюзье, дом-коммуна архитектора Ивана Николаева; любимый москвичами особняк Федора Шехтеля на Большой Садовой, гостиницы «Националь», «Метрополь» и «Ленинградская» и многие другие здания. Также в программу попали два объекта, по традиции выбранные гражданами путем голосования на проекте «Активный гражданин»: в 2018-м выбрали усадьбу «Остафьево» (лауреат «Московской реставрации – 2017») и ВДНХ.

Велосипедная прогулка в Дни наследия. Фото 2018 года

Фото: Пресс-служба Мэра и Правительства Москвы, 2018 год

«Сверяя часы»

16 мая в книжном магазине «Библио-Глобус» руководитель Мосгорнаследия Алексей Емельянов и главный редактор журнала «Московское наследие», историк Филипп Смирнов презентовали книгу-альбом уникальных фотографий Москвы, запечатлевших изменения столицы с начала XX века. «Сверяя часы. Избранные виды Москвы без комментариев» — именно так называется проект — готовили к печати несколько лет. Для этого из более чем 10 000 изображений составители скупрулезно выбрали порядка 400 видов города. Источником стали собрания документального фонда Департамента культурного наследия и Главного архивного управления города Москвы. Большинство кадров представлено широкой публике впервые. «Мы сознательно ушли от парадных фотографий, большинство отобранных кадров — это материалы документальных фондов Мосгорнаследия. Мы хотели не просто показать

город по принципу «было-стало», но и передать самую суть городской жизни, динамику развития, настроение. Комментарии в данном случае действительно излишни», — прокомментировал Алексей Емельянов. По задумке составителей, книга предлагает рассмотреть и сравнить виды Москвы примерно с одних и тех же точек в разные промежутки времени. Чтобы сохранить хрупкий дух времени, кадры принципиально не ретушировались. Альбом разбит на 12 глав — полный круг стрелок часов. Здесь есть кадры строительства высоток, несохранившихся и восстановленных храмов, монументальные здания и небольшие деревянные дома, парки, усадьбы, конторы, городской транспорт. Книга уже доступна для скачивания на сайте Мосгорнаследия в разделе «Деятельность» (вкладка «Популяризация»).

Спасительный субботник

21 апреля Департамент культурного наследия города Москвы провел субботник на территории объекта культурного наследия «Ансамбль железнодорожной станции «Покровское-Стрешнево». Специалисты убрали территорию и очистили здание от граффити.

«Мы провели субботник на очень интересном объекте — это станционный дом ансамбля железнодорожной станции «Покровское-Стрешнево». Сейчас объект находится не в лучшем состоянии: владелец халатно относится к памятнику. В сентябре нами было выдано предписание на проведение противоаварийных работ, однако собственник его проигнорировал. В марте Мосгорнаследие вновь выдало предписание, и в случае, если собственник не представит нам отчет о проделанной работе в срок до 1 июля 2018 года, Департа-

Фото: Пресс-служба Мэра и Правительства Москвы, 2018 год

мент будет подавать иск об изъятии объекта. Пока же мы решили своими силами привести территорию в порядок», — рассказал глава Департамента культурного наследия города Москвы Алексей Емельянов. Станционный дом, украшенный майоликой и декоративной башенкой, был построен в начале XX века по проекту архитектора Станислава Бржовского. Основными пассажирами всегда были дачники, жившие в окрестностях станции, однако был короткий период, когда здесь принимали и отправляли грузовые поезда. В 70-е годы для пригородных пассажиров была построена островная высокая платформа, на которой было размещено здание пригородных касс с навесом для пассажиров. Сегодня действующая платформа расположена неподалеку от станции метро «Щукинская» и принадлежит Рижскому направлению. Само же здание станционного дома на данный момент не используется.

Фото: Пресс-служба Мэра и Правительства Москвы, 2018 год

Яузская больница выходит на реставрацию

По девяти строениям и по части ограды городской клинической больницы имени И.В. Давыдовского согласована проектная документация. Проект реставрации разрабатывался в 2017–2018 годах с учетом исторической уникальности здания и его функциональности. Это заняло достаточно много времени в виду того, что по многим вопросам требовалась тщательная проработка. К примеру, по третьему строению Мосгорнаследием проведена большая работа с пользователем и проектировщиками для корректировки проекта приспособления. Изначально пользователем

планировалось устройство лифта, для чего в своде на первом этаже предполагалось прорубить проем. Однако пользователя удалось убедить отказаться от этого решения, и своды первого этажа будут реставрироваться в соответствии с их первоначальным видом. В ходе работ отреставрируют фасады больницы, интерьеры, живопись, столярные изделия и лестницы. Конструкции здания усилят, проведут гидроизоляцию, а также отремонтируют крышу и подвалы. На время реставрации больница закрываться не будет.

Яузская больница. Фото 1900–1910-х годов

Вид на Дом Наркомфина со стороны коммунального корпуса. Фото: «Гинзбург-Архитектс», 2018 год

именно таким, каким его задумали и построили Моисей Гинзбург и Игнатий Милинис», — рассказал руководитель Департамента культурного наследия города Москвы Алексей Емельянов.

В планах — приспособить здание к современным требованиям, вернуть изначальный вид и структуру интерьерам, восстановить планировку, отремонтировать квартиры и общественные помещения, благоустроить дворик на территории дома. Ремонтно-реставрационные работы планируют закончить в 2019 году.

Встал на ноги

Завершился первый этап реставрации знаменитого Дома Наркомфина. Реставраторы вернули первому этажу здания первоначальный вид: по замыслу архитектора Моисея Гинзбурга, бетонные колонны в три ряда, на которых стоит дом, были открыты, однако позже их обнесли стенами. В апреле специалисты снесли лишние перегородки, вернув первому этажу первоначальный облик.

«Прошло меньше года с момента начала реставрации Дома Наркомфина. Уже проведены противоаварийные работы, гидроизолирована крыша жилого и коммунального корпусов, внутри удалены поздние перегородки. В здании монтируется система вентиляции. Проводятся работы в подвале. Реставра-

торы сделали пробное окно, воссоздающее авторское решение. Идет тщательная работа с цветовым оформлением — специалисты, проводя расчистки стен, ищут оригинальные цвета, в которые были окрашены поверхности. И вот теперь открыт первый этаж дома — постепенно он предстает перед нами

Проект реконструированного дома. Фото: Пресс-служба Мэра и Правительства Москвы, 2018 год

Фото: Пресс-служба Мэра и Правительства Москвы, 2018 год

Отреставрирована мастерская Веры Мухиной

Завершилась комплексная реставрация дома, где жила и работала скульптор Вера Мухина. Двухэтажное здание в Пречистенском переулке было построено в 1947 году по проекту архитектора Сергея Замкова, деверя Веры Мухиной. Считается, что сама скульптор приложила руку к проекту: она разделила дом на жилую и рабочую зоны, так чтобы одно не мешало другому.

У здания нет определенного архитектурного стиля. Зал мастерской украшает витражное окно во всю стену дома, а также треугольный световой фонарь. При том, что здание имеет элементы конструктивизма, его фасады украшены классическими карнизами, сандриками над окнами, фронтоном и круглыми медальонами.

Сейчас в восточной части, где располагалась двухэтажная квартира скульптора, проживают ее потомки, а западная — рабочая — часть отдана под мастерские Всероссийского художественного научно-

Фото: Пресс-служба Мэра и Правительства Москвы, 2018 год

реставрационного центра имени академика И.Э. Грабаря. Они разделены капитальной стеной и не сообщаются между собой. **МН**

Светлана Баранова

Подлинное открытие Гончарной слободы в Москве

Вид на Гончарную слободу от Устьинского моста. Из альбома Найдёнова, 1887 год

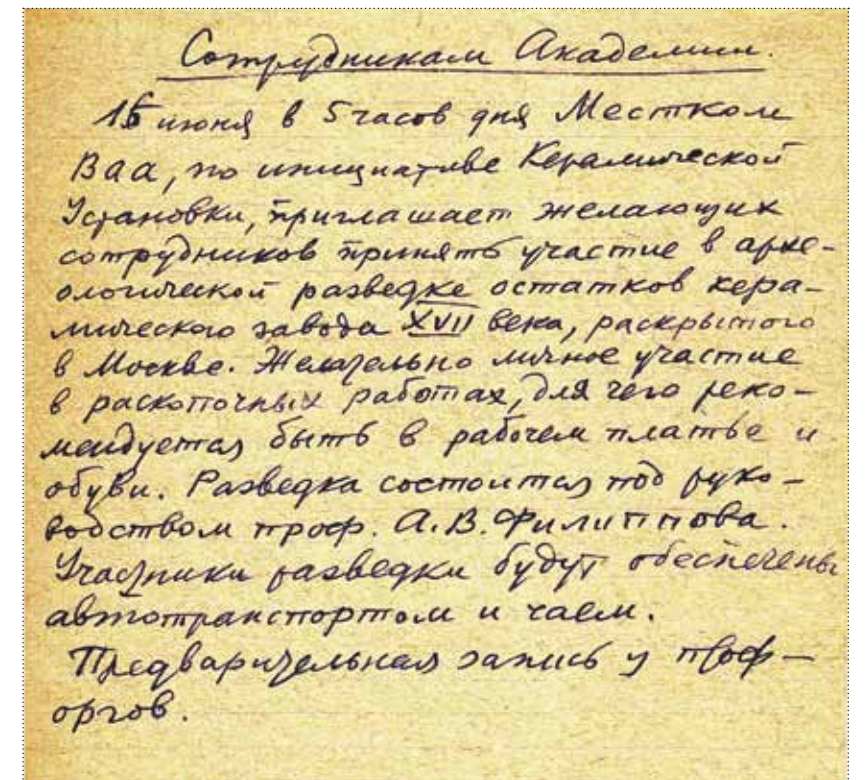

Сегодня название и место этого района (от устья Яузы до Таганской площади) известно каждому археологу в Москве, а также всем, кто изучает средневековую керамику. Однако до 1930-х годов о его существовании говорила только топонимика («Гончары», церкви «в Гончарах»

и т. п.). Хроника первых шагов археологии в Гончарной слободе, которую удалось восстановить из ранее неизвестных документов архива крупнейшего исследователя русского изразца Алексея Васильевича Филиппова (1882–1956), открылась лишь недавно. Его роль как инициатора специально-

го изучения археологического керамического материала Москвы в трудах знавших его в 1940–1950-е годы ученых специально не отмечена, хотя в целом они достаточно часто ссылаются на его статьи и консультации. А роль эта была незаурядной. Правда, как архитектора

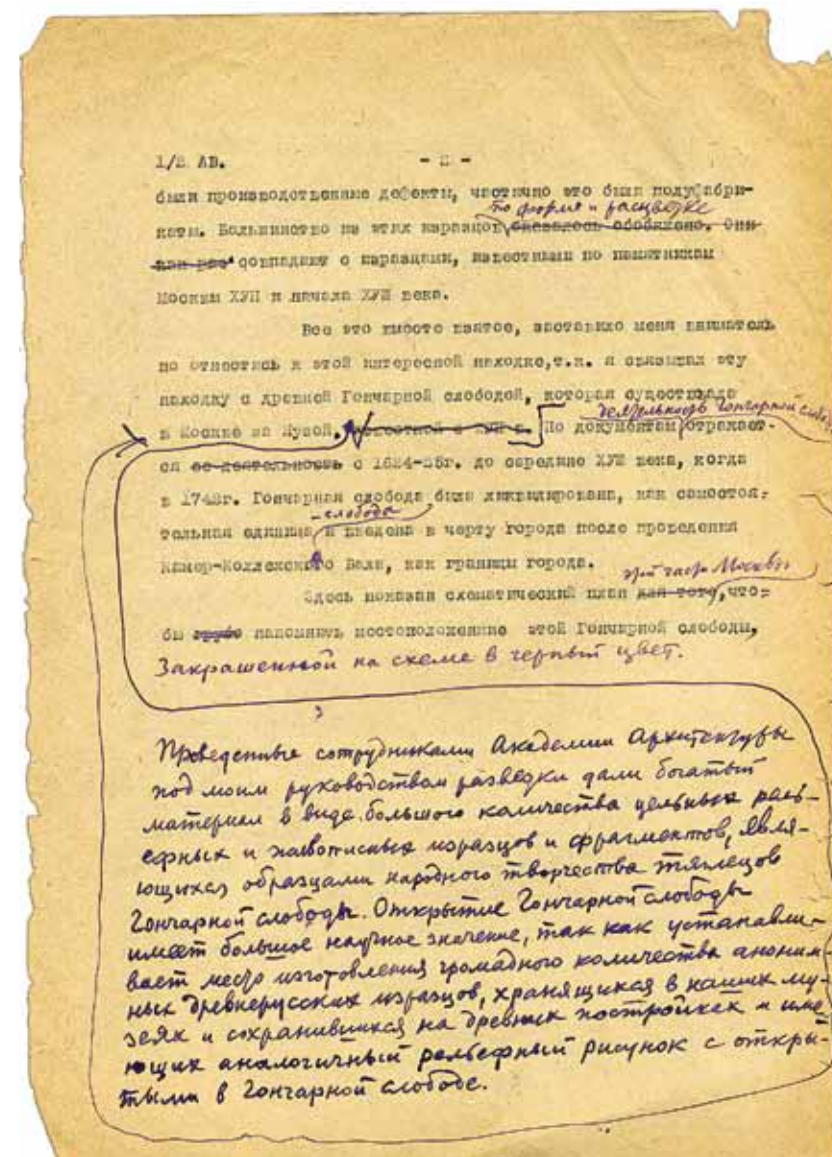
Объявление об «археологической разведке» в районе Гончарной слободы 15 июня 1938 года. Архив А.В. Филиппова

и практика-строителя его интересовали прежде всего виды строительной керамики, от кирпича до изразцов, причем не только с точки зрения их истории, но и с точки зрения усвоения опыта средневековых мастеров, их «секретов», которые Филиппов стремился применить для решения задач современного строительства. Это не позволяло пройти мимо бесчисленных в городском хозяйстве работ в культурном слое и разрушений памятников, особенно частых в 1920–1930-е годы. Филиппов оказался в Гончарной слободе не случайно. Находясь в эпицентре исследования русского изразца, А.В. Филиппов работал на всех направлениях, в том числе в археологии. Еще в 1911 году он был принят вольнослушателем на 1 курс Московского археологического института, закончив его в 1913 году (диплом «о прохождении полного курса наук археологического отделения»

получил в 1918 году). Методику археологии Филиппов осваивал на практике у создателя московской археологической школы В.А. Городцова¹. Таким образом, Филиппову удалось впервые в Москве обнаружить остатки гончарной мастерской второй половины XVII – начала XVIII века, что привело к открытию такого исключительно важного для московской археологии археологического памятника, как Гончарная слобода. Согласно записям Филиппова, всё началось 2 апреля 1938 года, когда инженер и архитектор В.И. Карпов показал своему коллеге И.И. Бреннеру изразцы, собранные на стройке около дома. Последний сообщил о них Филиппову, о чем он пишет: «2/IV-1938 г. архитектор И.И. Бреннер сообщил на Керамическую Установку Академии Архитектуры, что им найдено несколько старинных русских рельефных изразцов без глазури, с белым грунтом

¹ См. об этом, в частности: Василий Алексеевич Городцов: Дневники 1928–1944. М., 2015. Кн. 1. С. 312–313 и др.

Стенограмма (часть) доклада А.В. Филиппова с авторскими исправлениями на заседании сектора по истории Москвы в институте Истории Академии наук СССР 11 апреля 1940 года. Архив А.В. Филиппова

(ангобом) и глазурованных; что подобные, найденные там же изразцы имеются у инж.-архитектора В.И. Карпова, живущего на территории находок: 3-й Гончарный пер., д. 12, кв. 1; и что таких изразцов целых и особенно фрагментов можно найти еще и в большем количестве.

12/IV я познакомился с имеющимися у архит. Бреннера и инж.-архит. Карпова изразцами и совместно с Бреннером произвел разведку недавно вырытого котлована дома № 10–12 по 3-му Гончарному переулку для поисков изразцов. На глубине 2–3 м найдено несколько десятков различной

величины фрагментов изразцов, в большинстве типичных для второй половины XVII и начала XVIII-го века. Большинство изразцов красных безполивных, реже попадаются зеленые глазурованные по белому ангобу, а также многоцветные эмалевые. Преобладающее большинство изразцов не имеют в румпах следов глиняного или известкового раствора, т. е. не были употреблены, еще не применялись в стройке, отдельные – имеют следы копоты в румпе, т. е. были применены в печной облицовке...

Отсутствия на изразцах следов их строительного применения

и незаконченность их производственной обработки указывает на их принадлежность древней изразцовой мастерской, которые существовали по письменным источникам в этом районе, где находилась Гончарная слобода. До настоящего времени археологических вещественных следов ни одного завода Гончарной слободы не было найдено...».

О сенсационном открытии в Гончарной слободе написали многие московские газеты².

Почти сразу Филиппов набирает свои мысли в записке с названием «Стол находок (II/IV-38)», которая хранится в его архиве. Он пишет:

«Гончарная слобода или сокращенно “Гончары” и ее история. Термин “гончар” в XVII веке. Местожительство гончаров в Москве XVII века. Территория Гончарной слободы. Общая история Гончарней слободы в Москве, их число. Источники. Занятия обитателей Гончаров. Строительные работы. Производство керамических изделий. Торговля. Название профессий жителей. Заказчики Гончарной слободы. Роль старост слободы в 20–30 гг. XVII в. Общая профессионально-производственная и социально-экономическая характеристика жителей. Мелкая семейная домашняя промышленность. Выработка изделий, которые не могли из-

готовлять кирпичные заводы. Стоимость изделий сравнительно с кирпичом. Сроки выполнения заказов. Изделия Гончарной слободы по документам, находкам и архитектурным памятникам». В начале лета Филиппов организовал дальнейшие раскопки силами возглавляемой им лаборатории «Керамическая установка», приглашая всех желающих сотрудников принять участие «в археологической разведке остатков керамического завода XVII века, раскрытого в Москве...». Им же были организованы наблюдения за земляными работами в Гончарной слободе с целью подготовить место для систематических раскопок, были проведены первые опыты с находками в лаборатории. Филиппов писал: «Открытие Гончарной слободы име-

Работы в Гончарной слободе. Слева направо: М. Г. Рабинович, А. В. Филиппов, П. И. Засурцев. Сентябрь 1946 года. Архив А.В. Филиппова

ет большое научное значение, так как устанавливает место изготовления громадного количества анонимных древнерусских изразцов, хранящихся в наших музеях и сохранившихся на древних постройках и имеющих аналогичный рельефный рисунок с открытыми в Гончарной слободе. Вещественные следы древних гончарных заводов были обнаружены в Киеве, Ярославле, Владимире, Тотьме, но в Москве до настоящего времени не были известны. Сотрудниками Всесоюзной Академии архитектуры под руководством А.В. Филиппова были проведены разведки, давшие богатый материал в виде большого количества цельных рельефных изразцов и фрагментов, являющихся образцами народного творчества тяглецов Гончарной слободы. Изразцы после

² Древний завод Гончарной слободы. Вечерняя Москва. 19 июня 1938; Розенкранц А. Древний завод в Гончарной слободе. Архитектурная газета. № 37 (266), 3 июля 1938 и др.

Изразцы, найденные в районе Гончарной слободы в 1938 году. Архив А.В. Филиппова

из научной обработки будут выставлены в Академии Архитектуры и будут сопровождены докладом об их художественном и научном значении».

Очевидно, что при всей неожиданности находки Филиппова были одновременно ожидаемы. Это показал огромный интерес, который вызвал доклад «Гончарная слобода в Москве как производственный центр архитектурной керамики XVII века», сделанный 11 апреля 1940 года в группе по истории Москвы Института истории Академии наук СССР. Об этом свидетельствует стенограмма доклада – исключительно важный документ, позволяющий не только характеризовать Филиппова как исследователя, но чрезвычайно ценный материал для московских археологов³.

Кроме того, это яркая иллюстрация для понимания ситуации, которая сложилась в научных кругах Москвы в предвоенные годы. Как известно, с конца 1930-х годов началась подготовка к празднованию юбилея столицы, в рамках которого планировалось издание фундаментального многолетнего труда по её истории. В значительной степени инициатива принадлежала историку П.Н. Миллеру, представлявшему сложившуюся традицию изучения городских древностей архивистами и краеведами. Линия изучения материальной культуры, скрытой в культурных слоях Москвы, только формировалась, находки были на вес золота, а зарождавшаяся археология города остро нуждалась в полевом материале⁴.

Линия изучения материальной культуры, скрытой в культурных слоях Москвы, только формировалась, находки были на вес золота, а зарождавшаяся археология города остро нуждалась в полевом материале

Изразцы, найденные в районе Гончарной слободы в 1938 году. Архив А.В. Филиппова

Изразцы, найденные в районе Гончарной слободы в 1938 году. Собрание МГОМЗ.

Стенограмма доклада представляет Филиппова на одном из таких подготовительных заседаний, где он знакомит слушателей с совершенно новым материалом по результатам находок на территории древней Гончарной слободы и их осмыслением. До этого момента её история была известна исключительно из архивных документов, а общего

представления о составе культурного слоя и системе производства в Гончарной слободе ни он, ни его коллеги еще не имеют. Это касается не только археологии, но и собственно «Москвы изразцовой», поэтому в докладе, и особенно в дискуссии, встречаются неточности в датах и именах. Докладчик и слушатели явно избегают темы изразцовых декораций

средневековой Москвы, что не удивительно – значительная часть перечисляемых ими памятников архитектуры уже разрушена. Система представлений о развитии архитектурного изразца и его роли в культуре Москвы XVI–XVII веков сложится гораздо позже. В докладе Филиппов раскрывает свои способы разведки, основанные на археологиче-

³ Полный текст стенограммы доклада А.В. Филиппова опубликован. См.: Керамическая установка. По материалам архива и коллекций А.В. Филиппова». Научн. ред. С.И. Баранова. М., 2017. С.356–366.

⁴ Беляев Л.А., Баранова С.И. У истоков изучения керамики средневековой Москвы: А.В.Филиппов, П.Н.Миллер, М.Г.Рабинович и другие // Учёные и идеи: страницы истории археологического знания. Тезисы докладов Международной научной конференции. М., 2015. С.10–11.

Изразец с изображением воина. Москва. Середина XVII века. Найден при раскопках в Гончарной слободе в 1946 году. Собрание МГОМЗ.

Раскопки последних десятилетий в Гончарной слободе продолжают умножать количество находок, в том числе и изразцов, позволяя совершенствовать методику исследования

ских методиках сбора и подсчёта подъёмного материала, опроса местного населения и других (сказывается школа Московского археологического института). Докладчик виртуозно владеет исторической терминологией и показывает глубокое знание материала, не только московского, но и, например, ярославского.

Интересна и атмосфера, в которой идёт дискуссия. Отдельные участники проявляют недовольство отсутствием обязательной тогда «социальной проблематики», упрекая докладчика в отсутствии характеристики «зарождались ли там элементы капиталистической эксплуатации и т. д., ничего этого мы не видим...» или «Социальная сторона, которую надо было бы осветить, здесь освещается слишком мало». Но для большинства доклад Филиппова становится подлинным открытием, как и продемонстрированные слушателям находки⁵. Об этом говорит в заключительном выступлении П.Н. Миллер: **«Доклад Алексея Васильевича, конечно, даёт богатый материал для того многотомника, который нам предложено составить. Действительно, нужно различать нашу работу с теми работами, которые производят сотрудники Института истории и вообще сотрудники Академии.**

Алексей Васильевич не состоит сотрудником Академии. Он добровольно предложил тему, которая мною и руководством нашей группы была признана желательной, потому что она освещала очень слабо освещённую жизнь одной из московских слобод. Что сделал Алексей Васильевич? Он дал большой материал, чем во-

обще давали по этому делу. Доклад этот был встречен слушателями с большим интересом и вниманием, о чём свидетельствует то, что больше 1 ч. 10 мин. задавались вопросы. Я тут не нахожу в действиях нашей группы какого-нибудь нарушения общих наших интересов, а наоборот, внесением таких сведений мы только помогаем группе изучить материал, хотя бы, может быть, в пределах частного, а не общего. Дело об общем характере – это дело другого доклада, и поэтому от каждого докладчика требовать этих обобщений и раскрытия социальной стороны по каждому докладу – это совершенно не входит в наши задачи».

Открытие и доклад Филиппова позволило начать в Гончарной слободе «наблюдения за земляными работами в устье Яузы, которые имели своей целью разведку местности для систематических раскопок, которые предполагалось поставить на Таганском холме». О результатах сообщил в докладе «Гончарная слобода XI–XVII вв.» на археологической секции Ученого Совета НИИ краеведческой и музейной работы 3 ноября 1942 года М.Г. Рабинович. В его докладе упоминалось, в том числе и об найденных изразцах: «Наиболее интересны изразцы с изображением осады крепости, двуглавого орла, с растительным орнаментом. Найденный глиняный штамп для изразцов – инструмент московского гончара. Из зеленых муравленых изразцов интересен уникальный изразец с изображением стрельца»⁶. В дальнейшем, при издании трудов по раскопкам в Гончарной слободе, которые нача-

Гончарный горн. Найден в 2002 году при археологических раскопках Центра Археологических исследований ГУОП г. Москвы на Гончарной улице. Руководитель раскопок А.Г. Векслер

Изразец, найденный в районе Гончарной слободы в 1938 году. Собрание МГОМЗ

лись после войны, в 1946 году, М.Г. Рабинович часто упоминал мнение А.В. Филиппова по тому или иному вопросу. В одной из работ было опубликовано заключение «по опытам, связанным с расшифровкой технологии производства строительной и бытовой керамики из московских раскопок в Гончарной слободе и Зарядье», выполненное лабораторией Филиппова⁷. В 1940–1950-е годы исследования стали методичнее и охватили районы, где сосредоточено гончарное производство, прежде всего Заяузье. На основе собранных материалов были написаны ставшие классическими крупные аналитические работы М.Г. Рабиновича и Р.Л. Розенфельдта⁸. Таким образом, открытие Гончарной слободы оказалось стимулирующее воздействие на развитие археологии в Москве. Успехи археологии,

в свою очередь, обеспечили стремительное продвижение сразу в нескольких областях изучения главных находок – московских изразцов: общей хронологии и типологии, топографии и технологии производства, историко-культурной оценки явления. В изучении изразцов археологическому направлению суждено было стать лидирующим благодаря постоянно растущему объёму вводимой в оборот информации, ее достоверности, своевременной обработке и публикации. Раскопки последних десятилетий в Гончарной слободе продолжают умножать количество находок, в том числе и изразцов, позволяя совершенствовать методику исследования. Не стоит забывать, что Алексей Филиппович Филиппов имел ко всему этому, на первом этапе, самое непосредственное отношение.

⁷ Рабинович М.Г. Московская керамика // МИА, № 12. М.; Л., 1949. С. 104–105.

⁸ М.Г. Рабинович. Гончарная слобода в Москве XVI–XVIII вв. // МИА, № 7. М., 1947; Раскопки в 1946–1947 гг. в Москве на устье Яузы // МИА, № 12. М., 1949. С. 5–43; Он же. Московская керамика // МИА, № 12. М.; Л., 1949. С. 37–105; Он же. Культурный слой центральных районов Москвы. Характеристика керамики // МИА. № 167. М., 1971. С. 12–27; Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М., 1968.

Главное архивное управление города Москвы

Из истории охраны и реставрации памятников музея-усадьбы «Кусково» (по документам Центрального государственного архива города Москвы)

Усадьба Кусково. Грот, Итальянский домик и Менажерии. Грот будут реставрировать до конца 2018 года. Фото 2017 года

В первые месяцы после Октябрьской революции 1917 года возникла реальная угроза для сохранности историко-культурных памятников дворянского быта, включая знаменитые подмосковные усадьбы. Важную роль в решении их дальнейшей судьбы играла созданная в ноябре 1917 года Комиссия по охране памятников и художественных ценностей при Моссовете под ру-

ководством архитектора Павла Петровича Малиновского (1869–1943)¹. Так, 28 февраля 1918 года владелец усадьбы Кусково граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844–1918) обратился в комиссию со следующим письмом: «Спешу выразить свою благодарность Комиссии за заботу о Кускове. Я был бы очень рад, если бы Члены Комиссии художники С.Ю. Жуковский и В.Н. Мешков

нашли бы возможность посетить Кусково и познакомиться с теми ценностями, которые там хранятся. До сего времени в Кускове все благополучно, и распространившиеся сведения о расхищении не соответствуют действительности. Ближайшими удобными днями посещения Кускова была бы суббота или воскресенье»². В соответствии с декретом Совета Народных Комиссаров

Вид на павильон «Грот» в усадьбе Кусково. 1917 год. ЦГА Москвы

РСФСР «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» от 5 октября 1918 года сотрудники Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства (Музейный отдел) Народного комиссариата просвещения РСФСР провели «по всей территории Советской Республики обследование свыше 500 старинных усадеб, из которых оставлено под ох-

раной государства, в качестве ценных исторических памятников, около половины, то есть 250 усадеб, а часть их превращена в государственные музеи усадебной культуры»³. Принятые на учет памятники искусства и старины нельзя было продавать, вывозить, а также перестраивать или ремонтировать без особого разрешения Наркомата просвещения. 7 октября 1918 года, спустя два дня после принятия декрета, И.Э. Грабарь на

коллегии Музейного отдела предложил национализировать усадьбы Архангельское и Кусково. А уже 1 мая 1919 года на территории архитектурно-паркового ансамбля бывшего имения графов Шереметевых открылся для посещения Государственный музей-усадьба «Кусково». Налаживать жизнь и деятельность вновь созданных музеев в условиях Гражданской войны и хозяйственной разрухи было непростой задачей. Вы-

Парк «Кусково». Партер. 1930–1950-е годы. ЦГА Москвы

³ Первая отчетная выставка Главнауки Наркомпроса. М., 1925. С. 23.

¹ Подробнее см.: Архитектор П.П. Малиновский и охрана культурно-исторических ценностей Москвы // Московское наследие. 2017. № 5. (Спецвыпуск). С. 44–49.

² ЦГА Москвы. Ф. Р-2761. Оп. 1. Д. 15. Л. 10.

Статуя божества реки Скамандр — украшение главной клумбы на центральной оси регулярного парка усадьбы Кусково. 1930–1950-е годы. ЦГА Москвы

сококвалифицированные архитекторы, художники, иконописцы, реставраторы, историки, краеведы всеми силами старались сберечь культурное достояние России, не дать ему сгинуть в годы лихолетья. Как свидетельствуют архивные документы, в первое десятилетие существования Государственного музея-усадьбы «Кусково» деятельное участие в его судьбе принимали члены Комиссии по архитектурной реставрации Музейного отдела Наркомпроса и специалисты, привлекавшиеся к ее работе: директор Третьяковской галереи (1918–1925) и руководитель Центральных государственных реставрационных мастерских Игорь Эммануилович Грабарь (1871–1960); архитекторы Константин Васильевич Аполлонов (1879–1941), Борис Николаевич Засыпкин (1891–1955) и Семён Фёдорович Кулагин (1867–1951); архитектор-реставратор, искусствовед, археолог, историк архитектуры, член-корреспондент Московского археологического общества (с 1920 года) Пётр Дмитриевич Барановский (1892–1984); музеевед и историк искусства, деятельный

сотрудник комиссии «Старая Москва» Николай Рудольфович Левинсон (1888–1966); искусствовед и реставратор, член Комиссии по охране памятников искусства и старины при Моссовете, консультант Комитета по охране памятников при Президиуме ВЦИК РСФСР Владимир Антонович Мамуровский (1893–1974); архитектор-реставратор и теоретик музейного дела, хранитель Оружейной палаты Московского Кремля Николай Николаевич Померанцев (1891–1986); архитектор, заведующий музеем Нескучного сада и член Строительной комиссии Наркомпроса Сергей Константинович Родионов (1859–1925); архитектор и художник, декан архитектурного факультета ВХУТЕМАСа (с 1925 года) Иван Васильевич Рылский (1876–1952); архитектор-реставратор, художник, педагог и историк архитектуры Дмитрий Петрович Сухов (1867–1958); архитектор-реставратор, организатор первых в СССР лабораторий физико-химических исследований памятников искусства при ЦГРМ, Государственном историческом музее и Госу-

дарственной Третьяковской галерее (1925–1932) Сергей Александрович Торопов (1882–1964); иконописец, реставратор и коллекционер икон Григорий Осипович Чириков (1882–1936); архитектор-реставратор, в 1923 году отвечавший за художественную планировку парка 1-й Сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки СССР, Евгений Васильевич Шервинский (1878–1942). В 1920-е годы музей-усадьба «Кусково» был открыт для посещения в летние месяцы. Экскурсанты могли ознакомиться с интерьерами и экспонатами дворца-музея, в том числе с портретной галереей рода Шереметевых и предметами убранства 2-й половины XVIII – 1-й четверти XIX веков. Для осмотра были доступны Вестибюль, Ковровая галерея, Розовая гостиная, Парадная спальня, Дубовый кабинет, Приемный зал и Парадная столовая. Во Французском парке усадьбы сохранились памятники архитектуры середины XVIII века: Эрмитаж, Грот, Оранжерея, Итальянский и Голландский домики, а также парковая скульптура⁴.

Вид на павильон «Грот» со стороны пруда. Ноябрь 1946 года. Фото С. Иванова-Аллилуева. ЦГА Москвы

Летом, в праздничные и выходные дни, кусковский парк был излюбленным местом народных гуляний. Вот как описывает типичных отдыхающих путеводитель 1928 года: «Разноцветные девицы в шарфиках, стянувших волосы, пожилые рабочие, ребята с гитарами, балалайками, мандолинами рассыпаются по тенистым аллеям. <...> Киоски мороженщиков осаждаются толпами алчущих и жаждущих. <...> На том берегу, в лесной чаще, выстроились палатки красноармейского лагеря. Десятки лодок ползют по пруду, огибают круглый, верно искусственный островок. Перед дворцом в высокой густой траве лежат, жуют дешёвые сласти»⁵. Характерно, что никакого пикетета по отношению к усадьбе и ее бывшим владельцам авторы путеводителя не испытывали. Напротив, в анфиладах дворцовых залов им чудилась «нижегородско-французская

топорность и аляповатость», а портретную галерею они воспринимали как «великолепную коллекцию дегенеративных физиономий»⁶. Примером совсем иного отношения к культурно-историческим памятникам Кускова служит деятельность музейщиков и реставраторов, истинных ревнителей своего дела. Сохранение уникального наследия было для них не просто профессиональной задачей, но зачастую и личным подвижничеством. Только благодаря их настойчивости и упорству удалось не допустить разорения Кускова, уничтожения его памятников и размещения на территории усадьбы дома отдыха, общежития и лаборатории изучения рефлексов собак. И, вероятно, оптимальным вариантом для сохранения кусковского музейно-усадебного комплекса стало перемещение сюда в 1932 году Музея фарфора, созданного на основе

национализированных частных коллекций (А.В. Морозова, Л.К. Зубалова и др.), с последовавшим в 1938 году образованием единой структуры – «Государственный музей керамики и “Усадьба Кусково XVIII века”».

Настоящая публикация представляет собой выдержки из протоколов заседаний Комиссии по архитектурной реставрации Музейного отдела Наркомпроса за 1924–1933 годы. Документы, связанные с деятельностью комиссии в области охраны и реставрации памятников музея-усадьбы «Кусково», находятся в составе фонда ЦГРМ (ф. Р-1) Центрального государственного архива города Москвы. Материалы фонда (514 единиц хранения) содержат ценные сведения о состоянии архитектурных памятников, в том числе Московского Кремля,

⁵ Зингер М., Фибих Д. Прогулки по Москве. М., 1928. С. 38.

⁶ Там же. С. 40.

⁴ Первая отчетная выставка Главнауки Наркомпроса. М., 1925. С. 58.

Архитектурный ансамбль усадьбы Кусково. Ноябрь 1946 года. Фото С. Иванова-Аллилуева. ЦГА Москвы

Коломенского, Троице-Сергиевой лавры и многих других, о выявлении объектов для реставрационных работ, планы работ по реставрации музеев-усадёб, акты и докладные записки по вопросам ремонта и реставрации памятников гражданской и церковной архитектуры, паспорта исторических и архитектурных памятников как Москвы и Московской губернии, так и других регионов Советского Союза. Публикация осуществлена в соответствии с правилами и нормами орфографии современного русского языка, с сохранением отдельных стилистических и орфографических особенностей оригинала. Недостающие элементы текста

восстановлены в квадратных скобках. Все документы публикуются в извлечении, что оговорено в заголовке предложом «из». Контрольно-справочные сведения каждого документа содержат поисковые данные (шифр документа), указание на способ воспроизведения.

№ 1–19. Из протоколов заседаний Комиссии по архитектурной реставрации Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения РСФСР

15 июля 1924 – 19 июля 1933 г.

№ 1. О проведении работ по благоустройству подмосковных усадеб, в том числе усадьбы Кусково

№ 29 (264) 15 июля 1924 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: И.В. Рылский.
ПРИСУТСТВОВАЛИ: К.В. Аполлонов, Д.П. Сухов, С.А. Торопов; от [М]УНИ⁷ – А.Н. Тришевский, П.Д. Барановский, Е.В. Шервинский, Н.Р. Левинсон; от Управления собо-рами-музеями – Н.Р. Левинсон; от конторы СНК – А.И. Шаков.
СЕКРЕТАРЬ: Е.Ф. Комовская.
СЛУШАЛИ:
О подмосковных усадьбах.
А.Н. Тришевским сделан обстоятельный доклад о деятельности [М]УНИ по благоустройству подмосковных усадеб-музеев.
В настоящее время внимание гл[авным] обр[азом] обращено на усадьбы: Кусково, Останки-но и Покровское-Стрешнево.

⁷ Московское управление не-движимыми имуществами Моссовета и Мосгубис-полкома.

В Кускове французский регулярный парк огородили и произвели опытную подстрижку боскетов (деревья не моложе 120 л[ет]). Три года назад были подстрижены боскеты в задних частях парка, и опыт дал удачные результаты: в настоящее время уже образованы шпалеры, и дострижка предполагается осенью с. г. Произведена распланировка запущенных дорожек. Ра-бота делалась с одобрения таких авторитетов, как Кацер, Пироте, Курбатов. Нерегулярная часть парка не огорожена.

В отношении ремонта зданий произведена окраска крыш из отпущ[енного] кредита в сум-ме 1000 руб. Грот в Кускове находится в эксплуатации – в нем помещается ресторан, владельцу которого поставили условием ремонт Грота и Голланд[ского] домика. Также предполаген ча-стичный ремонт Эрмитажа.

Останкино. Запущенный парк приведен в надлежащий вид – выстрижен и все дорожки возобновлены. В разных местах парка поставлены статуи и вазы, извлеченные из подвалов церкви. В отношении дома – последний в настоящее время открыт для массовых экскурсий. Регулярная часть парка в хорошем состоянии.

В отношении реставрации предполагается уничтожить трубу, заграждающую галлерею Итальянского павилиона. Из Ленинграда привезены вещи, находившиеся в Останкине по опи-сям 1812–1837 гг. и вывезенные в Ленингр[ад] за последние десятилетия.

Архангельское. Парк более молодой, чем в Останкине и Кускове. К осени предполагается острижка деревьев, окаймляющих партер. Ремонтируется пол в каретном сарае и реставриру-ется балюстрада террас.

Покровское-Стрешнево. Парк запущенный. На боскетах очень много старых лип. Англий-ская часть парка более молодая. Принимаются меры по охране парка.

Никольское-Урюпино. Парк смешанного французского характера. Нуждается в подстрижке. Помимо работ по благоустройству (самих) парков предполагается реставрация парковой скульптуры.

ПОСТАНОВИЛИ:

Благодарить А.Н. Тришевского за доклад. Отметить плодотворную и образцовую работу [М]УНИ в лице А.Н. Тришевского в деле поддержания усадеб и приведение их в состояние, близ-кое к состоянию ленинградских парков. Признать необходимым закончить начатые [работы] по подстрижке франц[узских] парков.

Просить в следующее заседание сделать доклад о ленинградских парках. По вопросу о рас-ходовании спецсредств, получаемых от эксплуатации усадеб, признать желательным необхо-димостъ контакта [М]УНИ и Музейного отдела в расходовании средств. В смету расходов жела-тельно включить и расходы по ремонту памятников архитектуры.

К 1 октября согласовать план работ [М]УНИ и Муз[ейного] отдела, поручив комиссии в со-ставе П.Д. Барановского, Н.Р. Левинсона и Д.П. Сухова подготовить материал в смысле заявок. К следующему заседанию поручить реставрационному подотделу установить наиболее острую потребность в средствах на ремонтные работы.

ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 75, 75 об., 76. Рукопись.

№ 2. О результатах обследования Голландского домика

№ 19/307 20 мая 1925 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: И.Э. Грабарь.
ПРИСУТСТВОВАЛИ: И.В. Рылский, Д.П. Сухов, П.Д. Барановский, Н.Р. Левинсон, С.А. Торопов, К.В. Аполлонов, Е.В. Шервинский; от [подотдела] учета и охраны – В.А. Мамуровский; от ХОЗЭКСУ⁸ – А.А. Никитин.
СЕКРЕТАРЬ: Е.Ф. Комовская.
СЛУШАЛИ:
Об усадьбе Кусково.
Е.В. Шервинский сообщил об обследовании совместно с С.А. Тороповым т[ак] н[азываемого] Голландского домика в ус[адьбе] Кусково.

⁸ Хозяйствен-но-эксплу-атационное управление Главногоуправ-ления на-учными, научно-худо-жественными и музейными учреждениями (Главнаука) Наркомпроса.

70 198’2018		Департамент культурного наследия города Москвы Журнал Московское Наследие № 2(56) за 2018 год		Документ		71 199’2018	
Осмотром установлено наличие толстого слоя штукатурки (толщ[иной] 2 верш[ка]) на боковых фасадах домика. Фасад, выходящий на пруд, не оштукатурен. Боковые фасады сложены, по-видимому, пустошовкой. На кирпиче отмечены следы цеменковского раствора. Можно предположить, что боковые фасады были сложены из старого кирпича, а наружный – из нового. Цоколь оштукатурен цементом. На прудовом фасаде под розовым тоном окраски найден темно-красный тон прямо по кирпичу без разделки швов, на нем лежит розовая покраска и дальше масляный темно-красный с разделкой кирпич. Причем отмечено, что первый, розовый тон окраски штукатурки является вторым тоном окраски фасада. Из чего можно предположить, что наружный фасад был розовым. На сохранившихся изображениях указаны с боковых фасадов трельяжи, которые, возможно, скрывали отличавшуюся от наружного фасада окраску. В настоящее время производится окраска домика в розовый цвет, причем окрашены только боковые фасады. Работа выполняется весьма неудовлетворительно и была комиссией приостановлена. Попутным осмотром дворца установлено плохое состояние его окраски и необходимость ремонта. С.А. Торопов сообщил, что находящаяся в Кускове школа просила об отводе ей площадки для занятий с детьми. Комиссия нашла возможным указать часть последней правой поперечной аллеи, примыкающей к оранжерее, от поворота до проволоочной ограды. ПОСТАНОВИЛИ: Признать необходимым доследование окраски домика. Выяснить в ХОЗЭКСУ возможность ремонта фасадов дворца. Считать возможным выделение указанной части сада для нужд школы, разрешив установку проволоочной изгороди.							
		ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 55. Машинопись.					
№ 3. О необходимости ремонта Голландского домика, Грота, Эрмитажа и колокольни усадебной церкви							
№ 20/308				26 мая 1925 г.			
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:		И.Э. Грабарь.					
ПРИСУТСТВОВАЛИ:		П.Д. Барановский, С.Ф. Кулагин, Н.Р. Левинсон, И.В. Рыльский, Д.П. Сухов, Е.В. Шервинский, С.К. Родионов, К.В. Аполлонов; от живописно-реставрац[ионного] отделения – Г.О. Чириков; от подотдела учета и охраны – В.А. Мамуровский.					
СЕКРЕТАРЬ:		Е.Ф. Комовская.					
СЛУШАЛИ: Об усадьбе Кусково. И.Э. Грабарь сообщил, что им совместно с Г.О. Чириковым и С.Ф. Кулагиным вновь осмотрен Голландский домик в ус[адьбе] Кусково. По данным осмотра и имеющимся картинам, современным постройке, установлено, что домик первоначально был, по-видимому, кирпичный, без покраски. Ввиду этого комиссией предлагается обмыть фасад на пруд до кирпича, а боковые фасады покрыть красновато-кирпичным тоном без разделки. Старинные деревянные рамы не сохранились – постановлено оставить окна в существующем виде. При осмотре установлена необходимость ремонта Грота и Эрмитажа. ПОСТАНОВИЛИ: Предложения комиссии подтвердить. Считать весьма необходимым приступить к ремонту Грота и Эрмитажа. С этой целью признать желательным выяснить средства и доходы от эксплуатации усадьбы Кусково и часть их обратить на указанные работы. Поручить комиссии в составе С.А. Торопова, Е.В. Шервинского и С.Ф. Кулагина совместно с ХОЗЭКСУ выяснить необходимость ремонта в подмосковных усадьбах.							
СЛУШАЛИ:		О колокольне в ус[адьбе] Кусково.					

		ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 59, 59 об. Машинопись.	
№ 4. О необходимости ремонта здания Эрмитажа и Грота			
№ 32/320		19 августа 1925 г.	
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:		Д.П. Сухов	
ПРИСУТСТВОВАЛИ:		П.Д. Барановский, С.А. Торопов, С.Ф. Кулагин, Е.В. Шервинский, К.В. Аполлонов, Н.Р. Левинсон; от подотдела учета и охраны – В.А. Мамуровский; от ХОЗЭКСУ – А.А. Никитин.	
СЕКРЕТАРЬ:		Е.Ф. Комовская.	
СЛУШАЛИ: Об ус[адьбе] Кусково. С.Ф. Кулагин сообщил об осмотре им ремонтных работ по зданию Эрмитажа и Грота в ус[адьбе] Кусково: Закончена окраска крыши здания зеленой краской, водосточные трубы доведены донизу и окрашены за один раз. Не хватает одной водосточной трубы. В дальнейшем необходимо провести следующие работы: сделать ремонт штукатурки, застеклить окна, во избежание просачивания воды под фундамент под отливы подставить камень. Обследованием Грота [установлено, что он был] окрашен в желтый цвет с белыми деталями. Желоба не переменены, и вследствие этого белокаменный карниз и украшения разрушаются. Цоколь необходимо покрыть железом. Решетки в окнах и дверях необходимо промыть, а также сделать ремонт крыши. С.Ф. Кулагиным указано на необходимость исправления всех вышепоименованных дефектов и производства перечисленных ремонтных работ. а) А.А. Никитин сообщил, что обследованием фасада дворца установлено, что очистку его от старой окраски ввиду плотности последней в значительной части площади фасада произвести затруднительно, почему ХОЗЭКСУ просит о разрешении окрасить масляной краской. ПОСТАНОВИЛИ: С указаниями С.Ф. Кулагина по ремонту здания Эрмитажа и Грота согласиться.			
		ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 8. Л.109, 109 об., 110. Машинопись.	
№ 5. О начале реставрационных работ в Гроте и в здании Эрмитажа			
№ 44/332		3 ноября 1925 г.	
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:		Д.П. Сухов	
ПРИСУТСТВОВАЛИ:		С.Ф. Кулагин, Е.В. Шервинский, К.В. Аполлонов, Н.Р. Левинсон; от живописно-реставр[ационного] отделения – Г.О. Чириков; от Мосгубмузея – М.А. Ильин.	
СЕКРЕТАРЬ:		Е.Ф. Комовская.	
СЛУШАЛИ: Об ус[адьбе] Кусково. а) С.Ф. Кулагин сообщил, что в здании Эрмитажа в ус[адьбе] Кусково приступлено к внутреннему ремонту и восстановлению подъемных приспособлений.			

б) Грот в очень плохом состоянии; произведена лишь покраска. Открытие железом поясков, сандриков и цоколей не сделано. Необходим также ремонт крыши, так как вследствие ее протечки фасад со стороны пруда местами отсырел. Желательно удаление берез на главном партере, загораживающем вид дворца на оранже-рею.

ПОСТАНОВИЛИ:

Поручить С.А. Торопову наблюдение над производящимися работами в Эрмитаже, а также по окраске дворца.

Считать необходимым закончить ремонт крыш, о чем поставить в известность Управление усадьбами.

Считать желательным удаление всей группы берез перед оранжереей с оставлением лишь лиственниц по бокам. Согласовать вопрос с Управлением [усадьбами].

Поручить С.Ф. Кулагину дать на месте надлежащие указания.

ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 165, 165 об., 166. Рукопись.

№ 6. О необходимости вырубки деревьев на территории музея-усадьбы «Кусково» и об осмотре здания Эрмитажа

№ 47/335

24 ноября 1925 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

И.Э. Грабарь.

ПРИСУТСТВОВАЛИ:

Е.В. Шервинский, С.Ф. Кулагин, Д.П. Сухов, П.Д. Барановский, Н.А. Пустаханов, Н.Р. Левинсон, К.В. Аполлонов; от живописно-реставрационного отделения – Г.О. Чириков; от подотдела учета и охраны – В.А. Мамуровский; от МУНИ – М.И. Мотылёв; по п. 1 – представитель Технического бюро СНК – архитектор И.Н. Никонов.

СЕКРЕТАРЬ:

Е. Комовская.

14. СЛУШАЛИ:

Об ус[адьбе] Кусково.

а) С.Ф. Кулагин сообщил, что комиссия в составе завед[ующего] музеем А.П. Стина, пред-ставителей от Управления усадьбами А.Н. Тришевского и С.А. Торопова при осмотре на месте постановила удалить 18 деревьев (берез), закрывающих вид на оранжерею, а также два дерева около Эрмитажа по аллее со стороны пруда.

б) Осмотром той же комиссией здания Эрмитажа в Кускове установлено, что вся его вну-тренность вымешана⁹ в целях ремонта, причем работа не была согласована с рест[аврационным] подотделом. Водосточные трубы не закончены, и вода затекает в подвал.

ПОСТАНОВИЛИ:

Утвердить постановление комиссии, принимая во внимание необходимость раскрытия вида на истор[ико]-худ[ожественные] здания парка.

Запросить Управление усадьбами, на основании каких распоряжений произведена сломка внутри Эрмитажа. Предложить А.А. Никитину представить обмеры и зарисовки, произведен-ные до разборки деревян[ных] частей.

ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 174, 177 об. Рукопись.

№ 7. О поручении С.А. Торопову обследовать материал, полученный при разборке Эрмитажа

№ 48/336

1 декабря 1925 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

И.Э. Грабарь.

ПРИСУТСТВОВАЛИ:

Д.П. Сухов, С.Ф. Кулагин, С.А. Торопов, П.Д. Барановский, Е.В. Шервинский, Н.Р. Левинсон, Б.Н. Засыпкин, Г.В. Гориневский; от живописно-реставр[ационного] отделения – Г.О. Чириков; от подотдела учета и ох-раны – В.А. Мамуровский; от Управления усадьбами – А.А. Никитин; от Мосгубмузея – Н.Д. Виноградов.

СЕКРЕТАРЬ:

Е.Ф. Комовская.

2. СЛУШАЛИ:

Об ус[адьбе] Кусково.

Запрошенный по поводу выломки внутреннего устройства Эрмитажа в ус[адьбе] Кусково архитектор А.А. Никитин сообщил, что в здании Эрмитажа подъемного устройства не сохра-нилось и на его месте осталась лишь пара столбов с пазами.

Ввиду угрожающего положения балок, на которых держалась конструкция, а также балок под полом первого этажа пришлось разобрать все внутреннее устройство, причем предвари-тельно были сделаны обмеры и фотографии.

Весь материал от разборки убран в здание б[ывшей] кухни.

ПОСТАНОВИЛИ:

Поручить С.А. Торопову обследовать материал, полученный от разборки Эрмитажа, и сде-лать доклад к следующему заседанию.

ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 8. Л.178, 178 об. Рукопись.

№ 8. О приспособлении здания бывшей кухни в музее-усадьбе под жилье

№ 3/343

19 января 1926 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ:

П.Д. Барановский, Е.В. Шервинский, Н.Р. Левинсон, Б.Н. Засыпкин, Г.В. Гориневский; от живописно-рест[аврационного] отделения – Г.О. Чириков; от подотдела уч[ета] и охр[аны] – В.А. Мамуровский; от Управ[ления] ус[адьбами]-музеями – А.А. Никитин; от МУНИ – М.И. Мотылёв.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Н.Р. Левинсон.

7. СЛУШАЛИ:

Об ус[адьбе] Кусково.

А.А. Никитин сообщил, что Упр[авление] ус[адьбами]-музеями предлагает приспособить под жилье т[ак] н[азываемую] кухню рядом с церковью, никаких переделок не потребуется, за исключением постановки одной внутренней перегородки.

ПОСТАНОВИЛИ:

Разрешить работу при условии ненарушения облика здания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Левинсон

ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 9. Л. 8, 8 об., 9. Машинопись.

№ 9. О реставрации Голландского домика и установке сторожки на территории музея-усадьбы

№ 23/363

8 июня 1926 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ:

Аполлонов К.В., Барановский П.Д., Засыпкин Б.Н., Кулагин С.Ф., Касат-кин П.С., Левинсон Н.Р., Машковцев И.П., Сухов Д.П., Торопов С.А., Шер-

⁹ Так в тексте документа.

	винский Е.В.; от живописно-реставрац[ионного] отделения – Г.О. Чириков; от подотдела учета и охраны – В.А. Мамуровский; от Упр[авле]ния муз[еями]-монастырями – Н.Н. Померанцев; от Главнауки – Д.С. Марков; от МКХ ¹⁰ – Н.Д. Виноградов; от Крымохриса ¹¹ – А.И. Полканов.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: СЕКРЕТАРЬ:	Д.П. Сухов. Е.Ф. Комовская.
15. СЛУШАЛИ: Об ус[адьбе] Кусково. С.А. Торопов сообщил, что о предстоящей в текущем сезоне реставрации т[ак] н[азываемого] Голландского домика в усадьбе Кусково Управление усадьбами высказало пожелание реставрировать скульптуру парка и, кроме того, просит разрешения установить сторожку с внешней стороны моста. ПОСТАНОВИЛИ: Обратить внимание Управления усадьбами на необходимость тщательной реставрации Голландского домика согласно данным прошлых годов обследований. В отношении скульптуры реставрацию считать нежелательной и допустить лишь промывку. Установку сторожки у моста допустить.	
	ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 9. Л. 78, 81. Машинопись.

№ 10. Об осмотре усадебного парка и нежелательности его реставрации

№ 31/371	3 августа 1926 г.
ПРИСУТСТВОВАЛИ:	Аполлонов К.В., Барановский П.Д., Грабарь И.Э., Кулагин С.Ф., Левинсон Н.Р., Сухов Д.П., Шервинский Е.В.; от живописно-реставрационного отделения – Г.О. Чириков; от подотдела учета и охраны – В.А. Мамуровский; от Главнауки – Д.С. Марков; от Управления усадьбами – П.С. Касаткин; от Мосгубмузея ¹² – Н.А. Пустаханов.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: СЕКРЕТАРЬ:	И.Э. Грабарь. Е.Ф. Комовская.
8. СЛУШАЛИ: Об усадьбе Кусково. Е.В. Шервинский сообщил о произведенном им осмотре парка в усадьбе Кусково в связи с запросом Управления усадьбами о возможности его реставрации. При сопоставлении настоящего состояния парка с описаниями и планами XVIII в. выясняется фактическая возможность его реставрации, а именно: можно было бы восстановить центральный партер, срубив растущие на нем в настоящее время лиственницы и совершенно перепланировав его, причем пришлось бы снять часть земли. Параллельно газону шли рабатки, засаженные розами с подстриженными липами по краям. Можно было бы реставрировать пруд за Гротом, сохранивший прежний абрис. Представляется возможность восстановить сад позади Итальянского домика и пр. Материальные средства для этого, однако, потребовались бы значительные, так как необходимо будет не только подстригать и вырубать существующие насаждения, но и производить новые посадки. ПОСТАНОВИЛИ: Считать реставрацию парка нежелательной, так как с нею было бы сопряжено коренное изменение и разрушение существующего парка, приобретшего в своем роде вполне цельный облик. Доклад принять к сведению.	
	ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 9. Л. 109, 110 об. Машинопись.

¹⁰ Отдел коммунального хозяйства Моссовета.

¹¹ Секция по охране памятников старины и искусства при Наркомате просвещения Крымской АССР.

¹² Московский губернский музей – орган по управлению музеями Московского региона в структуре Московского отдела народного образования Моссовета и Мосгубисполкома.

¹³ Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями при Наркомпросе РСФСР.

¹⁴ Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов.

¹⁵ Дата и номер документа в тексте отсутствуют.

№ 13. О сохранении музея-усадьбы «Кусково»

№ 10/550

12 марта 1930 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: И.Э. Грабарь, П.Д. Барановский, Б.Н. Засыпкин, С.Ф. Кулагин, Н.Р. Левинсон, Д.П. Сухов, Е.И. Иваненко; от живописно-реставр[ационного] отделения – Г.О. Чириков; по п. 1 – заведующий Бахчисарайск[им] музеем У.А. Боданинский; по приглашению: от Ассоциации востоковедения – проф[ессор] И.Н. Бороздин; от Института народов Востока – т. Пчелина, от Муз[ейного] раздела Главнауки – т. Бессонова; по п. 2 – представитель Ин[ститу]та эксперим[ентальной] ветер[инарии] т. ...¹⁶ .

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Грабарь И.Э.

СЕКРЕТАРЬ: Е.Ф. Комовская.

14. СЛУШАЛИ:
О местных музеях.
Н.Р. Левинсон сообщил о решениях, вынесенных комиссией по докладу Сафронова в секции Моссовета относительно музеев-усадоб:
а) музей в Воскресенске признан подлежащим сохранению;
б) трапезная ц[ерко]вь в Сергиевском музее подлежит рациональному использованию;
в) Волоколамский музей постановлено перевести или в город, или же в помещение местного собора;
г) музей-усадьбу «Мураново» предположено перевести в Абрамцево, против чего Главнаукой вынесен протест;
д) музей в Астафьеве намечен к ликвидации;
е) Кусково и Архангельское остаются.
В Москве помещение музея новой зап[адной] живописи предполагается к использованию для культурных целей.

ПОСТАНОВИЛИ:
Принять к сведению. Считать использование помещения с художеств[енной] живописью Дени нежелательным.

ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 13. Л. 19, 21 об., 22.
Рукопись.

№ 14. О нецелесообразности передачи здания дворца-музея в Кусково под дом отдыха

№ 20/560

20 мая 1930 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: П.Д. Барановский, С.Ф. Кулагин, Н.Р. Левинсон, Д.П. Сухов, С.А. Торопов, Е.В. Шервинский, В.К. Якуб; от отд[ела] учета – Е.И. Иваненко.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д.П. Сухов.

СЕКРЕТАРЬ: Е.Ф. Комовская.

16. СЛУШАЛИ:
О зд[ании] дворца в Кускове.
Н.Р. Левинсон сообщил, что президиумом Моссовета подтверждено постановление о передаче дворца-музея в Кускове под дом отдыха и восстановление музея в Астафьеве. Главнаукой указано на ценность Кусковского музея в области культработы и непригодность старого деревянного здания для дома отдыха¹⁷.

ПОСТАНОВИЛИ:
Подтвердить недопустимость уничтожения одного из ценнейших историко-бытовых ансамблей 3-й четверти XVIII в. эпохи крепостнического хозяйства. Указать на практическую нецелесообразность устройства дома отдыха ввиду непригодности здания, сырости и т. п.

ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д.13. Л. 52, 54 об., 55.
Рукопись.

¹⁶ Пропуск в тексте до-кумента.

¹⁷ Далее вычерк-нут фраг-мент текста: «а также на возможность ликвидации астафьевского музея и со-хранения музея-усадьбы «Мураново».

№ 15. О результатах обследования памятников музея-усадьбы «Кусково»

№ 32/622

9 июля 1931 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: С.Ф. Кулагин, Е.Ф. Комовская, Д.П. Сухов, С.А. Торопов.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д.П. Сухов.
СЕКРЕТАРЬ: Е.Ф. Комовская.

1. СЛУШАЛИ:
О музее «Кусково».
С.А. Торопов сообщил о произведенном им обследовании музея-усадьбы «Кусково» в связи с предполагаемым ремонтом Грота и приспособлением Эрмитажа. По зд[анию] т[ак] н[азываемого] Грота необходим срочный ремонт крыш у водосливов и над карнизом и чинка цоколя.
В здании отмечены трещины внутри и снаружи, в некоторых местах представляющие довольно широкие расседания, идущие по шельге свода и в замках арок и входа шириной от 1 мм – 6-7 мм, проходя и под тяжелыми фрагментами лепнины. Снаружи резкие деформации отмечаются в правом крыле павильона (смотря из парка от аллей). Причины трещин, по-видимому, – оседание основного массива со стенами и их отрыв от легких портиков. Указанные деформации грозят лепнинам свода-плафона, не угрожая пока устойчивости самого здания. По-видимому, явление оседания давнее, что заметно по колоннам и капителям здания.
б) О зд[ании] Эрмитажа – здание предположено отдать под лабораторию изучения рефлексов собак и, по-видимому, будет устраиваться отопление. В здании сохранилось старинное обеденное устройство. Здание в настоящее время пустует, и отсутствие ремонта и реставрации может повести к его разрушению. Поэтому С.А. Торопов полагает, что использование его целесообразно, но при сохранении внутренней декоративной обработки.
в) Ряд остальных зданий (Итальянский домик, Голландский [домик] и кухня) разрушаются.
г) Фасад здания дворца требует шпаклевки и окраски.
д) О зд[ании] ц[ерк]ви в Кускове.
С.А. Торопов отмечает желательность разборки помещения позднейшей деревянной трапезной, примыкающей к церкви в Кускове.
ПОСТАНОВИЛИ:
В отношении Грота – считать желательным его сохранение. С этой целью предложить музею поставить на трещины маяки и вести наблюдение за их состоянием. Ввиду возможности отпадения лепнины в боковых частях рекомендовать музею изолировать их, допуская экскурсии только под главный купол центральной части.
По зданию Эрмитажа использование признать желательным, не возражая против уничтожения конструкции подъемного стола с предварительной фотофиксацией, обмерами и зарисовками.
Передачу здания необходимо оформить договором с соответствующими пунктами, гарантирующими его охрану. Поручить С.А. Торопову проработку договора, а в дальнейшем – наблюдение за приспособлением.
Что касается здания дворца, просить музей в ближайшем будущем озаботиться изысканием средств на его окраску и дополнительную шпаклевку.
Ввиду того что здание ц[ерк]ви составляет общий ансамбль со всей усадьбой, просить сектор науки в целях полного выявления памятника предложить музею удалить безобразящую здание ц[ерк]ви пристройку.

ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 14. Л. 83, 83 об., 84.
Рукопись.

№ 16. О необходимости провести обследование здания музея и парковой скульптуры

№ 27/671

11 июня 1932 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: Б.Н. Засыпкин, С.Ф. Кулагин, Д.П. Сухов, С.А. Торопов, П.Д. Барановский, Е.Ф. Комовская.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:	Д.П. Сухов.
СЕКРЕТАРЬ:	Е.Ф. Комовская.
3. СЛУШАЛИ: О зд[ании] музея в б[ывшей] усадьбе Кусково. Музей-усадьба «Кусково» отн[ошением] от 27/[V]-32 г. за № 41 просит дать заключение о возможности прорубки двух новых дверей в здании музея на втором этаже (антресоли) в вос-точном углу в связи с переносом краеведческой выставки музея. ПОСТАНОВИЛИ: Просить С.Ф. Кулагина произвести обследование и дать заключение.	
4. СЛУШАЛИ: О скульптуре в муз[ее]-усадьбе «Кусково». Музей-усадьба «Кусково» отн[ошением] от 27/[V] 1932 г. за № 42 сообщает о разрушении скульптуры вследствие плохой охраны со стороны треста зеленых насаждений и просит на-стоять перед трестом о необходимости производить реставрационные работы и обеспечить охрану памятника. ПОСТАНОВИЛИ: Поручить скульптору Булаковскому произвести обследование состояния скульптуры.	
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Д. Сухов СЕКРЕТАРЬ Е. Комовская	
ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 15. Л. 71, 72, 73, 75. Рукопись.	

№ 17. О ремонте зданий Эрмитажа, Итальянского и Голландского домиков

№ 28/672

13 июня 1932 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: П.Д. Барановский, С.Ф. Кулагин, Д.П. Сухов, С.А. Торопов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д.П. Сухов.

СЕКРЕТАРЬ: Е.Ф. Комовская.

СЛУШАЛИ:

Об ус[адьбе]-музее «Кусково».

С.Ф. Кулагин сообщил, что им совместно с С.А. Тороповым произведен осмотр зданий музея-усадьбы «Кусково» в связи с запросом музея керамики относительно ремонта зданий Итальянского домика, Эрмитажа и Голландского [домика].

В Итальянском домике предполагается пробивка новой двери в первом этаже для устройства выхода на лестницу, помимо большой переходной комнаты существующего входа.

Во втором этаже предполагается застеклить большой открытый балкон-террасу.

В двух комнатах с гладкими штукатурными стенами предполагается перекраска в тона, соответствующие с экспозицией керамики.

Плафон третьей комнаты, написанный на полотне, представляет художественный интерес. Картина провисла, имеет прорывы и др[угие] дефекты.

Стены средней комнаты...¹⁸.

ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 15. Л. 76, 76 об., 77.
Рукопись.

№ 18. О катастрофическом состоянии парковой скульптуры в музее-усадьбе		
№ 16/710		19 апреля 1933 г.
ПРИСУТСТВОВАЛИ:	Кожин Н.А., Попов В.С., Кулагин С.Ф., Померанцев Н.Н., Сухов Д.П.	

¹⁸ Фраза не за-кончена.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:	Д.П. Сухов.
СЕКРЕТАРЬ:	Е.Ф. Комовская.
7. СЛУШАЛИ: Об усадьбе-музее «Кусково». Парковое строительство треста зеленого строительства и музей-усадьба «Кусково» просят прислать специалиста-скульптора для обследования скульптуры на предмет составления сме-ты на реставрацию. ПОСТАНОВИЛИ: Принимая во внимание, что состояние и охрана парковой скульптуры находятся в ката-строфическом положении и требуют принятия экстренных мер, для спасения высокохудоже-ственных произведений от окончательной гибели считать необходимым в срочном порядке передать вопрос на обсуждение комитета при ВЦИКе.	
ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 16. Л. 26, 28. Рукопись.	
№ 19. О недопустимости надстройки здания бывшей кухни Шереметевского дворца	
№ 27/719 а	
19 июля 1933 г.	
ПРИСУТСТВОВАЛИ:	Б.Н. Засыпкин, С.Ф. Кулагин, Е.Ф. Комовская, Н.А. Кожин, П.Д. Баранов-ский, В.С. Попов, С.А. Торопов, А.Е. Элленгорн.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:	Б.Н. Засыпкин.
СЕКРЕТАРЬ:	Е.Ф. Комовская.
1. СЛУШАЛИ: О зд[ании] музея-усадьбы «Кусково». Госуд[арственный] музей керамики отн[ошением] от 10/VII 33 г. за № 691 просит команди-ровать представителя для выяснения на месте вопроса о переоборудовании и надстройке зда-ний б[ывшей] кухни б[ывшего] Шереметевского дворца, занимаемого музеем. ПОСТАНОВИЛИ: Принимая во внимание, что упоминаемое здание [кухни] б[ывшего] Шереметевско-го дворца является одной из самых ранних построек, по-видимому одновременной зданию б[ывшего] дворца, с сохранившейся в неприкосновенности четкой архитектурной обработкой, считать надстройку его, нарушающую единый комплекс усадебных зданий, недопустимой. Поручить С.А. Торопову написать заключение по данному вопросу.	
ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 16. Л. 61. Рукопись.	

От редакции

24 вида раковин моллюсков: как океанологи помогают восстанавливать старинный Грот

Для воссоздания уникального интерьера будет использовано около 90 тысяч морских раковин разной величины, привезенных из Греции, Франции, Италии и Турции. В павильоне «Грот» музея-усадьбы «Кусково» начали восстанавливать уникальный настенный декор, созданный более 250 лет назад из 24 ви-

дов раковин моллюсков. Трех-частное здание в стиле барокко построено под руководством крепостного архитектора графов Шереметевых Федора Аргунова в 1756–1761 годах. Павильон расположен в восточной части парка музея-усадьбы, на берегу небольшого пруда. Подобные сооружения в XVIII веке были неотъемле-

мой частью усадебных парков. Летом гуляющие в парках гости укрывались в гротах от палящего солнца и зноя. Павильон «Грот» состоит из центрального зала — ротонды, а также из северного и южного кабинетов. Помимо морских ракушек, в его оформлении использовался перламутр, туф (горная пористая порода, как

правило, вулканического происхождения), стекло, кусочки зеркал и гипсовая лепнина. На стенах и сводах изображены дикие морские обитатели, птицы, драконы, а также растительный орнамент. Для создания интерьеров здания граф Петр Шереметев нанял немецкого мастера Иоганна Фохта, который специализировался именно на гротическом искусстве. Работы заняли около 10 лет и продолжались с перерывами в период с 1761 по 1775 год.

Грот в Кускове — единственный в России павильон, который сохранил свой характерный «гротический» декор с XVIII века. Он является объектом культурного наследия федерального значения. Комплексная реставрация, которая началась в сентябре прошлого года, проводится по проекту, согласованному с Департаментом культурного наследия города Москвы. Это первые масштабные восстановительные работы за всю историю павильона. До этого

здание и элементы его внутреннего убранства реставрировали фрагментарно.

«Реставраторы приступили к самой сложной части работ — восстановлению уникальной “гротической” отделки. На ее создание в XVIII веке ушло 24 вида раковин моллюсков. За почти 250-летний срок часть моллюсков, раковины которых использовались для оформления стен, вымерли, а некоторые виды поменяли среду обитания, из-за чего ракушки изменились в размерах. Но наши специалисты обратились в Институт океанологии имени П.П. Ширшова и определили список видов моллюсков, раковины которых смогут восполнить утраченные элементы декора», — рассказал глава столичного Департамента культурного наследия Алексей Емельянов.

По словам главы ведомства, около 90 тысяч ракушек для реставрации разной величины привезли из Средиземноморья, в основном из Греции, а также из Франции, Италии

и Турции. Их заказывали на специальных фабриках, специализирующихся на добыче и поставке раковин для декоративных целей.

Подготовительные работы по воссозданию интерьера длились полгода. Сначала специалисты расчистили стены и своды павильона от грязи и пыли, а также от старых консервирующих составов. Затем на сохранившиеся элементы перламутрового декора реставраторы нанесли специальный укрепляющий состав. Сейчас идет восстановление утраченных элементов из ракушек. Кроме того, уже отреставрирована роспись в павильоне, имитирующая розовый и зеленый мрамор с красными прожилками и лепной гипсовый декор.

Также за время масштабных восстановительных работ специалисты укрепили фундамент и кирпичную кладку стен. Белокаменный декор фасадов — колонны, цоколь, карнизы — привели в порядок. Восемь скульптур римских бо-

гов, установленных в нишах здания по периметру, уже отреставрировали. Они также сделаны из белого камня.

Сейчас в здании не только восстанавливают интерьеры, но и меняют оконные рамы 1950-х годов. На завершающей стадии реставрации фасады выкрасят в бежевый цвет, а сверху нанесут специальный состав, который защитит их от негативного воздействия окружающей среды.

Усадьба Кусково — архитектурно-художественный ансамбль XVIII века, построенный графом Петром Шереметевым. Она является единственным в Москве образцом французского парка усадьбы с мраморными скульптурами, прудами и павильонами. До наших дней на территории усадебного комплекса сохранилось более 20 уникальных памятников архитектуры, среди которых дворец, Голландский домик, Итальянский домик, Большая каменная оранжерея, павильон «Грот», павильон «Эрмитаж»,

церковь и парковый комплекс с мраморной скульптурой. До постройки Грота в первой половине XVIII века на его месте в усадьбе Кусково располагалось деревянное сооружение. Часть уцелевших зеркал и раковин интерьера деревянного Грота украсили новое каменное строение. Подобные сооружения появились в садах Италии еще в XVI веке (grotta в переводе с итальянского — «пещера»). В них устраивали купальни или фонтаны. К XVIII веку гроты стали популярны и в России. Например, подобный грот имелся и в музее-заповеднике «Царицыно». Его остатки были обнаружены во время реставрации парка в 2005–2007 годах. **МН**

Информация
по объекту культурного наследия федерального значения «Ансамбль усадьбы Кусково (Шереметьевых), XVIII в. – Грот», расположенного по адресу: г. Москва, ул. Юности, д. 2, стр. 11

Объект принят под государственную охрану постановлением Совета Министров РСФСР от 30 июля 1960 г. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР».

Проект предмета охраны Объекта разработан ОАО «Моспроект-2» им. М.В. Посохина в 2014 году, однако до настоящего времени правовым актом Департамента культурного наследия города Москвы.

Предмет охраны Усадьбы и объекта культурного наследия федерального значения «Ансамбль усадьбы Кусково (Шереметьевых), XVIII в.: Дворец, Эрмитаж, Голландский домик, Итальянский домик, Оранжерея, Грот, Церковь, Церковь, Кухня, Парк со скульптурой» утвержден приказом Департамента от 15 июня 2010 г. № 226.

Правообладателем Объекта является Государственное бюджетное учреждение города Москвы «Государственный музей керамики и «Усадьба Кусково» XVIII в.».

Департаментом выдано разрешение РРНР ЗАО «РОСРЕСТАВРАЦИЯ» на проведение работ по реставрации Объекта от 28 августа 2017 г. со сроком действия до 21 декабря 2018 г.

По состоянию на 25 апреля 2017 г. на Объекте проводятся работы по реставрации белокаменных элементов, кирпичной кладки, штукатурного покрытия, лепного декора, металлических элементов, цветных штукатурок в интерьерах, воссоздана роспись внутренних объемов и лепного декора Объекта имитирующая мрамор, а также ведутся работы по расчистке и частичной замене утраченных элементов декора интерьера выполненных из раковин морских моллюсков. Частично выполнены работы усиления кладки стен и фундаментов.

Заказчик работ: ГКУ «Технический центр Департамента культуры города Москвы»

«Архитектор Григорий Бархин»

РЕПРИНТ ИЗБРАННЫХ СТРАНИЦ

Составитель Татьяна Бархина. Издательство «БЛИЗНЕЦЫ», М., 2018 г.

Григорий Борисович в своем кабинете в доме Нирнзее. Из книги «Архитектор Григорий Бархин»

Монография «Архитектор Григорий Бархин» посвящена жизни и творческой деятельности известного архитектора Григория Борисовича Бархина (1880–1969), доктора архитектуры, профессора, члена-корреспондента Академии архитектуры СССР, заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, внесшего значительный вклад в развитие советской архитектуры, на протяжении многих лет занимаясь практической, научной и педагогической деятельностью. Широта творческих замыслов Григория Борисовича, его колоссальная энергия позволяли одновременно с работой над архитектурными проектами в мастерской и участием в многочисленных архитектурных конкурсах на разные типы

зданий, проводимых в 1920-е – 1930-е годы, заниматься педагогической и организационной деятельностью. Он активно работал в Московском архитектурном обществе (МАО), являлся одним из основателей Союза советских архитекторов. Книга включает его воспоминания, в которых отражены взгляды на жизнь, на искусство, на архитектурное образование. Работа над серьезными крупными объектами в мастерской Р.И. Клейна после окончания Петербургской академии художеств с 1909 года была интересна и явилась большой школой. В предлагаемом издании опубликованы многочисленные премированные конкурсные работы, проекты и по-

стройки Г.Б. Бархина, начиная с 1909 года и кончая 1960, а также фрагменты из книги «Архитектура театра» – крупного научного труда, изданного в 1947 году. Отдельное место в книге отведено наиболее значительному сооружению мастера, яркому и запоминающемуся памятнику советской архитектуры середины двадцатых годов – зданию редакции и типографии газеты «Известия». Архитектура здания «Известий» с успехом выдержала испытание временем, благодаря своим архитектурно-художественным достоинствам. Оно и теперь главенствует в ансамбле площади Пушкина, неоднократно изменявшей свой облик со времени постройки здания «Известий» в 1927 году.

Дом «ИЗВЕСТИЙ ЦИК СССР и ВЦИК»

1925–1927

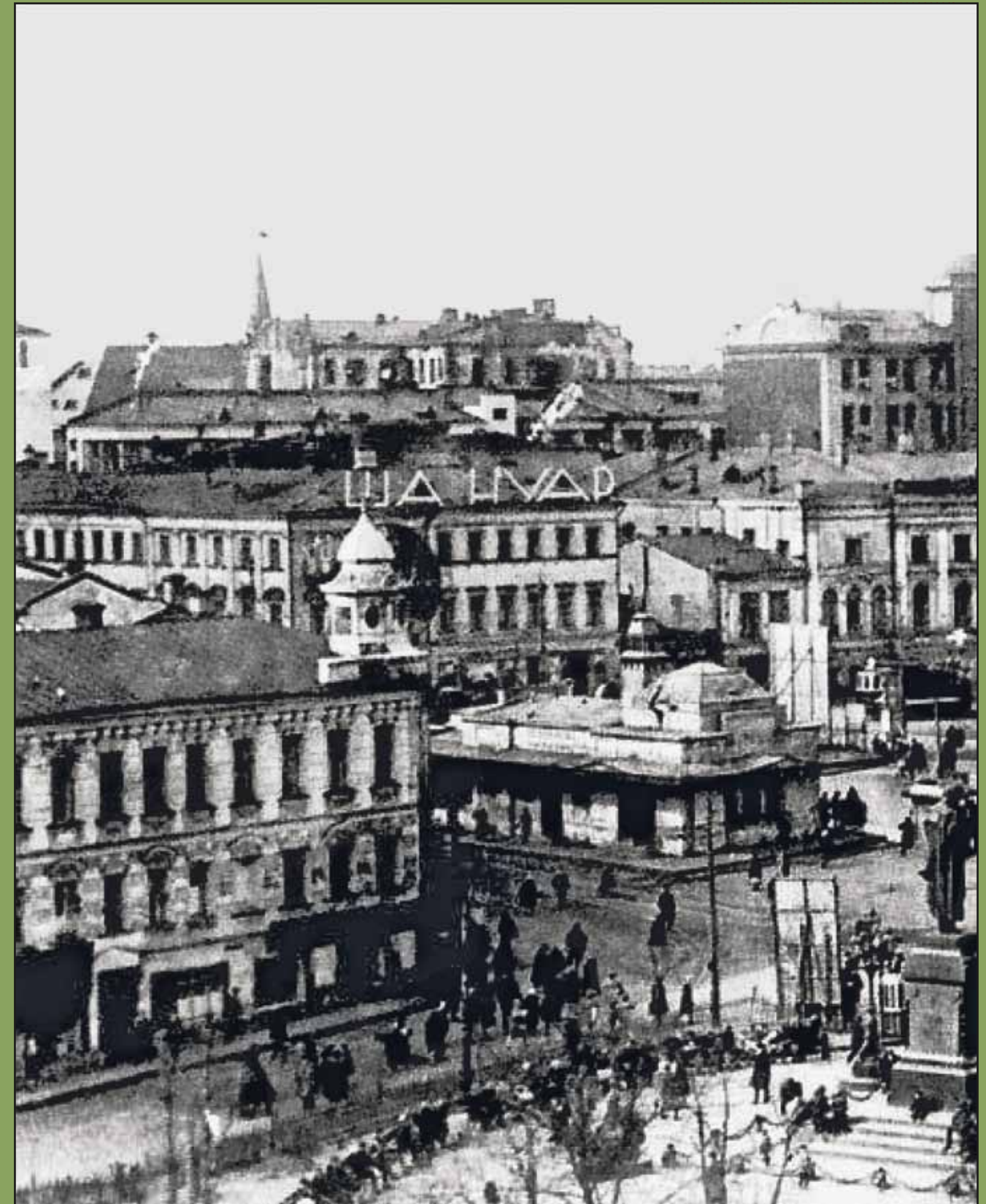
Эту работу я получил при содействии Союза строительных рабочих. Здание кроме помещенных издательства должно было включать наиболее крупную у нас в то время типографию. Как я уже упоминал выше, по вопросам машинного оборудования типографии в качестве консультанта принимал участие И.Д. Сытин. К конструктивной части я привлек очень известного тогда моего хорошего знакомого профессора Артура Фердинандовича Лолейта.

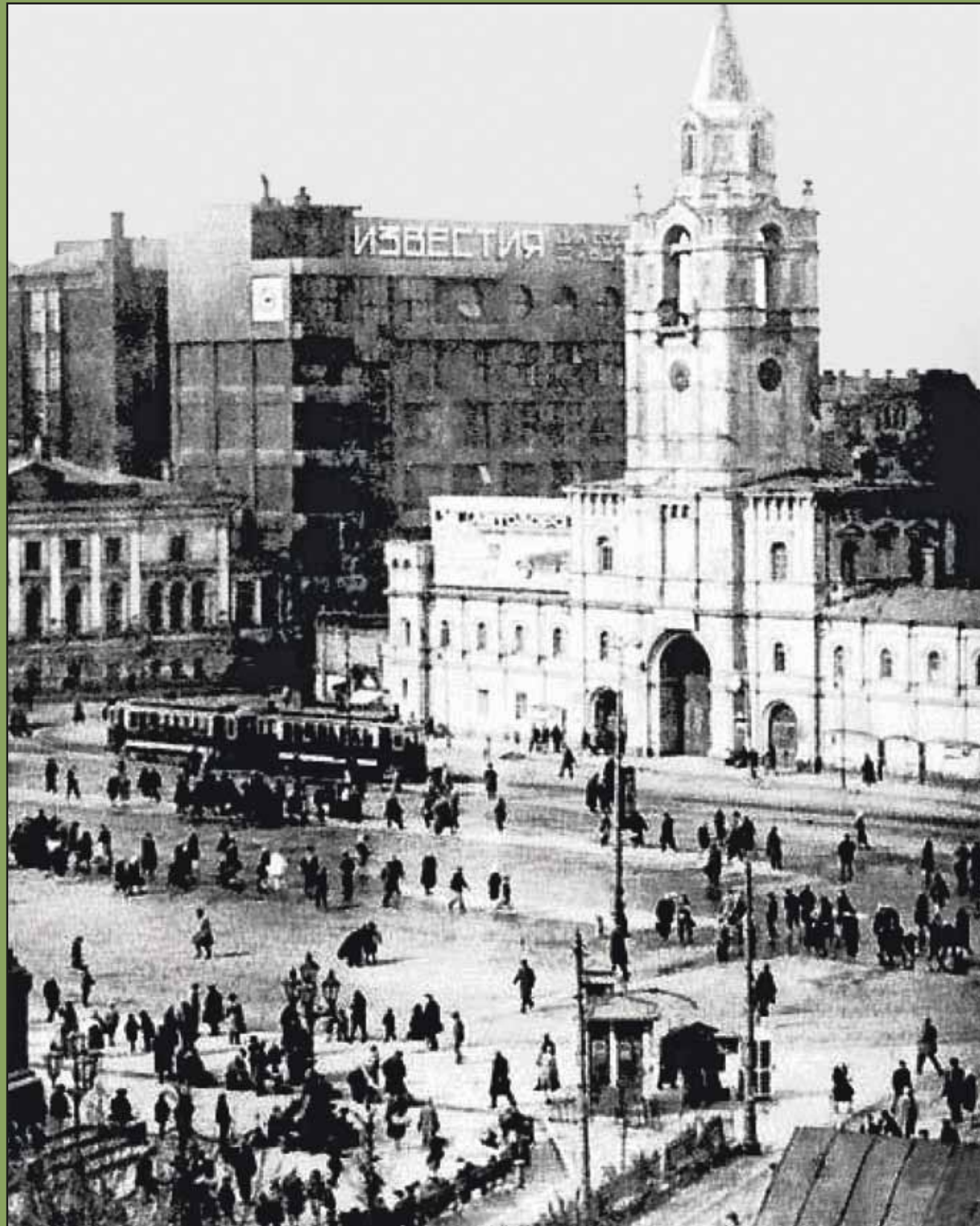
Здание «Известий», возведенное на относительно небольшом участке, как мне кажется, было удачно решено в отношении плана и явилось новым для московского зодчества по своему архитектурному облику. Ныне это здание наряду с некоторыми другими взято под охрану государства.

В первом варианте проект «Известий» решался с 12-и этажной башней. Основание башни уже успели возвести на три этажа, когда в утверждающих инстанциях башня была отменена, и по ходу стройки проект пришлось не-

сколько видоизменить в части фасада. Хочу сказать, что при рассмотрении моего проекта в утверждающих инстанциях принимал участие, имевший тогда большое влияние старый архитектор Александр Фелицианович Мейснер. Главным мотивом возражений против высотной архитектуры в зданиях для Москвы Мейснер выдвигал соображение, что Москву нужно строить по образцу Берлина, где не допускались здания выше шести этажей. Поэтому и отменили первоначальный вариант с башней, несмотря на начатое строительство. Жаль, что Мейснер не дожил до нынешней Москвы, которая строит свои высотные здания, не считаясь с тем, как был построен старый Берлин.

После возведения здание «Известий» было воспроизведено в большом количестве тогдашних архитектурных изданий и у нас, и за границей. Строительство велось под непосредственным моим руководством и вот уже столько лет здание стоит без всякого ремонта, хотя пережило бомбардировку во время войны.

Застройка Страстной площади (ныне Пушкинская)

Вид Страстной площади с крыши строящегося здания «Известий». Слева колокольня Страстного монастыря (разрушена в 1937 г.), далее храм Димитрия Солунского (разрушен в 1934 г.), за ним возвышается доходный дом Нирнзее (построен в 1914 г.), в нем автор «Известий» Григорий Борисович Бархин прожил около 50 лет. Вдали виднеются купола храма Христа Спасителя (разрушен в 1932 г.). Фотография А. Самсонова 1927 года

◀ Страстная площадь с новым зданием «Известий». Фотография 1927 года

Вид Страстной площади с крыши дома Нирнзее. На переднем плане храм Димитрия Солунского. За колокольней Страстного монастыря рядом с домом Римской-Корсаковой расчищен участок для строительства Дома «Известий». Фотография 1925 года

На углу улицы Горького (сейчас Тверская) и бульвара на месте храма Димитрия Солунского в 1939 году архитектор А.Г. Мордвинов построил жилой дом. Автор женской фигуры, поставленной в 1940 г. на угловой круглой башенке, скульптор Г.И. Мотовилов (убрана в 1958 г.) Фотография конца 1940-х годов

1925–1927

ПРОЕКТ ЗДАНИЯ РЕДАКЦИИ И ТИПОГРАФИИ
ГАЗЕТЫ «ИЗВЕСТИЯ ЦИК СССР И ВЦИК»

Дом редакции и типографии газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» – самая значительная работа Григория Борисовича Бархина, один из ярких и запоминающихся памятников советской архитектуры середины 1920-х годов, до сих пор сохраняющих свое художественное и градостроительное значение.

Спроектированный в течение 1925 года комплекс был выстроен к десятилетию Октябрьской революции на Страстной площади (сейчас Пушкинская площадь), на ее северо-западной стороне рядом с монастырем, который будет снесен в 1930-е годы. Участок не совсем правильной формы заняли два корпуса – производственный и редакционный. Между ними был поставлен лестничный блок, благодаря которому внутри квартала образовался дворик. Со стороны площади был единый фасад.

По первоначальному проекту здание газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» должно было быть высотным с башней в 12 этажей, возвышающейся над основным шестизэтажным объемом. Строительство уже началось, когда для Москвы установили высоту застройки не более шести этажей. Автор выполнил второй вариант, который и был осуществлен.

В числе общественных зданий, построенных в это время: Институт Маркса–Энгельса–Ленина, 1925–1927 гг. (архитектор С. Чернышев); Центральный телеграф, 1925–1927 гг. (архитектор И. Рерберг); здание Госторга, 1926–1927 гг. (архитектор Б. Великовский); дом Моссельпрома, 1923–1925 гг. (архитекторы Я. Райх и Д. Коган); здание Госбанка, 1927 г. (архитектор И. Жолтовский); универмаг на Красной Пресне, 1927–1929 гг. (архитекторы братья Веснины); клуб профсоюза коммунальщиков на Лесной улице, 1927–1929 гг. (архитектор И. Голосов); клуб завода «Каучук», дом культуры им. Русакова и др., 1927–1929 (архитектор К. Мельников).

Женский Страстной монастырь основан в 1654 году. Колокольня, построенная по проекту арх. М.Д. Быковского, после упразднения монастыря в 1919 году использовалась для размещения рекламы. В 1931 году Страстную площадь переименовали в Пушкинскую, а в 1937 году Страстной монастырь был снесен.

Дом «Известий» на Страстной площади. Слева особняк М.И. Римской-Корсаковой (так называемый «дом Фамусова», построенный в 1803 году), в конце XIX века в нем располагалась 7-я мужская гимназия. Фотография 1927 года

Здание Центросоюза на Мясницкой улице, 39. Фотография 1930-х годов из документального фонда Мосгорнаследия

Светлана Баранова

Керамическая установка: московские адреса Алексея Васильевича Филиппова

Алексей Васильевич
Филиппов (1882–1956)

3 мая 1927 года с показа московского «Керамического» – Гончарной слободы – началась экскурсия «Строительная и художественная керамика Москвы», маршрут которой изложен в одной из записок Алексея Васильевича Филиппова. Добавим к ним другие авторские наброски и материалы, сохранившиеся в рукописях, – и начнём виртуальное путешествие. Не забудем, по совету Филиппова, «взять: 1) метр 2) план Москвы 3) бинокль 4) хлеб для клейм, (для снятия оттисков с кирпичных клейм – С. Б.), бумага для эстам-

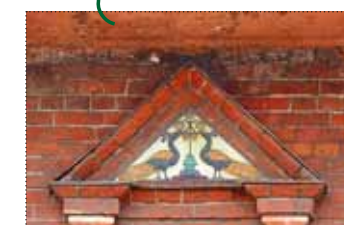
пажей, два карандаша, 5) бланки (анкет – С. Б.) для кирпича, щётка 7) вода». Экскурсия Филиппова 3 мая 1927 года начиналась в 9:30 у Яузского моста: «За Яузу через Б. Устьинский и Свешников пер. и Вшивую Горку на Гончарную улицу (б. Гончарную слободу). Ц. Успения в Гончарах 1654, главка 1702. Ц. Воскресения в Гончарах 1657 (В настоящее время церковь Воскресения в Гончарах датируется 1649 г. – С. Б.). Ц. Успения 1682. Крутицкий терем. Обратно, к Новоспасскому мосту по Новоспасской набережной до Красно-

УТРАЧЕНО
ПОЛНОСТЬЮЦерковь Успения
в ГончарахЦерковь Воскресения
в Гончарах*

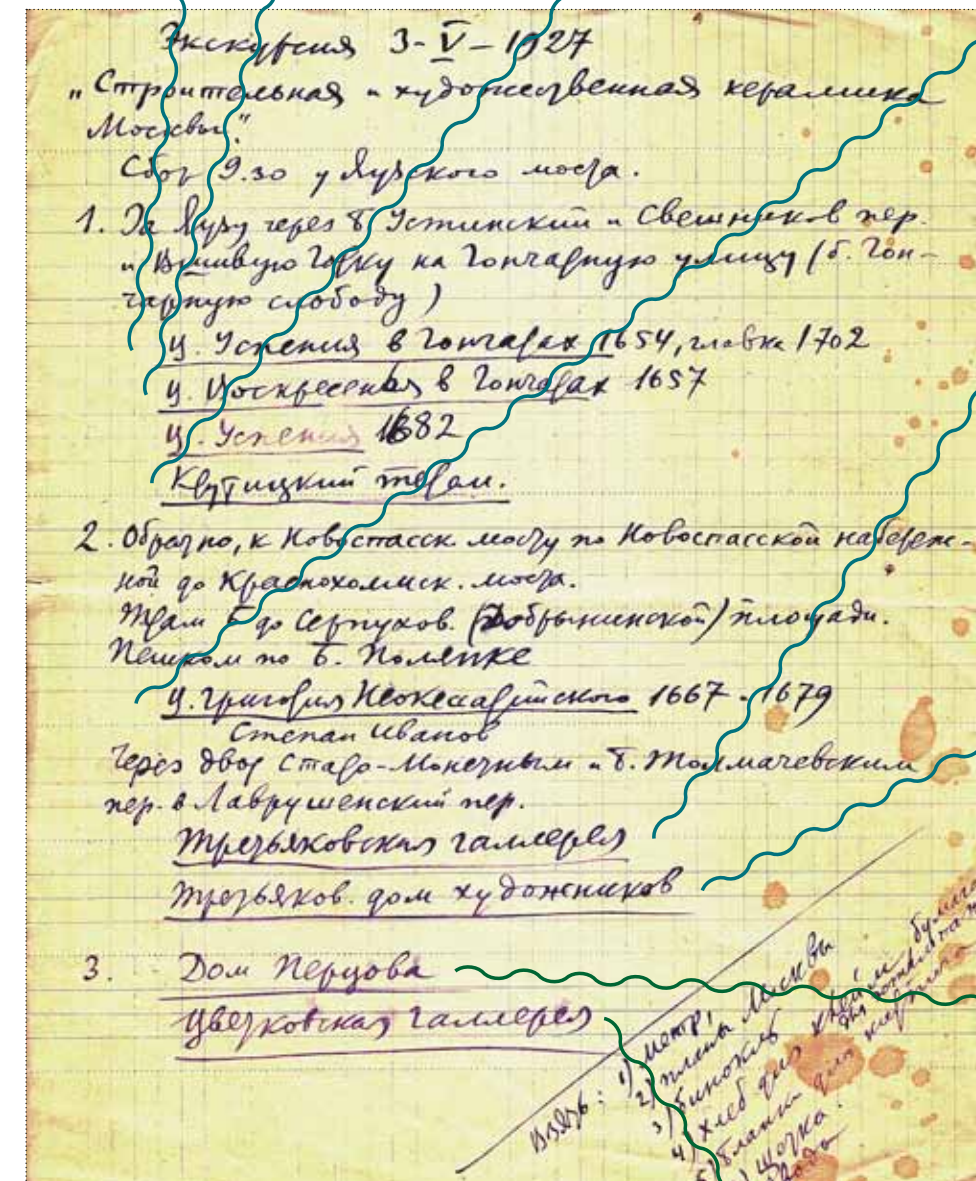
Крутицкий терем

Церковь Григория
НеокесарийскогоТретьяковская га-
лерейДом художников
до перестройки
и в настоящее время

Дом Перцовой

Цветковская галерея

Описание экскурсии 3 мая 1927 года.
Архив А.В. Филиппова

* Найден Н. А. Москва. Собо-
ры, монастыри
и церкви. Ч. III,
Отд. 1: Часть
Земляного го-
рода по левую
сторону реки
Москвы. М.,
1882, N 50

Керамический декор дома З.А. Перцова (Москва, Соймоновский пр-д, 1; архитекторы Н.К. Жуков и Б.Н. Шнауберт). 1906 год. Артель «Мурава» по проекту С.В. Малютина. Фотография М.П. Феединой, 2016 год

холмского моста. Трамвай Б до Серпуховской (Добрынинской) площади. Пешком по Б. Полянке. Ц. Григория Неокесарийского (1667–1679). Степан Иванов. Через двор Старомонетным и б. Толмачёвским пер. в Лаврушинский пер. Третьяковская галерея. Третьяков. Дом художников. Дом Перцова. Цветковская галерея».

Филиппов показывает церковь Воскресения с зелёными квадратными и круглыми изразцами фриза в тимпанах кокошников и на шатрах. В квадратных изразцах – изображения батальных сцен, в круглых – двуглавых орлов. У церкви Успения на Крутиц-

ком подворье Филиппов обращает внимание на крупные панно с маскаронами, украшающие переходы от церкви к Крутицкому терему. Задержимся у терема, в котором, по словам Филиппова, «поле майолики богаче, чем в каком-либо другом известном нам памятнике старой русской архитектуры. По художественности лепки, богатству форм и разнообразию рисунка, чудному общему тону, подбору и качеству эмалей, наконец, по своей прочности – майолика терема превосходна.

Вблизи, в ракурсе со второго этажа лесов майоликовые куски терема – какая-нибудь часть окна, окаймленного изразцовой филёнкой, с эмалевой виноградной колонной, поставленной на изразчатый кронштейн и увенчанной сандриком, – способна очаровать самый взыскательный вкус. Кроме того, здесь показана красота майолики как материала».

У церкви Григория Неокесарийского обратим внимание на **знаменитую изразцовую композицию «павлинье око»:** «фриз Григория Неокесарийского – это чудная вещь: с одной стороны, восточные мотивы – в основном мотив восточной ткани, переработан в стиле Ренессанса под влиянием белорусской рези, но это сделано здесь, в Москве; затем восточные травы и восточные мотивы, где имеет место такое стройное, поднимающееся вверх течение, будучи переработанными, в Москве осели, стали округлыми, массивными».

Здесь же услышим об изготовившем изразцы для церкви мастера Степане Иванове: **«...Я предполагал дать о нём**

небольшую монографию как о крупном художнике декоративного искусства, большом мастере, он белорус родом. Это, я считаю, первого класса работы».

Остановка у Третьяковской галереи и осмотр керамического фриза, выполненного по эскизам В.М. Васнецова на заводе «Абрамцево», перенесет в начало XX века. На экскурсии 1927 года можно было увидеть и утраченный в 1931 году, керамический декор здания приюта для вдов и сирот русских художников имени П.М. Третьякова, построенного в 1910–1912 годах по проекту архитектора Н.С. Курдюкова. В завершение экскурсии у дома Перцова и Цветковской галереи Филиппов, несомненно, поделился бы совсем недавними, времени «Муравы» и «Абрамцева», впечатлениями.

К счастью, до наших дней большинство памятников сохранилось (утрачена церковь Воскресения в Гончарах, которую снесли в 1930-х годах), так

что читатель может и сегодня пройти по филипповскому маршруту.

Перед нами не только опытный краевед и экскурсовод, открывавший слушателям памятники своего родного и любимого города, но и лучший знаток керамического убранства Москвы, тем более созданного, в том числе, и его руками.

Мы в свою очередь предлагаем свою экскурсию по адресам, которая раскроет для нас личность А.В. Филиппова (1882–1956) – крупнейшего русского специалиста в области керамики, художника и педагога, технолога, реставратора, историка русского изразца. Деятельность А.В. Филиппова проходила в контексте всех важнейших процессов отечественного искусства этого периода: формирования национального стиля в эпоху модерна, развития идей производственного искусства в начале 1920-х, становления музейного дела в первые по-

Керамический декор доходного дома церкви Живоначальной Троицы «что на Грязех» (Москва, Чистопрудный б-р, 14. Архитектор Л.Л. Кравецкий, инженер П.К. Микин). 1908–1909 годы. Артель «Мурава» по проекту С.И. Вашкова. Фотография М.П. Феединой, 2016 год

¹ Керамическая установка. По материалам архива и коллекций А.В. Филиппова. М., 2017. 472 с.: ил. Издание подготовлено в рамках программы «Первая публикация» Благотворительного фонда В. Потанина Концепция издания: Светлана Баранова, Екатерина Бобринская, Екатерина Вязова, Татьяна Юдкевич. Музеи-участники проекта: Московский государственный объединённый художественный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник, директор Сергей Худяков; Музей декоративно-прикладного и промышленного искусства при Московской государственной художественно-промышленной академии имени С.Г. Строганова, директор Марина Зиновеева. Руководитель проекта и научный редактор Светлана Баранова. Арт-директор Евгений Корнеев. Авторский коллектив: Светлана Баранова, Анна Броновицкая, Елена Гаспарова, Александр Лаврентьев, Александра Трощинская. Фотографы: Владимир Бойко, Маргарита Федина. Редактор: Марина Афанасьева. Корректор: Татьяна Смирнова.

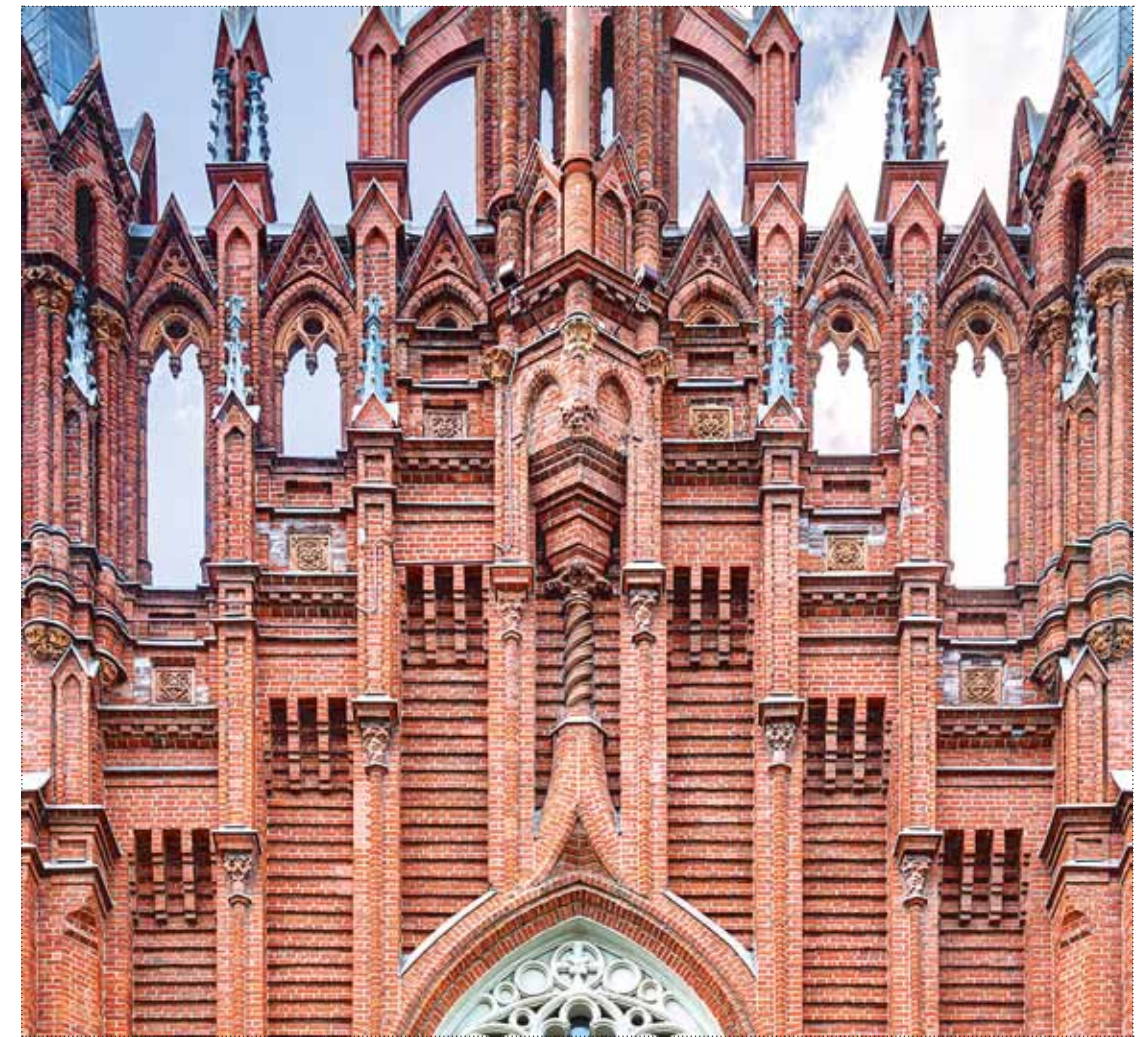
слереволюционные десятилетия, поисков новых методов строительства в советской архитектуре 1930–1950-х годов. Он сумел создать многие направления и оставил яркий и глубокий след в технологии и истории ремесла, архитектуре и изобразительном искусстве, реставрации и налаживании керамического производства в России. И это далеко не полный перечень сделанного им.

Вся деятельность Филиппова представляет нам человека, увлечённого познанием, тяга к которому доминирует над другими свойствами его личности – художественным даром, деловитостью, инженерным конструированием. В соединении разнообразных интересов: к технической стороне дела и к художественным проблемам, к эксперименту и широкому использованию результатов в практике – Филиппов представлял собою тип ренессансного инженера, специалиста эпохи Возрождения. Эта его универсальность, реализовавшаяся в верности одной теме – керамике, интересна нам и сегодня¹.

Биография Филиппова складывалась весьма удачно – успешная, отмеченная наградами по художественным и научным дисциплинам учёба с 1895 по 1903 г. в Строгановском центральном художественно-промышленном училище (ул. Рождественка, 11; архитектор С.У. Соловьёв, 1891–1892) совмещалась с первыми практическими опытами. Наиболее известной работой стало изготовление изразцов по рисункам В.М. Васнецова для дома И.Е. Цветкова в Москве (Пречистенская наб., 29; проект В.М. Васнецова, ар-

хитектор В.Н. Башкиров, инженер-архитектор Б.Н. Шнауберт, 1898–1901).

В 1904 году после окончания учёбы Филиппов создает и возглавляет Московскую артель художников-гончаров «Мурава». В ней он работал до 1918 года и выполнил ряд крупных монументальных работ по художественной керамике в Москве, Ленинграде, Владивостоке, Астрахани, Воронеже и других городах. Филиппов также участвовал в российских и международных выставках, где представлял свои керамические изделия. В 1906 году артель «Мурава» получила первый крупный заказ – на облицовку дома П.Н. и З.А. Перцовых (Соймоновский пр-д, 1; архитекторы Н.К. Жуков и Б.Н. Шнауберт по эскизам С.В. Малютина). В дальнейшем изделия «Муравы» украсили фасады других московских зданий: доходный дом Я.М. Филатова (ул. Остоженка, 3, архитекторы В.Е. Дубовской, Н.А. Архипов; 1907–1909); доходный дом церкви Живоначальной Троицы «что на Грязех» (Чистопрудный б-р, 14; архитектор Л.Л. Кравецкий, инженер П.К. Микини по проекту С.И. Вашкова; 1908–1909); римско-католический кафедральный собор Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии (Малая Грузинская ул., 27/13; архитектор Ф.О. Богданович; 1913). Нельзя не заметить, что даже сохранившиеся работы «Муравы» остаются в забвении, не встречаясь в публикациях по истории московской архитектуры... 5 июня 1918 года А.В. Филиппов начал заведовать керамико-художественной гончарной мастерской «Абрамцево», переведенной в Москву, на

Бутырскую заставу, энергично пытаясь продлить существование уникального предприятия. Полноценное изготовление художественной керамики так и не удалось, но производство заработало. Филиппов, безусловно, мечтал возродить и расширить абрамцевское производство, превратить его в крупный отечественный центр по изготовлению художественной керамики. Он предполагал перейти к «фабрикации», то есть к массовому производству: изготавливать «ходовой товар – белые классические печи, а также печи, фризy, скамьи, порталы, лежажки, балюстрады из готовых форм – подобранных и скомпонованных в рисунках».

Помимо печей, планировалось производство цеховых знаков, памятных досок, кашпо, кронштейнов, садовых ваз, письменных и осветительных приборов (лампа, чернильница, ручка, часы, пресс-папье, стакан для ручек, пепельница, кнопка для звонка, нож для бумаги). Не были оставлены без внимания и столовые приборы: кольца для салфеток, подставка для чайника, компотница, фруктовая ваза, приборы для молока, ягод, варенья, коробка для конфет, а также рекламные предметы (пепельницы с логотипами фирм) и туалетные принадлежности. Для выполнения росписи предлагалось организовать живописную мастерскую, куда

Терракотовый декор Римско-католического кафедрального собора Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии (Москва, Малая Грузинская ул., 27/13; архитектор Ф.О. Богданович). 1913. Артель «Мурава». Фотография М.П. Фединой, 2016 год

Лаборатория «Керамическая установка». Фото конца 1940-х годов. Архив автора.

бы занимались «бабы-писари» и художницы по росписи. Филиппов мечтал создать на заводе в Бутырках собственную библиотеку и музей, в котором были бы представлены образцы старинной керамики, модели и произведения мамонтовской мастерской, а также новинки отечественного и зарубежного керамического производства – образцы «новостей своих и чужих». Однако усилий Филиппова оказалось недостаточно для поддержания деятельности завода, который в 1922 году прекращает деятельность.

Важным для Филиппова стало руководство керамическим факультетом ВХУТЕМАСа, открывшегося в ноябре 1920 года, и создание при нём лаборатории. Высшие художественно-технические мастерские, как

известно, были образованы на базе Московского училища живописи, ваяния и зодчества и Строгановского училища. Став деканом керамического факультета ВХУТЕМАСа, Филиппов, по сути, вернулся в училище, откуда вышел он сам и другие участники «Муравы».

Вскоре возник единый научный центр силикатной промышленности – Государственный экспериментальный институт силикатов (ГЭИС), в котором покинувший ВХУТЕМАС Филиппов возглавил Художественное бюро. Впрочем, эта череда сливающихся и распадающихся институций имела один и тот же круг сотрудников и одну и ту же (весьма скудную) материально-техническую базу, но на любой должности стремление

Керамический портал павильона Татарской АССР на ВСХВ (проект архитектора И.Г.Гайнутдинова, в настоящее время не сохранился). Лаборатория «Керамическая установка». 1938–1939 годы

УТРАЧЕНО
ПОЛНОСТЬЮ

Филиппова к созданию экспериментальных образцов строительной керамики очевидно.

Эта задача станет актуальной и в новой, социалистической реальности, хотя её осознание придёт не сразу после 1917 года. Носителем и хранителем этой идеи станет, по сути, один человек – А.В. Филиппов. Он видел её осуществление в решении очень широкого круга задач: воспитания высококачественных художников-керамистов; проникновения в секреты технологий прошлого; создания панорамной истории искусства керамики; завоевания керамикой важных позиций в искусстве, быту, экономике. Филиппов делал всё возможное, чтобы вовлечь керамиче-

скую отрасль в общий процесс научной модернизации производства. Опытный художник-прикладник, технолог, мыслящий как эмпирик, рационалист и практик, он готов был организовать производство, обучить персонал, добыть заказ и найти место на рынке продукции.

Главным толчком для развития керамической отрасли оказался проект генеральной перепланировки и перестройки Москвы как столицы мирового пролетариата. В его составе подлинной вершиной стал архитектурный замысел Дворца Советов – крупнейшего проекта своей эпохи, которому не суждено было воплотиться. А.В. Филиппов, консультант-руководитель работ по кера-

Керамический декор дома № 6 на улице Горького (Москва, Тверская ул., 4; архитектор А.Г. Мордвинов, инженер П.А. Красильников). 1937–1940. Фотография М.П. Фединой, 2016 год

мическим облицовочным материалам УСДС, еще в 1932 году выступил с докладом «Опытные исследовательские работы по керамическим облицовкам для Дворца Советов», изложив предложения по созданию палитры прочных красок для наружной и внутренней облицовки, а также для сложных монументальных и скульптурных работ. Филиппов говорил о керамике как об основном облицовочном материале Дворца, формулируя техническое задание на использование в проекте цветных эмалей (блестящих и матовых) и металлизированных глазурей разных оттенков. Он планировал создать «образцы монументальной рельефной полих-

ромии эмалями и глазурями». Слушателям были представлены образцы цветных эмалей и ангобов на керамических плитках и туфле. Было показано оформление панелей внутренней облицовки, а также модели плиток, иллюстрирующих метод Филиппова «получения из одного рисунка плитки большого количества их вариантов в облицовке». К началу проектирования Дворца Советов идея использования майолики в архитектуре вошла в сознание художников.

С началом Великой Отечественной войны строительство Дворца Советов и все связанные с ним проекты остановили. Но вовлечённость в самый важный архитектурный проект советской эпохи дала Филиппову возможность создать результативный инструмент.

В 1934 году при Академии архитектуры СССР возникла «Опытная установка по архитектурной художественной керамике», или, как её часто называли в документах, лаборатория «Керамическая установка». Она размещалась в одном из зданий бывшего Музея русских древностей П.И. Шукина (ныне — Государственный биологический музей имени К.А.Тимирязева (Москва, Малая Грузинская ул., 15). В должности руководителя лаборатории он оставался до самой смерти, являясь, как он сам писал в автобиографии, её «инициатором, идейным вдохновителем, организатором и научным руководителем». Создавая простейшие керамические материалы, лаборатория большое внимание уделяла и новым рецептурам эмалей и глазурей, применяемых в майолике. Одновремен-

но шла обработка огромного наследия русской керамики и архитектуры. Лаборатория «Керамическая установка», существовавшая уже независимо от проекта Дворца, отражала в своей деятельности практически весь спектр интересов создателя. Её небольшой коллектив обладал большим потенциалом и оказал значительное влияние на ход исследований керамики и развитие силикатной промышленности в СССР.

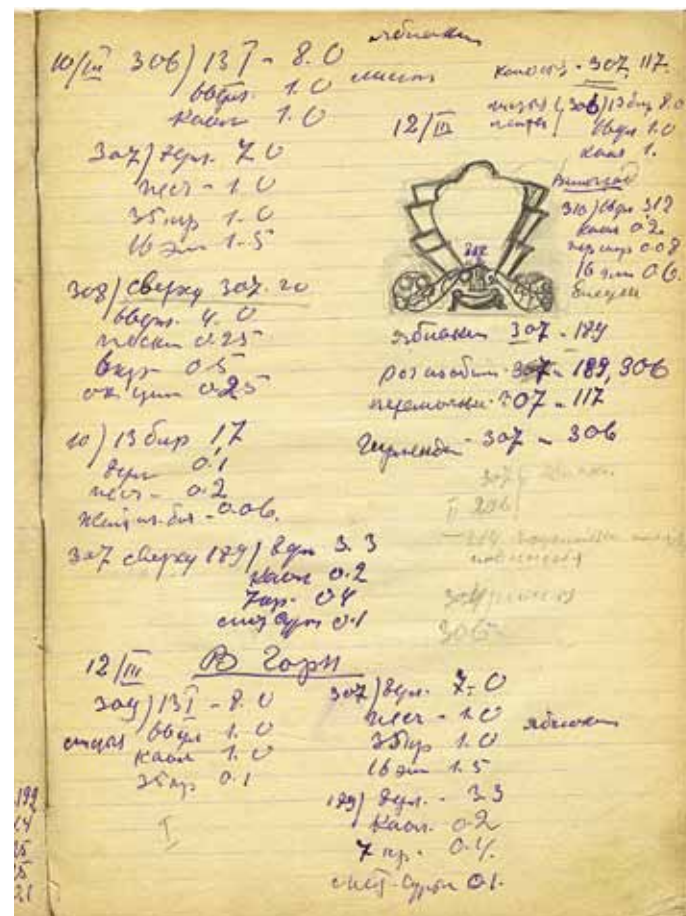
И было для чего стараться. Согласно принятому в июле 1935 г. Генеральному плану реконструкции Москвы, керамика должна была украшать, кроме Дворца, павильоны Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, станции метро, главные здания города. Казалось, Филиппов достиг того, о чём мечтал.

Всё же в реальность грандиозные перспективы воплотились, пусть отчасти. На основе местных подмосковных глин была разработана инструкция по технологии производства

и рецептуре архитектурной терракоты для декорирования жилых домов. Произведения Лаборатории украсили первые новые дома на реконструируемой улице Горького/Тверской (№2–4, архитектор А.Г.Мордвинов, 1937–1940)

Главным в деятельности лаборатории было участие в масштабных проектах, где она выступала инновационным центром изучения и производства керамических облицовок, создавала рецепты и технологии для внедрения в производство и строительство. Филиппов и его лаборатория, вне зависимости от успеха конкретного проекта, считали полученные при эксперименте результаты ценными как своего рода «рецепты» лаборатории. Их внедряли в производство позже, используя в строительстве, реставрации и развитии науки о художественной архитектурной керамике. Конечной задачей лаборатории было внедрение в производство экспериментальных образцов, но рабочая

Керамический декор главного здания МГУ на Ленинских горах (Москва, Воробьёвы горы, 1; архитекторы Л.В.Руднев, С.Е.Чернышёв, П.В.Абросимов, А.Ф.Хряков, В.Н.Насонов). Лаборатория «Керамическая установка». 1949–1953 годы. Фотография М.П. Фединой, 2016 год

Записи в рабочем журнале об исследовании глазурей для майоликовых деталей на здании МГУ. Февраль 1952 года. Архив А.В. Филиппова

цепочка выглядела как «изучение – создание технологии – внедрение». Ситуация с производством керамики в СССР менялась очень мало, постоянный партнёр по производству у «Керамической установки» был один – завод Замоскворецкого Совета, позднее керамико-плиточный завод имени Н.А. Булганина (Москва, Холодильный пер., 3). Ещё в 1928 году на совещании в Институте силикатов его выбрали основной площадкой для возрождения отечественного производства керамики, и он отчасти выполнил задачу. На заводе-мануфактуре (в прошлом принадлежал купцам Власовым) была сосредоточена основная доля производства изразцов в Москве. Качество продукции неоднократно отмечали призы и медали российских вы-

ставок. К середине 1930-х годов завод, освоив разные виды облицовочной керамики, стал полигоном для испытания новых технологических и художественных приёмов, разрабатываемых лабораторией. Работа Лаборатории для Московского метрополитена стала уникальной. Можно утверждать, что архитектурная керамика в советский период смогла возродиться именно благодаря использованию в бесцётном количестве вариантов в московском метро. Как пишет А.Ю. Броницкая: «Керамики в метро просто не было бы, если бы «Керамическая установка» не нашла способ производить облицовочные материалы, не теряющие декоративных свойств под воздействием сырости. Рельефные керамические элементы, живописные панно – такие, как панно Е.Е. Лансере на станции «Комсомольская-радиальная», могли выполняться не непосредственно лабораторией «Керамическая установка», но с опорой на её изыскания и, в очень многих случаях, при личных консультациях самого Филиппова». Авторские художественные произведения и декоративные детали из керамики появились уже на станциях его первой очереди (1935): архитекторы и художники прекрасно понимали возможности материала. Внешняя привлекательность, сравнительная дешевизна, прочность, гигиеничность, возможность тиражирования делали керамику незаменимой. Метро не просто давало свободу интерпретаций материала – оно прямо требовало нетрадиционных решений. Привычные виды керамики: архитектурные де-

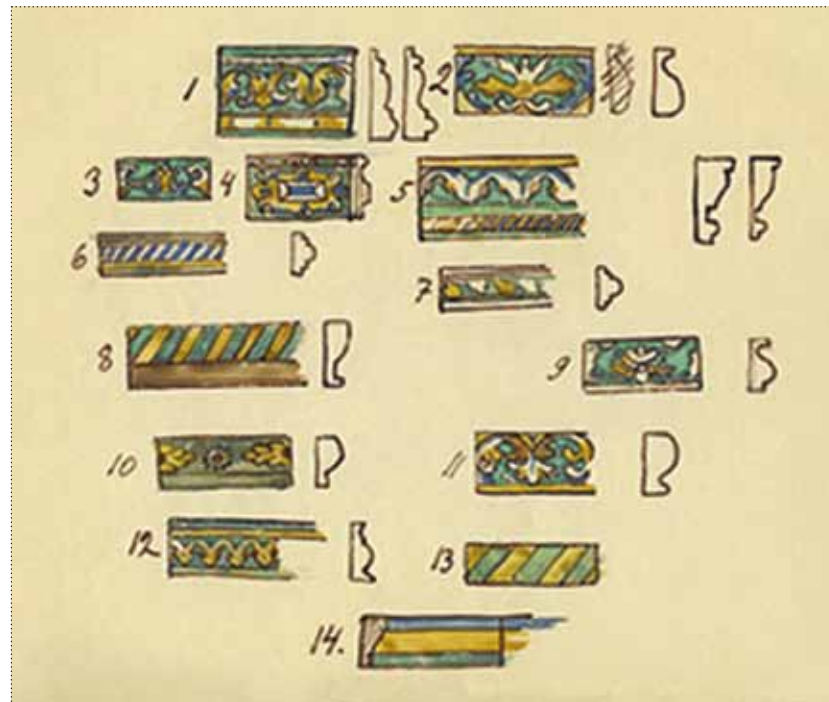
Керамика в декоре переходного коридора на станции метро «Комсомольская-кольцевая». Лаборатория «Керамическая установка». Фотография М.П. Фединой, 2016 год

тали, скульптура и рельеф, монументально-декоративная роспись на керамической основе и, конечно, облицовочная плитка – словно родились заново, обретая под землёй новую эстетическую ценность. На станциях второй очереди, открывшихся в 1937–1938 годах («Киевская», «Площадь Революции», «Курская») и последовавшими вскоре за ними станциями Горьковского радиуса («Сокол», «Аэропорт», «Динамо», «Белорусский вокзал» (ныне «Белорусская»), «Маяковского» (ныне «Маяковская») и «Площадь Свердлова» (ныне «Театральная») использованы плитки, созданные по разработкам Лаборатории. Облицовка стен станции метро «Киевская» – пример так называемой бесшовной керамики, одного из важных

изобретений Филиппова. Оно родилось в ходе многолетних исследований свойств орнамента. Ещё в 1924 году Филиппов опубликовал метод построения орнамента с большим числом вариантов и тогда же получил на него патент. Метод бесшовной керамической облицовки был использован при оформлении перехода между станциями «Комсомольская-радиальная» (построена в 1935 году) и «Комсомольская-кольцевая» (открыта в 1952 году). Стены изогнутого в плане коридора со сложным стрельчатым сводом сплошь покрыты майоликовой плиткой, повторяющей рисунок русских печных изразцов. Их рельефный контур, выступающий на залитом охристой глазурью фоне, создаёт ощущение де-

Зарисовки изразцов
из декора Крутицкого
теремка. 1913 год. Архив
А.В. Филиппова

коративной решётки. Но роль Филиппова и «Керамической установки» в создании изразцового декора Московского метрополитена много больше этих конкретных зафиксированных эпизодов.

Многие нововведения и усовершенствования А.В. Филиппова получили широкое распространение не только в его эпоху, но использовались долгие годы спустя. Именно его Лаборатории мы обязаны привычным видом многих общественных зданий, особенно школ и детских садов (а также высоток и других престижных сооружений, например, главного здания МГУ на Ленинских горах (Воробьёвы горы, 1; архитекторы Л.В. Руднев, С.Е. Чернышёв, П.В. Абросимов, А.Ф. Хряков, В.Н. Насонов; 1949–1953), сочетающих светлую, стойкую облицовку плоскостей с керамическим декором. «Практик» Филиппов оставил и значительное научное наследие, включающее книги, справочники и альбомы образцов столь любимой им керамики.

Волею судеб Филиппов был вовлечён в работы по сохранению и восстановлению таких выдающихся памятников архитектуры Москвы, как Крутицкий теремок (Крутицкое подворье. Ворота с теремком и стена-переход (Крутицкая ул., 13/1; зодчие Осип Старцев и Ларион Ковалёв; 1693–1694) и церкви Теремного дворца (Кремль, зодчий О.Д. Старцев, начало 1680-х гг.), – сооружений, значение которых во многом определяется именно керамическим убранством.

Первый опыт Филиппов-реставратор приобрёл в 1912–1913 годах при исследованиях шедевра русского изразцового искусства – Крутицкого теремка в московской резиденции митрополитов Сарских и Подонских на Крутицах (1693–1694). В 1909–1910 годах вновь встал вопрос о необходимости реставрации Крутицкого теремка, о сохранении подлинности его декора. Требовались методики, которые позволят укрепить древние детали и воспроизвести по ним точные копии. Но

оказалось, что старинные технологии уже утрачены – изготовители облицовочных материалов не смогли ответить на вызов. Архитектор З.И. Иванов, по словам А.В. Филиппова, рассказывал: «Обратились к заграничной фирме. Последняя согласилась при условии переделки всей облицовки заново по образцу снятой старой. Образцы “в точности исполненные” были очень далеки от оригинала. В Абрамцево... предложили всю облицовку снять и заменить новой по современ[енным] рисункам, так как мастерская “починкою не занимается”. Строгановское училище отказалось». За изготовление копий изразцов для Крутицкого теремка взялась артель «Мурава», ранее не имевшая подобного опыта.

В апреле 1918 года Филиппов был приглашён архитектурным отделом Комиссии по охране памятников в качестве эксперта по восстановлению

изразцов и черепицы для повреждённых во время обстрела в 1917 году зданий в Московском Кремле, а также с целью исследования истории и техники керамического убранства церковей Теремного дворца для последующей реставрации. Уже при первом осмотре последствий обстрела памятника снарядами среди мусора во дворе Филиппов обнаружил осколки изразцов XVII века.

24 мая 1921 года в Комиссии по охране памятников Филиппов сделал доклад и представил проект научной реставрации фриза церковей. Он предполагал «снять фотографии с открытых древних изразцов, поотлить с этих изразцов гипсовые формы», поскольку «эти фотографии и формы являются также необходимым материалом в случае восстановления древних изразцов». Однако, судя по документам архива Филиппова, реставрация в Московском Крем-

Изразцовый декор
Крутицкого теремка
(Москва, Крутицкая ул.,
13/1; зодчие Осип Стар-
цев и Ларион Ковалёв).
1693–1694 годы. Фото-
графия М.П. Фефиной,
2016 год

А.В. Филиппов.
Панно «Подсолнух».
1940-е годы (по
рисунку 1912 года).
Собрание МГХПА им.
С.Г. Строганова

ле началась лишь в 1946 году. В январе вышло постановление Совнаркома СССР № 219, обязывающее Академию архитектуры СССР в двухмесячный срок изготовить образцы черепицы и кирпича для реставрации стен и башен Московского Кремля, а также, по заданию Строительного отдела Комендатуры Московского Кремля, приступить к восстановлению изразцового фриза. Выполнение работ было поручено Лаборатории «Керамическая установка», которая в том же году приступила к восстановлению облицовки барабанов главков, изразцовых фриза и вставок в ширинки. Руководил работами А.В. Филиппов, в состав творческой группы входили технолог С.В. Филиппова, инженеры М.М. Гарденина, М.И. Швецова, техник Е.И. Иванова, формовщики П.В. Фокина, В.Д. Веденеев. Особую сложность представляла реставрация керамической облицовки барабанов. Дело было не только в крупных размерах отдельных изразцов (53 × 33 см), но и в их криволинейной форме. Особое внимание уделялось реставрационным материа-

лам и их подготовительной обработке. Самым сложным стало изготовление глазурей. Для кремлёвских изразцов, как отмечает Филиппов, была характерна уникальная палитра: «вместо обычной тёмно-синей здесь применялась ярко-голубая эмаль, контрастирующая с золотом куполов; для оживления преобладающей голубой и сопутствующих ей бирюзовой, жёлтой и коричнево-красной эмалей и глазури введена белая эмаль большой светлоты, взамен типичной для других памятников и имеющей обыкновенно тепло-серый оттенок». Филиппов полагал, что цель реставрации в данном случае – добиться полного тождества новых изразцов со старыми, с учётом изменений оригинального цвета во времени. Роспись изразцов производилась кистью. Обжиг сырых и глазурованных изразцов в течение 14 часов происходил одновременно, в горне открытого пламени на древесном топливе. Изразцы при обжиге ставили вертикально, противоположными сторонами друг к другу. Ряды по горизонтали разде-

лили глиняными лещадками и такими же лещадками перекрыли от заноса золой. В сущности, реставраторы провели реконструкцию средневекового технологического процесса, которая дала «удовлетворительное», по оценке Филиппова, качество изразцов: разлив, блеск и цвета глазурей и эмалей, отсутствие трещин черепка.

Возможно, именно многогранность опыта и образования позволили Филиппову выстроить собственную методику реставрации, которую хочется назвать «научно-производственной». Она включала как точнейший, пристальный исследовательско-фиксационный процесс, так и вовлечение в реставрацию методов массового производства декоративных деталей – методов, которые как бы продолжают за пределы реставрации, переходят в область современного архитектурного дизайна (откуда, в свою очередь, возвращаются, обогащенные новейшей рецептурой и современными процессами производства).

Филиппов чрезвычайно ценил свой реставрационный опыт. Он писал, что именно эта практическая работа послужила «толчком к изучению древнерусской архитектурной керамики» и началом «систематического научного изучения древнерусской и бытовой керамики в музеях Москвы, Петербурга, Киева, Ярославля, Ростова, Смоленска, Твери, Вологды и др. городов и обследований и обмеров памятников монументальной керамики непосредственно на древних архитектурных сооружениях в различных городах России».

Надгробие на могиле
А.В. Филиппова на Дон-
ском кладбище

В заглавие книги, посвящённой Алексею Васильевичу Филиппову, вынесено название созданной им лаборатории – «Керамическая установка». Но у этого названия есть и другой смысл: ведь в современном русском языке у слова «установка» более распространено второе значение – и отнюдь не техническое. Речь о целях и задачах, подчиняющих себе действия человека и даже всю его жизнь. Именно такой «установкой на керамику» определялась судьба нашего героя. Филиппов всю жизнь был верен одной теме – керамике – и сохранил ей верность и после смерти: его надгробие на Донском кладбище в Москве украшает орнамент по мотивам древнерусских изразцов.

Елена Пугачева

Реставрация без страховки

Памятная доска Петру Дмитриевичу Барановскому в Крутицком подворье. Фото 2011 года

В то время, когда рождалась Россия советская, все более актуальным становился вопрос о сохранении России исконной. Главным подвижником и идеологом этого дела стал Петр Барановский.

Кто-то называет его ««доктором-реставратором», Авваку-

мом XX века. Ученый, реставратор памятников русского зодчества Петр Дмитриевич Барановский создал более 100 проектов реставрации, исследовал не поддающееся подсчету число храмов и монастырей, спас от разрушения Покровский собор и Крутицкое патриаршее подворье.

Своим путем он шел рука об руку с удивительным – обнаружил под штукатуркой ничем не примечательного дома в Охотном ряду Голицынский дворец, без строительных лесов и страховки, как скалолаз, работал над восстановлением оригинального облика Казанского собора. А еще – воплотил

Музей деревянного зодчества в Коломенском

в реальность мечту о создании в советской России музея древнерусского зодчества под открытым небом.

Коломенский музей

Впервые идею создания музея русского деревянного зодчества на открытом воздухе в Коломенском Барановский озвучил в 1920 году. Через три года мечта стала реальностью. В качестве директора музея-заповедника Петр Дмитриевич энергично взялся сначала за реставрацию памятников каменной архитектуры бывшей царской загородной резиденции – храмов

Вознесения и Иоанна Предтечи в селе Дьяково, уже затем – за размещение в Коломенском спасенных памятников деревянного зодчества. Одним из первых «экспонатов» стала медоварня из подмосковного села Преображенского – часть комплекса бывшего Никольского единоверческого монастыря XVIII века. В 1923 году монастырь закрыли, через несколько лет, в 1927 году, медоварню удалось перевезти в Коломенский музей. К 1933 году «коллекция» Коломенского существенно пополнилась: появились Моховая башня из Сумского острога,

домик Петра I из-под Архангельска (царь жил в нем летом 1702 года, наблюдая за строительством укреплений Новодвинской крепости). Но Барановский мечтал о большем. Мечтой ученого была реконструкция знаменитого дворца царя Алексея Михайловича в Коломенском во всем его великолепии. Дворец к тому времени стал мифом – о роскоши сооруженной во второй половине XVII века летней резиденции русского царя площадью около 10 тыс кв. метров ходили легенды. Для отделки дворца краски и сусальное золото доставлялись из-за границы. Над росписью

В Николо-Корельском монастыре Барановский обнаружил и спас от разрушения уникальный памятник – проездную башню, позже перевезенную в Коломенское. П.Д. Барановский, неизвестный, И.Э. Грабарь, Г.О. Чириков на катере у монастыря. 2–3 сентября 1920 года. МГОМЗ «Коломенское». МФ-2752/1

Дворец царя Алексея Михайловича
в Коломенском

и золочением мастера трудились два года. Монарший трон охраняли грозные «рыкающие львы» – механику придумал часовой мастер Оружейной палаты Петр Высоцкий.

После смерти Алексея Михайловича дворец перестраивался, ветшал и в итоге был разобран по приказу Екатерины II в конце XVIII века.

В 1920-е годы планам Барановского не суждено было осуществиться. Копия дворца Алексея Михайловича была восстановлена уже в наше время – и это не единственный пример, когда мечта ученого

стала реальностью спустя десятилетия. Похожая история произошла с реставрацией Казанского собора.

Казанский собор

Реставрацией Казанского собора на Красной площади Петр Дмитриевич занялся в 1925 году.

Храм, построенный 1636 году, по одной из версий на средства князя Дмитрия Пожарского, стал символом освобождения Москвы и победы над Смутой. Спустя почти два столетия перед Казанской иконой Божи-

ВОССТАНОВЛЕНО
ПОЛНОСТЬЮ

Казанский собор после реставрации Барановского.
Фотография начала 1930-х годов

Снос Казанского собора в 1936 году

ей Матери молился Михаил Илларионович Кутузов, этой же иконе служился молебен перед сражением на Бородинском поле.

За восстановление первоначального облика собора, который неоднократно перестраивался, Барановский взялся в 1925 году. Работал без лесов – чтобы не дать повода для неудовольствия из-за «неаккуратного» вида главной площади страны. Объявившись веревкой, Барановский скрупулезно освобождал архитектурные формы от наслоений.

В 1930 году реставрация была приостановлена – Моссовет приступил к рассмотрению вопроса о сносе Казанского собора и Воскресенских (Иверских) ворот.

Забегая вперед – спасти храм не удалось, в 1936 году, в год своего 300-летия, его снесли.

В 1990-е, по чертежам, сохраненным Петром Дмитриевичем, собор восстановили.

Так, спустя десятилетия сбылась еще одна мечта реставратора.

Голицынские палаты и церковь Параскевы Пятницы

... Шел 1923 год, когда ученому удалось сделать удивительное открытие. Под штукатуркой фасада здания в Охотном ряду Барановский обнаружил каменный декор палат князя Василия Голицына.

«Дом Голицына — один из великолепнейших в Европе» – так об ушедшей в прошлое роскоши Голицынских палат отзывался французский посол де Невиль.

В XIX веке здание обветшало, утратило оригинальный декор, так что архитектур-

Палаты В.В. Голицына в Охотном ряду. От-
крытка 1920-х годов

УТРАЧЕНО
ПОЛНОСТЬЮ

ный путеводитель по Москве 1913 года сообщал, дом Голицына в Охотном Ряду «не уцелел». Дворец скрывался под видом ничем не примечательного двухэтажного строения, где к тому же помещалась рыбкопильня.

Пять лет кропотливой работы понадобилось реставратору, чтобы вернуть Москве памятник московского барокко конца XVII века.

В то же время Барановским велись работы по восстановлению соединенной с Голицынским дворцом переходом церкви Параскевы Пятницы.

Труды ученого «проглотил» проект реконструкции центра Москвы. В 1928 году Голицынские палаты и Храм Параскевы Пятницы снесли.

А в «Рабочей газете» написали: «В Охотном ряду, подле пивных, лавок частников, на тротуаре – группы заинтересованных чем-то людей. Тут и официанты трактирных заведений, и ветхозаветные старушки, и комсомольская молодежь, и замешкавшаяся

Петр Барановский в 1930-е годы

Церковь Параскевы Пятницы в Охотном ряду. Фото 1881 года

Снос Церкви Параскевы Пятницы. Фото 1928 года

**УТРАЧЕНО
ПОЛНОСТЬЮ**

домашняя работница с кувшином молока, и рабочий телефонной станции, увешанный аппаратами, и торговцы вразнос, с лотками на голове, и чистильщик сапог... Все смотрят туда, где, вынесенная из ряда домов, одиноко маячит церковь Параскевы Пятницы. 240 лет тому назад, в 1688 году князь Голицын выстроил ее для себя и своих близких. А сегодня с высокой колокольни вниз к лебедкам протянулись стальные тросы. Подле лебедок опрокинутой чашкой стоит 200-пудовый колокол. Несколько поодаль лежат на земле громадные металлические языки. Из церкви выносятся куски позолоченного дерева, остатки иконостаса и всяких украшений. Церковь Параскевы Пятницы сносится. Прислушиваюсь к беседам: — Разоряют, — бросает слово, как удочку, пожилая женщина.

— Ну, не первая и не последняя. — А зачем? Кому мешала? — Ты что, бабка, треплешься, боишься, что твоего бога жилища лишат? — спрашивает сосед. — Небось, синагоги не трогают, — бросает антисемитский тип, высокая гражданка в допотопной шляпке. — Вот и неправда ваша, — отзывается молодая женщина с ребенком на руках. — Все одно, что церковь, что синагога. В Себеже, пишет тетка, всего одна синагога осталась. — Молиться, — замечает благообразный старик, — возможно во всяком месте, а церковь, которая мешает движению, нужно снести. — Правильно, — басит электротехник. — Ежели ваш бог вездесущий, вроде беспроводного, так он и без храмины обойдется. В церкви почти ничего от культа не осталось. Среди ра-

бочих бродят с портфелями два представителя Главнауки. Они недовольны: — Ведь это первый в Москве памятник украинского стиля, — говорят они. — Тут ценнейшие изразцы... Моссовет уже внял этим жалобам. Для изысканий дана небольшая отсрочка. Через месяц-два Параскева Пятница будет окончательно снесена. Не станет помехи уличному движению, исчезнет ненужный свидетель мрачного прошлого»¹.

Умолкли любимые старой Москвой колокола — по 60 и 500 пудов весом. Последний перед сносом сбросили с колокольни. Малому колоколу повезло попасть в Коломенский музей. Привела его туда записка. «Вчера, 22 июня мною обнаружен был на Пятницкой при дворце Голицына в Охотном

ряду древний колокол с надписью и орнаментом 1680 года, весом ок. 60 пудов. Чтобы этот колокол не был использован на металл, нужно дать мне доверенность на его получение от Мосфинотдела». Написана она была, конечно же, рукой Петра Дмитриевича Барановского.

**Петр Дмитриевич
Барановский (1892– 1984)**

Архитектор, искусствовед, знаток древнерус-

ской культуры, один из ведущих сотрудников Центральных государственных реставрационных мастерских академика Грабаря. Основал музей в Коломенском и Музей имени Андрея Рублёва в Андрониковом монастыре, вел работы по возрождению Крутицкого патриаршего подворья. Инициировал создание Всероссийского общест-

ва охраны памятников истории и культуры. Первым в России сформулировал методы консервации руин памятников архитектуры, а также предложил создать комплексные охраняемые зоны для групп памятников; первым разработал и применил способ восстановления взорванных памятников, а также применил метод фрагментарной реставрации памятников.

Крутицкое подворье, в реставрацию которого Барановский вложил всю душу. Фото 2013 года

¹ Конец Параскевы Пятницы // Раб. газета. 1928. 29 июня.

Вадим Разумов

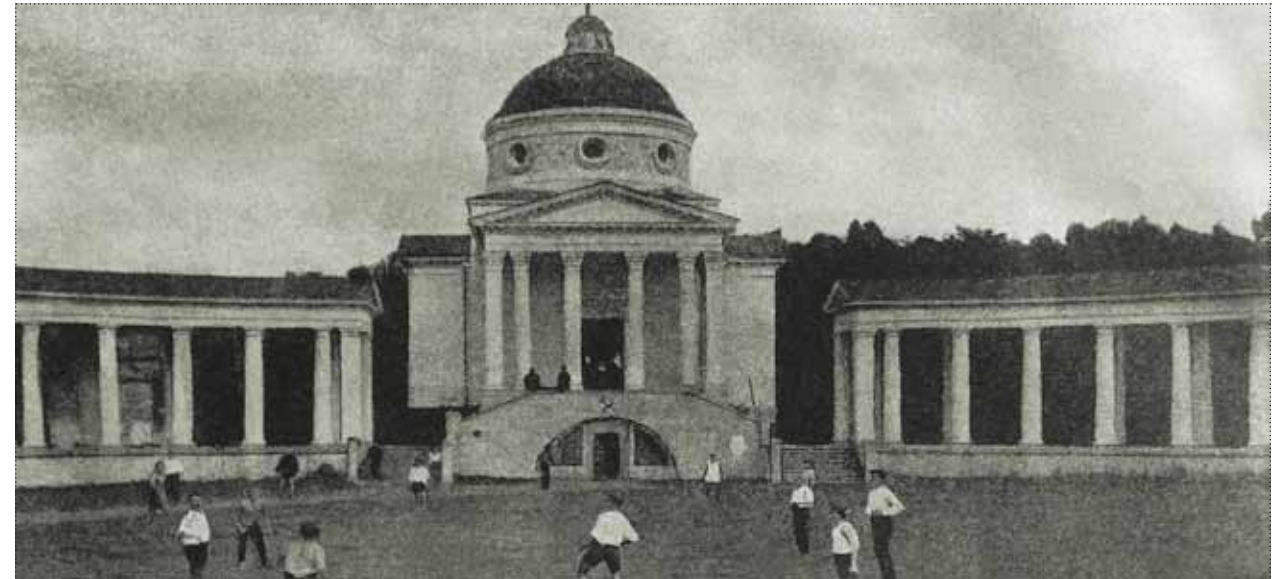
Три частных случая

В 2016 году был основан Фонд целевого капитала «Архитектурное наследие – Русская усадьба», главной задачей которого сейчас является сбор средств на возрождение усадебных домов. Фото Суханово. Фото 2016 года

Судьбы русских усадеб всегда отличались особой драматичностью. Их владельцы, гонимые революцией, не смогли спасти и сохранить свои владения. Огромное количество дворянских гнезд было разрушено и разграблено мародёрами, дорвавшимися до богатого убранства господских домов. Сегодня ученые и энтузиасты, болеющие всей душой за свое дело, по крупицам восстанав-

ливают эти архитектурные памятники старины. Однако печальная участь разрушения и забвения коснулась далеко не всех старинных усадеб. Многие из них претерпели трансформацию, превратившись в санатории, детские дома, больницы. Потеряв своё убранство, а часто и внешний облик, они стали молчаливыми напоминаниями об ушедшей эпохе. Эту ситуацию невозможно

оценить однозначно. О одной стороны, многие усадьбы дошли до наших дней только благодаря подобным манипуляциям. А с другой стороны, эти объекты навсегда потеряли свой первозданный облик и стали, скорее, своими собственными пародиями. Что же в этой ситуации можно считать меньшим из зол? Последствия Октябрьской революции можно смело называть культурной трагедией широчайших масштабов. В процессе национализации бывших дворянских гнезд уничтожались и расхищались уникальные коллекции книг и предметов искусства, архивы документов. С победой большевиков крестьяне упростились в своей вере в то, что

представители дворянского сословия сплошь узурпаторы и угнетатели простого народа. Только за первые месяцы советской власти было разрушено 10% усадеб, многие господские дома были сожжены. К счастью, большевики поняли, что подобное варварство, даже оправданное идеями, нужно обуздать. Ленин и Луначарский не раз высказывали опасение за судьбу коллекций и библиотек, оказавшихся в руках людей, не способных понять их ценность. К началу 1918 года три четверти усадеб центрального региона были экспроприированы. Власти старались защитить самых ярких представителей усадебной культуры. Силы были брошены на спасение от

Архангельское. Храм-усыпальница Юсуповых, превращенный в клуб. Фото 1925 года

Кусковский парк. Ансамбль дворца-музея со стороны пруда. Фото 1940 года

разграбления три крупнейшие усадьбы: Архангельское, Кусково и Останкино. Они первыми получили от властей охранные свидетельства. Также власти проявляли лояльность к родственникам известных писателей и художников. Жена Льва Николаевича Толстого до самой смерти жила в Ясной Поляне, взятой под охрану государства. В период с 1918 по 1921 годы множество крупнейших усадеб стали резиденциями и дачами высших должностных лиц или санаториями и домами отдыха. Для решения усадебной проблемы в 1918 году был создан музейный отдел Наркомпроса. Его эмиссары проявляли подлинный героизм, спасая многочисленные ценности и проводя ревизию в бывших дворянских гнездах. При этом в этом нелегком деле им приходилось сталкиваться не только с невежеством простого народа, но и с желанием

местных властей завладеть усадебным имуществом для собственных нужд. Однако иногда именно местные руководители проявляли заботу об усадьбах и по собственной инициативе организовывали там музей. И всё же перед угрозой приближающегося голода крестьяне растаскивали ценности из усадеб и хранилищ. Так, приехавшие в Марьино эмиссары обнаружили, что «пьяные солдаты и местные крестьяне полностью опустошили дворец. Комната, где находились ценности, разграблена, украдено золотых монет на сумму около десяти миллиона рублей». Согласно архивному документу, датированному 1923 годом, эмиссары посетили менее четверти усадеб в Подмоскovie, в некоторых губерниях было обследовано около десятка поместий. С приходом к власти Сталина закончилось лояльное отно-

шение к усадебной культуре. Многие музеи были закрыты, а здания переданы местным властям. Как уже было сказано, некоторые усадьбы не были уничтожены благодаря тому, что старые господские дома были перестроены под санатории, дома отдыха и дачи высокопоставленных лиц. Вот лишь некоторые примеры подобного спасения.

Подмосковная усадьба Пехра-Яковлевское хранит воспоминания о своих бывших владельцах — князьях Голицыных. Господский дом, предположительно, был построен с 1783 по 1786 годы. По мнению историков, проект разработал известный архитектор Карл Иванович Бланк. В архитектурный ансамбль в стиле классицизма кроме главного дома входили флигели, оранжерея, Преображенский храм, прекрасный парк и пруд. Усадьба, которую в своё время присут-

В качестве архитектора Преображенского храма разные источники называют В.И. Баженова и К.И. Бланка. Фото 2014 года

УТРАЧЕНО
ЧАСТИЧНО

ствием почтили императрицы Елизавета Алексеевна и Мария Фёдоровна, после революции 1917 года была национализирована и сильно пострадала от рук мародеров. С лета 1917 года здесь размещался гражданский комиссар Временного правительства, а в начале 20-х годов — колония для беспризорных. На этом злослучия дворянского гнезда не закончились: 1924 год стал для него роковым. Именно тогда в бывшем имении произошел большой пожар, в котором сильно по-

страдал господский дом. Постройка была восстановлена, но, увы, архитекторы и реставраторы вели работы, не сильно обращая внимание на прежнюю планировку. Поэтому дом дошел до наших времен в измененном виде. Так, над двумя имевшимися этажами был надстроен третий этаж. В 1931 году в усадьбе снова закипела жизнь: сюда переехал Институт пушного звероводства. Позднее в усадьбе начал функционировать сельскохозяйственный институт начального образования, сегодня

преобразованный в Российский государственный аграрный университет. Печальной была судьба и Преображенского усадебного храма. Всё богатое внутреннее убранство было уничтожено, а в самой постройке расположилось производство гуталина, а позднее — институтская библиотека. Возможно именно этот фактор спас храм от неминуемого разрушения. Тот факт, что здание было перестроено, не помешал вернуть храм православной церкви. В девяностых были восстанов-

Пехра-Яковлевское. Третий этаж главного дома был надстроен в 1920-х годах. Продольные фасады, акцентированные центральным ризалитом с фронтоном, членились пилястрами и ветикальными филеками. Фото 2014 года

Пехра-Яковлевское. Дом соединен вогнутыми колоннадами с флигелями. Фото 2014 года

УТРАЧЕНО
ЧАСТИЧНО

Усадьба Суханово. Мавзолей князей Волконских. Фото 2016 года

лены купола, отреставрированы стены и лепниной, воссоздан главный алтарь, заново написаны иконы.

Усадьба Суханово во многом известна благодаря своей владелице княгине Екатерине Алексеевне Волконской. Именно она превратила усадьбу в яркий памятник русского классицизма. На территории поместья находился господский дом, жилой и кухонный флигели, конюшня, дома для приезжих и для священнослужителей. Жемчужиной архитектурного ансамбля всегда был мавзолей Волконских. Супруг княгини Дмитрий Петрович Волконский был смертельно ранен во время войны

с Наполеоном. Он был захоронен в селе Малинки Рязанской губернии. Однако безутешная вдова была решительно настроена перевезти прах любимого супруга в родное имение. Для того, чтобы устроить захоронение, княгиня выстроила мавзолей на территории усадьбы. Для его строительства она пригласила выдающегося зодчего Доминико Жилярди Работы были закончены в 1813 году, тогда Волконская смогла осуществить задуманное. К сожалению, революция внесла свои коррективы во внешний облик имения Волконских. В 20-х годах усадьба была отдана школе, затем господский дом был перестроен

Кн. Екатерина Алексеевна Волконская, ур. Мельгунова (1770 – 1853/1855). Л.С. Миропольский. XVIII век

Церковь Рождества Богородицы в Суханово, уничтоженная в 1930-е годы. Фото 1935 года

**УТРАЧЕНО
ПОЛНОСТЬЮ**

Усадьба Суханово. Столовая в мавзолее князей Волконских. Фото 1950 года

Сейчас в мавзолее церковь. Фото 2016 года

под санаторий под руководством архитектора Виктора Кокорина. Позднее он стал выполнять роль дома отдыха Союза архитекторов. Реставрация дворянского гнезда началась в 1946 году. Точнее, процессы, происходившие в Суханово, больше походили на перестройку, нежели на реставрацию. По мнению ряда исследователей, из-за такого ремонта главный дом утратил свою историческую ценность. Преобразования коснулись и мавзолея. Усыпальница была перестроена в столовую, а прах Волконских был перезахоронен. Сегодня в здании склепа расположена церковь.

Господский дом подмосковной усадьбы Неклюдово, как и многие памятники архитектуры, в XX веке пострадал

при пожаре. На протяжении трех веков усадьбой владели три знатных рода: Коробыны, Долгорукие и Голицыны. При Долгоруких Неклюдово славились своими охотничьими угодьями, которые регулярно посещали венценосные особы. В XVIII веке в результате дворцовых переворотов Долгорукие были сосланы в Березов, а их земли в Неклюдове конфискованы. Вплоть до революции усадьба переходила из рук в руки состоятельных людей. Последними частными владельцами стали представителями известного торгового рода Вогау. Советские власти не считали нужным сберечь историческое наследие, которое заключала в себе усадьба. В 1920-е годы на территории Неклюдова существовал Неклюдовский

Главный дом усадьбы Неклюдово (дача Ворошилова) сгорел в 1949 году. Сейчас во вновь отстроенной усадьбе – гуманитарная русско-испанская школа-пансион «Город солнца»

**УТРАЧЕНО
ПОЛНОСТЬЮ**

Усадьба
Липки. Из
книги «Дачи
и окрестно-
сти Москвы»
1930 год

совхоз, который затем был переименован в Дзержинский и впоследствии – в Нагорный. В 1930-х годах был взорван Владимирский храм, располагавшийся на территории усадьбы. Кстати, Неклюдово известно ещё под одним именем. Усадьбу часто называют «Ворошиловской дачей», поскольку с 1920-х годов до середины XX века она была закреплена за Маршалом Советского Союза, наркомом обороны Климентом Ефремовичем Ворошиловым. В 1949 году деревянный господский дом сгорел: на его месте военачальник отстроил новое здание. Оно сохранилось и по сей день. Уже более 20 лет здание принадлежит гуманитарной русско-испанской школе «Город солнца».

Благодаря Ворошилову старый господский дом не был стерт с лица земли: он получил вторую жизнь.

Неподалеку от Неклюдова расположилась ещё одна усадьба с непростой судьбой. **Липки Алексеевские (Липовка)** в XIX веке принадлежала семье Алексеевых. Александр Владимирович Алексеев и его сын Николай Алексеевич каждый в своё время занимали должность городского главы, и каждого из них ценили и уважали современники. Николай Алексеевич известен тем, что стоял у истоков создания Московской психиатрической больницы №1. Многие знают ее по имени врача Петра Ивановича Кащенко. Однако в 1994 года больнице

Усадебный дом, построенный в начале XX века Жолтовским, но сильно перестроенный.

УТРАЧЕНО
ЧАСТИЧНО

УТРАЧЕНО
ЧАСТИЧНО

Усадьба
Воробьево.
При рекон-
струкции
усадьбы
в конце
1920-х годов
парадный
двор был уни-
тожен, здание
зимнего сада
разобрано.
Фото 2013 года

было присвоено имя Николая Алексеевича Алексеева. Следующим владельцем имения стал немец-фабрикант Рупер. Он затеял большую перестройку всего усадебного комплекса, для чего был приглашен известный архитектор Жолтовский. Черпая вдохновение в природе, он построил на месте старого господского дома новый особняк в неоклассическом стиле. Центральный дом был соединен с двумя полуциркульными галереями. От колоннады к пруду вела широкая красивая лестница. Идиллию разрушила Октябрьская революция. Сохранились воспоминания старожилов о том, как крестьяне громили дворянские гнезда. Тащили всё: книги, посуду, мебель. Несколько лет разграбленная усадьба стояла в запустении. Однако в 1934-м здесь снова закипела жизнь. Липки стали одной из загородных дач И.В. Сталина. Жители соседних деревень вспоминали, как глава правительства СССР отгородился от народа: «Мы пошли как-то за грибами — батюшки! Негде пройти! ... Вот все возмущались, к его стыду:

ведь когда немцы жили, не загораживались колючкой! А это же — наш! Очень даже нехорошо поступил так.» Архитектурный ансамбль претерпел изменения: на территории усадьбы были установлены технических постройки (водопроводная башня, насосная, резервуар, биостанция, трансформаторная подстанция и др.), а также гараж, оранжереи, конюшня, коровник, птичник, козлятник, овощехранилище, ледник. Здание конюшни было переориентировано под дом группы охраны. На правом берегу пруда разбит большой фруктовый сад с плодовыми деревьями и кустарниками. Вдоль пруда была высажена липовая аллея. Последним владельцем Липок стал бывший мэр Москвы Лев Николаевич Зайков. По его указанию в 1987 году на территории усадьбы было возведено здание с бассейном, также у главного дома появилась надстройка в виде кинотеатра и бильярдной.

Подмосковную усадьбу **Воробьево** не обошел процесс масштабной перестройки.

Вид на санаторий «Архангельское» с верхней террасы. Здания санатория были выстроены на месте бывших оранжерей. Фото 2010–х годов

При советской власти бывшее дворянское гнездо было перестроено под дом отдыха. Господский дом утратил старую планировку, было принято решение разобрать лестницу, ведущую в парк, и уничтожить зимний сад.

Исторические здания усадьбы **Архангельское** (бывшее имение Юсуповых) с 1930–х годов соседствуют с корпусами санатория. Для их постройки были снесены оранжереи. Позже постройки передали спортивному клубу ЦСКА, и вплоть до 1990–х здесь тренировали футболистов и хоккеистов. Во времена Советского Союза

в усадьбе был создан музей, были реконструированы интерьеры, также были возвращены многие произведения живописи и восстановлен интерьер библиотеки.

Большие перемены коснулись и усадьбу **Рождествено-Кутайсово**. В 1936 году здесь был разобран старинный дом — представитель деревянного классицизма. На его месте возвели дом отдыха «Снегири». За годы войны здание было сильно повреждено, но в конце 1940–х реконструировано. Оздоровительный комплекс функционирует и по сей день. Здравница находится в веде-

нии Управления делами президента России.

Одна из самых знаменитых подмосковных усадеб **Осташево**, принадлежавшая нескольким поколениями рода Муравьевых, после Октябрьской революции лишилась господского дома и многих других построек. Дом был снесен, а в 1950–х на его месте возведено безликое здание музыкальной школы в стиле сталинского ампира. Возможно, если бы усадьбу ждала судьба санатория или дома отдыха, это спасло бы ее от разрушения.

Каждая усадьба хранит свою историю, свои воспоминания об ушедших эпохах. Какими бы ни были события, развивавшиеся в дворянских гнездах, всё это стало частью истории нашей страны. Усадьбы, бывшие напоминанием о ненавистой царской власти, теперь восстанавливаются силами специалистов высшего класса, правда, далеко не всегда успешно. Утраченное сочень сложно и почти невозможно вернуть, как ни старайся.

МН

Усадеб Рождествено-Кутайсово. Сохранившийся грот. Фото 2015 года

Перечень точек распространения журнала «Московское Наследие» на 2018 год

Книжные магазины

Книжный магазин «Циолковский»
Пятницкий переулок, д. 8, стр. 1
Книжная лавка «Кириллица» (Общественный международный фонд славянской письменности и культуры)
Черниговский переулок, д. 9/13, стр. 2
Книжный магазин «Фаланстер»
Малый Гнездиковский переулок, д. 12/27, стр. 2–3
Книжный магазин-лекторий «Читалка»
Улица Жуковского, д. 4
Книжный клуб – магазин «Гиперион»
Хохловский переулок, 9, стр. 3, под. 12, 16

Кафе, рестораны, клубы

Ресторан «Братья Третьяковы»
Лаврушинский перелок, д. 10
Ресторан «Квартира 44»
Улица Малая Ордынка, д. 24
Кафе «Март»
Улица Петровка, д. 25, стр. 1

Музеи, АРТ-площадки, общественные организации

Музей архитектуры им. А. В. Щусева
Улица Воздвиженка, д. 5
Центральный дом художника
Улица Крымский Вал, д. 10/14
Государственный музей А.С. Пушкина
Улица Пречистенка, д. 12/2
Музей русской усадебной культуры «Усадьба князей Голицыных «Влахернское-Кузьминки»
Тополевая аллея, д. 6
Музей Москвы
Зубовский бульвар, д. 2
Музей археологии Москвы
Манежная площадь, д. 1а
Музей Старый Английский двор
Улица Варварка, д. 4а
Центральный Манеж
Манежная площадь, д. 1
Павильон «Макет Москвы»
Проспект Мира, д. 119, Сиреневая аллея, ВДНХ
Мемориальный Музей «Творческая Мастерская С.Т. Коненкова»
Улица Тверская, д.17
Дизайн завод Флакон
Улица Большая Новодмитровская, д. 36/4
Музей русского искусства
Токмаков переулок, д. 21/2
Дом Гоголя
Никитский бульвар, д. 7а
Центральный совет ВООПИиК
Гагаринский переулок, д. 4/2

Библиотеки, научно-исследовательские и учебные заведения

Московский архитектурный институт
Улица Рождественка, д. 11
Московский институт геодезии и картографии, Гороховский переулок, д. 4, главный корпус
Московский государственный строительный университет
Ярославское шоссе, д. 26

Российский экономический университет имени Плеханова
Стремянный переулок, д. 36
Московский финансово-юридический университет МФЮА
Улица Введенского, д. 1а
Российский государственный гуманитарный университет (Историко-архивный институт)
Улица Никольская, д. 15
Московский городской педагогический университет
2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4
Колледж архитектуры, дизайна и реинжиниринга №26 (26 КАДР)
Улица Трофимова, д. 27, корп. 2
Образовательный комплекс градостроительства «Столица»
Улица Академика Петровского, д. 10
Политехнический техникум №2
1-й переулок Тружеников, д. 12, стр. 4
Библиотека Всероссийского государственного института кинематографии имени С.А. Герасимова
Улица Вильгельма Пика, д. 3
Государственная публичная историческая библиотека
Старосадский переулок, д. 9, стр. 1
Библиотека-читальня имени И.С. Тургенева, ГБУК г. Москвы
Бобров переулок, д. 6, стр. 1, 2
Центральная библиотека № 29 им. Ф.М. Достоевского, ГБУК г. Москвы Централизованная библиотечная система Центрального административного округа»
Чистопрудный бульвар, д. 23, корп. 1
Центральная библиотека № 21, ГБУК г. Москвы «Централизованная библиотечная система Северного административного округа»
Улица Клары Цеткин, д. 11, корп. 1
Библиотека № 79 им. Б.А. Лавренева, ГБУК г. Москвы «Централизованная библиотечная система Восточного административного округа»
Улица Средняя Первомайская, д. 38/7
Российская государственная библиотека для молодежи, ФГБУК г. Москвы
Большая Черкизовская улица, д. 4 корп. 1

Органы государственной власти, подведомственные учреждения

Правительство Москвы
Тверская улица, д. 13, (2, 5 подъезд)
Департамент культурного наследия города Москвы
Пятницкая улица, д. 16
Пятницкая ул., д. 21, стр. 2 (служба «одного окна») Комитет по архитектуре и строительству города Москвы (Москомархитектура)
Триумфальная площадь, д. 1
Департамент культуры города Москвы
Неглинная улица, д. 8/10
Улица Петровка, д. 17, стр. 11/13
Управа района Хамовники г. Москвы
Улица Пречистенка, д. 14
Департамент труда и социальной защиты населения города Москвы
Улица Новая Басманная, д. 10, стр. 1
Департамент образования города Москвы
Улица Большая Спасская, д. 15, стр. 1
Департамент здравоохранения города Москвы
Оружейный переулок, д. 43

Электронная версия журнала:
<https://www.mos.ru/dkn/function/popularizatsiia/zhurnal-moskovskoe-nasledie/>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Федеральной службой по надзору в сфере связей, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-50269 от 14 июня 2012 года

Тираж 20 тыс. экз.

Журнал распространяется бесплатно

Редчайшая фотография так называемого польского собора в Митяевском переулке. В 1839 году земли под этот собор были выкуплены у сестер Петрово-Соловово. Архитектором храма Святых Петра и Павла стал Алессандро Жиллярди. Он выстроил церковь в готическом духе с куполом. В строительстве комплекса церковных строений принимали участие и другие архитекторы – так, например, один из шести алтарей, алтарь Святой Эмилии, сооружен архитектором М. Быковским в память об умершей супруге. Освящен католический храм был в 1845 году. При нем действовали богадельня Святого Филиппа, школа для девочек, библиотека, благотворительное общество. Закрыли католический собор в 1937 году, священников репрессировали, в храме хотели открыть кинотеатр. В июле 1941 года в храм попала бомба и здание радикально перестроили. Сохранилась ограда 1899 года, псевдоготические элементы на фасадах и дворовых флигелях. В 1946 году в здание въехал институт «Гипроугольмаш». Фотография 1937 года из собрания документального фонда Мосгорнаследия

УТРАЧЕНО
ЧАСТИЧНО

Журнал
МОСКОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ
учрежден в 2006 году
Департаментом культурного
наследия города Москвы

Распространяется бесплатно

№ 2 (56)
2018

Издание предназначено для
всех интересующихся историей
нашего города
и для людей, не чуждых заботы
о будущем, ведь те из нас,
кто не хранит свою историю,
его лишены

Канал имени Москвы. Северный
речной вокзал в Химках, пристань.
Архитектор А.М. Рухлядев. Фото
1937 года